

ВЕСТНИК

**Адвокатской палаты
города Москвы**

Выпуск № 2 (153) 2021

Москва
2021

Документы Адвокатской палаты города Москвы

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 175

27 мая 2021 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь ст.ст.7,15,16,17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

р е ш и л:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Абрамович Инна Вячеславовна
2. Алло Сергей Владимирович
3. Баранов Юрий Николаевич
4. Бородудин Алексей Владимирович
5. Быховцев Дмитрий Евгеньевич
6. Вокс Алика Ивановна
7. Гавриков Павел Михайлович
8. Галеев Альберт Ринурович
9. Гришин Александр Николаевич
10. Злобина Елена Александровна
11. Калинин Денис Владимирович
12. Карпушин Виталий Сергеевич
13. Кириллов Александр Николаевич
14. Лихолат Игорь Александрович
15. Налимов Владимир Владимирович
16. Орлов Егор Сергеевич

17. Османова Джаннет Набигулаевна
18. Петренко Наталья Анатольевна
19. Поликанов Алексей Александрович
20. Притулин Роман Валерьевич
21. Сайфитдинов Ренат Юсупович
22. Степанова Наталья Сергеевна
23. Тебиева Алина Тамерлановна
24. Хмелёва Елена Александровна
25. Хюннинен Елена Александровна
26. Чупринская Галина Николаевна
27. Шушкевич Дмитрий Сергеевич.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исключен из членов Адвокатской палаты города Москвы:

1. Мирзаев Мирза Габибуллаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13546, с 27 мая 2021 года.
2. Шутов Виктор Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7103, с 27 мая 2021 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» приостановили статус адвоката:

1. Агузаров Азамат Робертович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14278, с 01 июня 2021 года.
2. Галин Константин Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8774, с 27 мая 2021 года.
3. Гербер Игорь Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9400, с 27 мая 2020 года.
4. Кирсанова Наталья Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14944, с 27 мая 2021 года.
5. Лазутин Иван Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6523, с 01 июня 2021 года.
6. Ломакина Лилит Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8822, с 01 июня 2021 года.
7. Плехова Ксения Олеговна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15311, с 27 мая 2021 года.
8. Сапелкин Денис Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15728, с 27 июня 2021 года.
9. Тасалов Александр Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12291, с 27 мая 2021 года.
10. Фомина Анна Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15813, с 27 мая 2021 года.
11. Чиванова Надежда Дмитриевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9213, с 27 мая 2021 года.
12. Шаропова Дарья Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12395, с 27 мая 2021 года.

13. Ширяева Дарья Павловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15348, с 27 мая 2021 года.

4. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» приостановили статус адвоката:

1. Зварун Евгения Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13624, с 01 июня 2021 года.

2. Миненкова Мария Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/428, с 01 июня 2021 года.

5. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прекратили статус адвоката:

1. Вышняк Вера Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4264, с 27 мая 2021 года.

2. Гладких Валерия Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4960, с 27 мая 2021 года.

3. Годоборшев Эльберд Анзорович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13914, с 27 мая 2021 года.

4. Клейносов Сергей Ильич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/183, с 28 мая 2021 года.

5. Нарыкова Галина Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8737, с 25 июня 2021 года.

6. Новикова Елена Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11174, с 27 мая 2021 года.

7. Садовая Валерия Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/475, с 27 мая 2021 года.

8. Синякова Александра Григорьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6455, с 27 мая 2021 года.

9. Черноусов Дмитрий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15644, с 27 мая 2021 года.

6. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прекращен статус адвокатов:

1. Бессонов Михаил Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11386, с 27 апреля 2021 года.

2. Левицкая Светлана Романовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/939, с 27 апреля 2021 года.

3. Паршаков Иван Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15768, с 16 мая 2021 года.

4. Рамазанов Артур Жумабаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9845, с 20 мая 2021 года.

5. Тарчевская Наталья Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5809, с 01 мая 2021 года.

6. Шерягин Роман Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6753, с 08 мая 2021 года.

7. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прекращен статус адвоката:

Сергеев Александр Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11992, с 25 сентября 2019 года.

8. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» возобновили статус адвоката:

1. Бронецкая Мария Андреевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14974, с 01 июня 2021 года.

2. Казанцев Михаил Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7974, с 15 июня 2021 года.

3. Подольский Александр Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7085, с 01 июня 2021 года.

4. Теницкий Олег Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11360, с 01 июня 2021 года.

5. Цветкова Ольга Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11115, с 27 мая 2021 года.

6. Шипилова Татьяна Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6562, с 27 мая 2021 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 176

27 мая 2021 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Васильев Александр Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4514, с 11 мая 2021 года.

2. Граф Александр Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4515, с 07 мая 2021 года.

3. Заварзин Александр Константинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4526, с 25 мая 2021 года.

4. Ковалев Петр Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4516, с 17 мая 2021 года.

5. Козлов Алексей Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4512, с 28 апреля 2021 года.

6. Кучеренко Виктор Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4524, с 24 мая 2021 года.

7. Москвичева Ирина Львовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4517, с 30 апреля 2021 года.

8. Попов Глеб Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4518, с 19 мая 2021 года.

9. Пузин Владимир Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4511, с 27 апреля 2021 года.

10. Рыжова Светлана Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4519, с 12 мая 2021 года.

11. Свершков Александр Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4520, с 30 апреля 2021 года.

12. Теницкий Олег Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3338, с 01 июня 2021 года.

13. Ткаченко Константин Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4521, с 27 апреля 2021 года.

14. Трофимов Максим Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2000, с 30 апреля 2021 года.

15. Хакало Оксана Вячеславовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4513, с 22 апреля 2021 года.

16. Шамсуллин Артур Мухаметнурович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4522, с 30 апреля 2021 года.

17. Шулимов Александр Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4523, с 05 мая 2021 года.

18. Щеголева Марина Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4524, с 14 мая 2021 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Васькова Мария Валерьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1154, с 01 мая 2021 года.

2. Дарбинян Саркис Симонович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3389, с 16 марта 2021 года.

3. Двойченков Павел Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3028, с 01 мая 2021 года.

4. Ефремов Дмитрий Олегович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3222, с 07 апреля 2020 года.

5. Карташов Борис Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2972, с 16 апреля 2021 года.

6. Лазутин Иван Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2693, с 01 июня 2021 года.

7. Левицкая Светлана Романовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3589, с 27 апреля 2021 года.

8. Логвинчук Роман Олегович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2665, с 27 мая 2021 года.

9. Мирзаев Мирза Габидуллаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3726, с 27 мая 2021 года.

10. Новиков Роман Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2600, с 26 апреля 2020 года.

11. Тарчевская Наталья Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4385, с 01 мая 2021 года.

12. Шевцова Виктория Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4297, с 27 мая 2021 года.

13. Шерягин Роман Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2114, с 08 мая 2021 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская коллегия адвокатов «Андреев, Бодров, Гузенко и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-887, с 22 марта 2021 года.

2. Коллегия адвокатов города Москвы «Дефенс Солюшенс», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-888, с 07 апреля 2021 года.

3. Филиал «Московский» КА СК «Бондяков и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-889, с 22 марта 2021 года.

4. Московская коллегия адвокатов «Рубикон», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-890, с 26 марта 2021 года.

5. Московская коллегия адвокатов «Темпл», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-891, с 18 февраля 2021 года.

4. Учреждено адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро города Москвы «Шель и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-438, с 16 апреля 2021 года.

5. Ликвидированы адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро «Попов, Островский и партнёры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-256, с 28 апреля 2021 года.

2. Адвокатское бюро «Попов, Островский и партнёры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-268, с 14 мая 2021 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 177

27 мая 2021 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов и представления вице-президента Клювганта В.В., решил:

внести в Книгу почета Московской адвокатуры имя адвоката:

Рябцева Владимира Николаевича, регистрационный номер 77/4269 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката «Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва)»,

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы» с вручением Свидетельства о присвоении звания:

1. Зиновьеву Роберту Юрьевичу, регистрационный номер 77/192 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату «Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва)».

2. Канишевской Наталье Владимировне, регистрационный номер 77/4931 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату адвокатского бюро «Канишевская и партнеры».

3. Костанову Юрию Артёмовичу, регистрационный номер 77/227 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской коллегии адвокатов «Адвокатское партнерство».

4. Меклеру Владимиру Александровичу, регистрационный номер 77/3803 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Коллегии адвокатов г. Москвы «Меклер и Партнеры»,

наградить Почетной грамотой Адвокатской палаты города Москвы:

Никитина Дмитрия Николаевича, регистрационный номер 77/13226 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Ассоциации адвокатов Московская коллегия адвокатов «Правовое товарищество».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлены:

Почетной грамотой Федеральной палаты адвокатов РФ:

Коротнев Гурам Леонидович, регистрационный номер 77/13488 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката «Московской межрайонной коллегии адвокатов»,

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени:

Денисов Сергей Борисович, регистрационный номер 77/9269 в реестре адвокатов города Москвы, адвоката Московской коллегии адвокатов «Перспектива».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 214

29 июня 2021 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., рассмотрев заявления адвокатов и руководствуясь ст.ст.7,15,16,17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Ахмиев Рустам Русланович
2. Благоразумова Ольга Алексеевна
3. Бодунов Иван Александрович
4. Буранчик Станислав Николаевич
5. Вагизова Эльвира Рустамовна
6. Вафина Снежана Владимировна
7. Веклич Наталья Георгиевна
8. Ганн Ирина Игоревна
9. Гурченко Евгений Викторович
10. Дадов Азамат Асланович
11. Дейкин Сергей Владимирович
12. Дорджи-Гаряева Елена Андреевна
13. Драгунова Елена Юрьевна
14. Ивашенцев Максим Викторович
15. Капустин Павел Андреевич
16. Каравашкова Светлана Юлиевна
17. Козлова Ольга Владимировна
18. Кокаев Руслан Аланович
19. Колбин Алексей Валерьевич

20. Кондратенко Никита Александрович
21. Лакомова Наталья Александровна
22. Лапов Артем Евгеньевич
23. Магомадов Исмаил Ризванович
24. Матюнин Сергей Валерьевич
25. Маценко Максим Александрович
26. Нежведилов Аслан Зейдулахович
27. Никандров Виталий Геннадьевич
28. Орлов Константин Юрьевич
29. Осадченко Александр Петрович
30. Панков Владимир Юрьевич
31. Разумов Виктор Михайлович
32. Романовский Андрей Анатольевич
33. Савочкин Владимир Валерьевич
34. Скузоватов Михаил Иванович
35. Сурдина Анна Ивановна
36. Урухова Лейла Абдуллаевна
37. Чернуха Марина Александровна
38. Шевин Андрей Дмитриевич
39. Ширяев Игорь Геннадиевич
40. Ярбулдыева Роза Абдулмежитовна
41. Ярошенко Алексей Александрович.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исключены из членов Адвокатской палаты города Москвы:

1. Александров Роман Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15540, с 29 июня 2021 года.
2. Аршанова Надежда Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13406, с 29 июня 2021 года.
3. Бутуханова Светлана Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13904, с 29 июня 2021 года.
4. Самоходкин Денис Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7628, с 29 июня 2021 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» приостановили статус адвоката:

1. Гафуров Ярослав Маратович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15396, с 29 июня 2021 года.
2. Голубев Алексей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12700, с 29 июня 2020 года.
3. Духанина Наталья Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13519, с 29 июня 2021 года.
4. Жилев Темирлан Мухамедович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7993, с 29 июня 2021 года.
5. Ионов Константин Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12187, с 29 июня 2021 года.

6. Кочев Олег Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7917, с 29 июня 2021 года.

7. Наурузова Джульетта Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13301, с 29 июня 2021 года.

8. Полушин Вячеслав Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14717, с 29 июня 2021 года.

9. Рысмухаметов Артур Иркович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13799, с 29 июня 2021 года.

10. Солонский Станислав Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3732, с 01 июля 2021 года.

11. Ступина Оксана Дмитриевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9858, с 29 июня 2021 года.

12. Ушаков Олег Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12573, с 15 июля 2021 года.

4. В соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» приостановили статус адвоката:

1. Васин Антон Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9332, с 29 июня 2021 года.

2. Горячев Игорь Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15159, с 30 июня 2021 года.

3. Милосердов Александр Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11694, с 29 июня 2021 года.

5. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прекратили статус адвоката:

1. Асеева Алла Альбертовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7207, с 29 июня 2021 года.

2. Воскресенский Георгий Алексеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/20, с 01 июля 2021 года.

3. Дорохина Анна Олеговна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11577, с 29 июня 2021 года.

4. Евлапова Наталья Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/975, с 29 июня 2021 года.

5. Звягинцева Людмила Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1676, с 01 июля 2021 года.

6. Игишева Ирина Валентиновна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5492, с 01 июля 2021 года.

7. Клименко Юрий Гаврилович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2046, с 29 июня 2021 года.

8. Мякишев Анатолий Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6637, с 29 июня 2021 года.

9. Пономарев Сергей Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2841, с 29 июня 2021 года.

10. Романов Павел Вячеславович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8499, с 29 июня 2021 года.

11. Романова Марина Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2966, с 29 июня 2021 года.

12. Рябошлык Ирина Владиславовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/853, с 29 июня 2021 года.

13. Стрельников Владимир Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10850, с 29 июня 2021 года.

14. Сысоев Вячеслав Дмитриевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5864, с 29 июня 2021 года.

15. Тарасов Петр Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2013, с 01 июля 2021 года.

16. Черепанова Татьяна Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5020, с 29 июня 2021 года.

17. Щетанюк Татьяна Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8755, с 29 июня 2021 года.

6. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прекращен статус адвокатов:

1. Жаворонков Виктор Федорович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4253, с 22 января 2021 года.

2. Кельбиханов Юсуф Багаудинович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14279, с 29 марта 2020 года.

3. Манаков Владислав Георгиевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2027, с 20 мая 2021 года.

4. Оранская Марина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5261, с 24 апреля 2021 года.

5. Пучкова Нина Митрофановна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9022, с 01 мая 2021 года.

6. Савельев Юрий Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3517, с 19 мая 2021 года.

7. Чижов Александр Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11814, с 16 апреля 2021 года.

7. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» возобновили статус адвоката:

1. Аршанова Надежда Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13406, с 29 июня 2021 года.

2. Погорелов Борис Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3277, с 29 июня 2021 года.

3. Привалова Марина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/43, с 30 июня 2021 года.

4. Разин Игорь Яковлевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13326, с 29 июня 2021 года.

8. В соответствии с п. 16 Решения Девятнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 09 апреля 2021 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы адвокатов:

– в связи с нахождением в отпуске по беременности и родам:

1. Аревшатын Люсину Леоновну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15351, с 25 мая 2021 года по 11 октября 2021 года.
2. Белоусову Надежду Сергеевну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12904, с 15 мая 2021 года по 01 октября 2021 года.
3. Курицыну Яну Сергеевну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14108, с 17 сентября 2020 года по 03 февраля 2021 года.
4. Соколову Викторю Вадимовну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12891, с 31 мая 2021 года по 17 октября 2021 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 215

29 июня 2021 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Совет Адвокатской палаты города Москвы, заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Алоина Ольга Игоревна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4533, с 01 июня 2021 года.

2. Ахмылов Алексей Леонович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4538, с 17 июня 2021 года.

3. Виноградов Сергей Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1968, с 21 июня 2021 года.

4. Волков Всеволод Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4530, с 25 мая 2021 года.

5. Габбас Светлана Темергалиевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4534, с 03 апреля 2021 года.

6. Грабчак Елена Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4529, с 27 мая 2021 года.

7. Джибилати Марианна Бексолтановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4537, с 17 июня 2021 года.

8. Ионов Александр Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4541, с 10 июня 2021 года.

9. Лапузин Василий Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4536, с 22 июня 2021 года.

10. Манов Александр Григорьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4532, с 02 июня 2021 года.

11. Мокридина Ольга Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1233, с 11 июня 2021 года.

12. Неболюбова Ирина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4540, с 23 июня 2021 года.

13. Пекина Натела Абесаломовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3455, с 11 января 2021 года.

14. Пименова Екатерина Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4528, с 01 июня 2021 года.

15. Снежинский Александр Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4539, с 24 июня 2021 года.

16. Соловьева Ирина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4527, с 17 мая 2021 года.

17. Танько Артём Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4531, с 25 мая 2021 года.

18. Федорова Мария Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4535, с 15 июня 2021 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Асеева Алла Альбертовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3634, с 01 июня 2021 года.

2. Бамбаев Валерий Эрдниевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3412, с 25 сентября 2020 года.

3. Васин Антон Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2222, с 29 июня 2021 года.

4. Голубев Алексей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4249, с 29 июня 2020 года.

5. Горячев Игорь Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4145, с 30 июня 2021 года.

6. Жилон Темирлан Мухамедович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1628, с 29 июня 2021 года.

7. Зверева Елена Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1052, с 27 апреля 2021 года.

8. Кельбиханов Юсуф Багаудинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3869, с 29 марта 2021 года.

9. Ларичева Наталия Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4387, с 21 июня 2021 года.

10. Лосев Геннадий Эдуардович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2255, с 27 мая 2020 года.

11. Пономарев Сергей Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2456, с 01 июня 2021 года.

12. Рысмухаметов Артур Иркович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3746, с 29 июня 2021 года.

13. Саидов Руслан Магомедрасулович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2381, с 08 июня 2021 года.

14. Сафин Денис Ануварович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2458, с 02 июня 2021 года.

15. Чижов Александр Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3122, с 16 апреля 2021 года.

16. Шевелевич Антон Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1863, с 07 июня 2021 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская коллегия адвокатов «Донская», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-892, с 29 сентября 2020 года.

2. Филиал Калининградской Коллегии адвокатов «Грозный и партнеры» по г. Москве, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-893, с 30 апреля 2021 года.

3. Московский филиал Невской Коллегии адвокатов Санкт-Петербурга, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-894, с 31 мая 2021 года.

4. Московская городская коллегия адвокатов «Бехтерев и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-895, с 29 марта 2021 года.

5. Московская коллегия адвокатов «Альфа», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-896, с 26 апреля 2021 года.

6. Коллегия адвокатов «Аманлиев, Герасимов, Комаровская» города Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-897, с 16 апреля 2021 года.

7. Московская городская коллегия адвокатов «Васильков и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-898, с 29 апреля 2021 года.

8. Коллегия адвокатов города Москвы «Ваш Советник», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-899, с 19 апреля 2021 года.

9. Коллегия адвокатов города Москвы «Убушаев, Молдованенко и партнёры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-900, с 13 мая 2021 года.

4. Учреждено адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро города Москвы «ЭЛКО профи», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-439, с 03 марта 2021 года.

5. Ликвидировано адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро г. Москвы «Легато», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-391 с 14 мая 2021 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 216

29 июня 2021 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов и представления вице-президента Клювганта В.В., решил:

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы» с вручением Свидетельства о присвоении звания:

Буробину Виктору Николаевичу, регистрационный номер 77/6658 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Адвокатское бюро «Адвокатская фирма «Юстина»,

присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры» с вручением нагрудного знака и удостоверения

1. Васильеву Борису Юрьевичу, регистрационный номер 77/4723 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»;

2. Гридневой Софии Эмануиловне, регистрационный номер 77/5589 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»;

3. Гудковой Галине Васильевне регистрационный номер 77/6266 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»;

4. Каневскому Игорю Валентиновичу, регистрационный номер 77/6299 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»;

5. Кулебякину Юрию Георгиевичу, регистрационный номер 77/6464 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»;

6. Проскураковой Марине Дмитриевне, регистрационный номер 77/3520 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»;

7. Эфросману Михаилу Борисовичу, регистрационный номер 77/2933 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлены:

орденом «За верность адвокатскому долгу»:

Карманов Федор Александрович, регистрационный номер 77/3209 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат «Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва)»,

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I степени:

1. Каламаев Андрей Леонидович, регистрационный номер 77/3473 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

2. Шпанов Константин Анатольевич, регистрационный номер 77/1579 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»,

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени:

1. Буланов Олег Юрьевич, регистрационный номер 77/1766 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

2. Денисов Сергей Борисович, регистрационный номер 77/9269 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Московской коллегии адвокатов «Перспектива».

3. Осинский Михаил Михайлович, регистрационный номер 77/6374 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

4. Стрекалов Юрий Алексеевич, регистрационный номер 77/4010 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Некоммерческого партнерства «Московская коллегия адвокатов «Правозащита»,

Почетной грамотой Федеральной палаты адвокатов РФ:

1. Загудаева Вячеслава Викторовна, регистрационный номер 77/9144 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

2. Кабалоев Руслан Магомедович, регистрационный номер 77/7168 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

Адвокатское сообщество

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Приняли присягу и получили статус адвоката

27 мая 2021 года

1. Венгерский Дмитрий Викторович
2. Владимиров Даниил Владимирович
3. Горбунов Егор Борисович
4. Казакова-Шкаликова Мария Анатольевна
5. Колотилин Владимир Сергеевич
6. Лосев Сергей Леонидович
7. Матинова Анастасия Романовна
8. Морозова Любовь Валерьевна
9. Мошкович Мария Геннадьевна
10. Окулич Петр Иванович
11. Солдатов Роберт Геннадьевич
12. Чернобель Дмитрий Андреевич
13. Ширяев Кирилл Александрович

29 июня 2021 года

1. Ахмиев Расул Русланович
2. Гусарёнок Глеб Константинович
3. Мелешко Денис Анатольевич
4. Прозоров Сергей Юрьевич
5. Соколов Дмитрий Владимирович
6. Тулина Татьяна Валентиновна

В помощь адвокату

В АИС АПМ появилась возможность автоматически уведомить защитника по назначению о защитнике по соглашению¹

Несмотря на Решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 года «О двойной защите», а также многочисленные Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы, в дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы дела, связанные с «двойной защитой», до настоящего времени являются вполне распространенными.

Недопустимыми являются ситуации, когда адвокаты неправомерно выполняют функции «защитника-дублера» по собственной неосмотрительности, самостоятельно не убедившись в отсутствии обстоятельств, препятствующих вступлению в дело по назначению, тем самым ненадлежаще исполнив свои профессиональные обязанности перед доверителем, действуя вопреки интересам коллег и корпорации в целом.

Встречаются также ситуации, когда соглашение об оказании юридической помощи заключается с близкими обвиняемого (подозреваемого), а недобросовестные должностные лица не сообщают об этом ни защитнику по назначению, ни обвиняемому (подозреваемому), скрывают местонахождение подзащитного и иными способами препятствуют адвокату по соглашению участвовать в процессуальных действиях. Таким образом, адвокат, вступая в уголовное дело в качестве защитника по назначению, а также его подзащитный остаются неосведомленными о наличии адвоката по соглашению.

Чтобы избежать подобных ситуаций, Советом Адвокатской палаты города Москвы было принято решение о реализации в личном кабинете адвоката Автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ) функции, позволяющей защитнику по соглашению уведомить защитника по назначению о принятии поручения на защиту определенного лица.

Заявление о защите

В личном кабинете адвоката АИС АПМ добавлен раздел «Заявление о защите», благодаря которому адвокаты смогут избежать случаев, связанных с «двойной защитой».

В данном разделе адвокаты имеют возможность разместить в АИС АПМ заявление о принятии ими поручения на защиту определенного лица.

В случае, если в АИС АПМ уже размещена или будет подана в будущем заявка на назначение защитника данному лицу, система автоматически уведомит назначенного адвоката по электронной почте, push- и смс-сообщениями о наличии заявления защитника по соглашению и предоставит его телефон и электронную почту. Инфор-

¹ Инструкция адвоката по работе в АИС АПМ. Редакция 11.6. Утверждена приказом Президента Адвокатской палаты города Москвы от 10 марта 2021 г. № 10/к // https://www.advokatymoscow.ru/upload/files/ais_apm_advocate_guide.pdf

мация о защитнике по соглашению, его координатах и дате подачи заявления будет всегда отображаться на странице соответствующей заявки в таблице «Заявления о защите по соглашению».

Адвокат в любое время может отозвать свое заявление о защите по соглашению. В таком случае на странице соответствующей заявки защитнику по назначению будет продолжаться отображаться информация о заявлении, но содержащая отметку о дате его отзыва.

Необходимо учитывать, что заявление о защите по соглашению носит уведомительный характер и само по себе не препятствует вступлению в дело адвокату по назначению.

Защитнику по назначению, который получит уведомление АИС АПМ о наличии заявления защитника по соглашению, необходимо проверить обоснованность размещенного заявления, в том числе связаться с адвокатом, подавшим данное заявление.

Инструкция, раздел 5. Заявление о защите по соглашению, стр. 15–18.

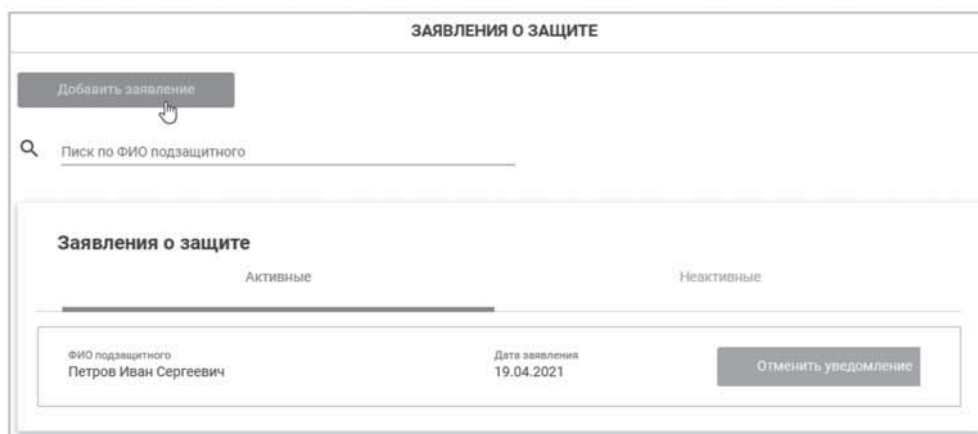
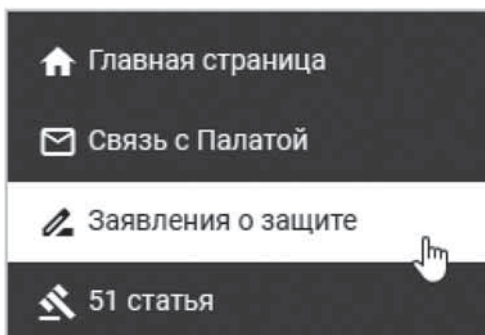
5. Заявление о защите по соглашению

5.1. Подача заявления о защите

В АИС АПМ реализована функциональность оповещения адвокатов, работающих по делам по назначению, о заявлениях на защиту по соглашению.

Для того, чтобы зарегистрировать заявление на защиту по соглашению, необходимо открыть пункт меню слева «Заявления о защите».

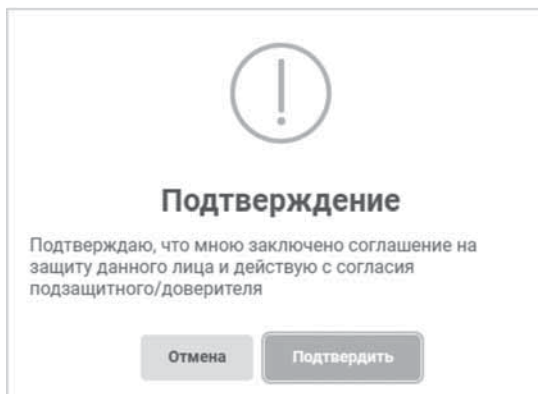
Откроется раздел «Заявления о защите», в котором необходимо добавить Ф.И.О. подзащитного, нажав на кнопку «Добавить заявление».

Подтвердите свое действие в появившемся окне.

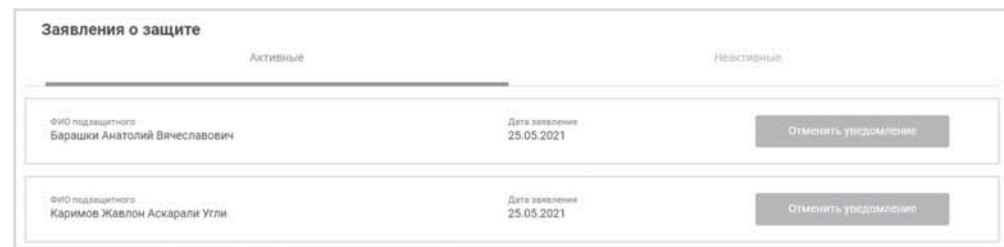
После подтверждения регистрации заявления данные об этом заявлении будут автоматически добавлены в зарегистрированные заявки в АИС АПМ с данными Ф.И.О. подзащитного.

Дополнительно адвокату, участвующему по данной заявке по назначению, будет направлено e-mail уведомление и sms-сообщение о регистрации заявления на защиту по соглашению.

Все зарегистрированные заявления на защиту по соглашению отображаются в таблице «Заявления о защите» на вкладке «Активные».

При необходимости оповещение о заявлении можно отменить, нажав на кнопку «Отменить уведомление».

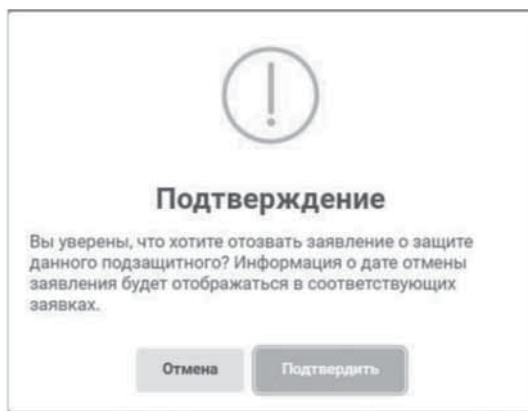
5.2. Отмена оповещения о заявлении о защите

Для отмены оповещения о заявлении о защите по соглашению необходимо во вкладке «Активные» раздела «Заявления о защите» найти необходимое заявление по Ф.И.О. подзащитного, воспользовавшись полем поиска, и нажать на кнопку «Отменить уведомление».

Подтвердите свое действие в появившемся окне.

Адвокат может отозвать свое заявление о защите по соглашению. В таком случае на странице соответствующей заявки защитнику по назначению будет отображаться дата отмены уведомления о защитнике по соглашению.

Все отмененные заявления можно просмотреть на вкладке «Неактивные» раздела «Заявления о защите», содержащего:

- Ф.И.О. подзащитного
- Дату регистрации заявления
- Дату отмены регистрации заявления

Заявления о защите		
Активные	Неактивные	
ФИО подзащитного Чепрасов Дмитрий Валерьевич	Дата заявления 08.04.2021	Дата отмены 19.04.2021
ФИО подзащитного Иванова Ирина Игоревна	Дата заявления 08.04.2021	Дата отмены 19.04.2021
ФИО подзащитного Абрамова Ксения Геннадьевна	Дата заявления 08.04.2021	Дата отмены 19.04.2021
ФИО подзащитного Калашникова Марина Мартовна	Дата заявления 08.04.2021	Дата отмены 08.04.2021

Обзор дисциплинарной практики

1. Дисциплинарные производства по жалобам на ненадлежащее исполнение адвокатами обязанностей перед доверителями, а также по вопросам «двойной защиты» и вступления адвокатов в уголовные дела в качестве защитников по назначению в нарушение установленного порядка

1.1. Совет объявил адвокату замечание за непропорциональное выполнение им функций «защитника-дублера».

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием заявителя, адвоката Ч., в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К., адвоката П. ... и адвоката Ч. ...от 10 февраля 2021 г. ... в отношении адвоката Б.

12 мая 2021 г. Квалификационная комиссия вынесла Заключение о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О двойной защите» и Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнении адвокатом Б. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в непропорциональном выполнении функций «защитника-дублера» в судебном заседании по уголовному делу... в М. городском суде 10 февраля 2021 г.

В оставшейся части Комиссия признала дисциплинарное производство подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятель-

ности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Б., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Заявители К. и адвокат П., извещенные надлежащим образом и своевременно получившие Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились, каждый из них заявил ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

В соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Заявитель, адвокат Ч., в заседании Совета заявил о своевременном получении Заключения Квалификационной комиссии и полном согласии с ним. Отвечая на вопросы членов Совета, заявил, что негативные последствия для его доверителя К. не наступили, поскольку судебное заседание было отложено. Вместе с тем К. недоволен действиями адвоката Б. Решение вопроса о мере наказания адвоката Б. оставил на усмотрение членов Совета.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заклю-

нием Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что с 10 февраля 2021 г. защиту заявителя К. осуществляют защитники по соглашению – адвокаты П. и Ч. В назначенное М. городским судом на 10 февраля 2021 г. судебное заседание явились защитник К. по соглашению, адвокат Ч., и защитник по назначению суда, адвокат Б., явка которого была обеспечена М. городским судом.

Заявители считают, что адвокат Б. принял 10 февраля 2021 г. поручение на защиту К. *«в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению»*.

Кроме того, адвокат Б., узнав, что в деле имеется защитник по соглашению, адвокат Ч., не покинул процесс, а, напротив, остался участвовать в нем в качестве адвоката-дублера, высказал позицию о необходимости вызова потерпевших в судебное заседание, что расходилось с позицией его подзащитного К., отказывался покидать процесс, несмотря на заявленное К. ходатайство. Кроме этого, адвокат Б. вместо подзащитного К. и в противоречие с его позицией ответил на вопрос суда о признании К. своей вины, одновременно заявив о том, что предлагает К. как можно быстрее сделать такое признание.

10 февраля 2021 г. М. городским судом было вынесено постановление, в соответствии с которым суд, при наличии в деле защитника по соглашению, сохранил участие в деле и защитника по назначению Б., которое последний исполнил, что, по мнению авторов обращения, *«является нарушением профессиональной этики адвоката»*.

Не соглашаясь с доводами авторов жалобы, адвокат Б. указывает, что заяв-

ка на защиту К. была им принята еще 13 января 2021 г. Данную информацию он довел до подзащитного *«по просьбе помощника судьи»*. 22 января 2021 г. он явился в судебное заседание, назначенное на указанную дату, но оно не состоялось по причине болезни подсудимого К. и было отложено на 2 февраля 2021 г. В тот же день, 22 января 2021 г., он ознакомился с материалами уголовного дела, обратил внимание на тот факт, что К. полностью признал вину, до 2019 года находился в розыске, и что по делу истек срок давности привлечения К. к уголовной ответственности. 2 февраля 2020 г. судебное заседание состоялось, и он участвовал в нем качестве защитника К., назначенного М. городским судом. В ходе судебного заседания рассматривались вопросы о необходимости прекращения уголовного преследования К. по целому ряду эпизодов обвинения в связи с истечением сроков давности привлечения К. к уголовной ответственности. Следующее судебное заседание было назначено на 10 февраля 2021 г., однако накануне ему позвонил подзащитный К. и заявил по телефону об отказе от его *«услуг»* в связи с заключением соглашений с другими адвокатами. Адвокатом Б. подзащитному было разъяснено, что данное ходатайство он должен заявить 10 февраля 2021 г. в ходе судебного процесса, на который адвокат обязан явиться. 10 февраля 2021 г. в судебное заседание, помимо адвоката Б., явились подсудимый К. и его адвокат Ч. Адвокат П. в судебное заседание не явился, сославшись на болезнь, в связи с чем просил отложить рассмотрение дела на 19 февраля 2021 г. В ходе судебного заседания К. заявил ходатайство об отказе от *«услуг»* адвоката по назначению, которое адвокат Б. поддержал, однако решением суда в удовлетворении данного ходатайства было отказано со ссылкой

на ч. 2 ст. 52 УПК РФ, при этом судом было указано на необходимость одновременного участия в судебном заседании как защитника по соглашению, так и защитника по назначению. Адвокат Б. утверждает, что права подзащитного К. он не ущемлял, к признанию вины и даче признательных показаний не призывал.

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что адвокат Б. принимал участие в качестве защитника К. по назначению М. городского суда на основании принятой им еще 13 января 2021 г. заявки... размещенной в этот же день в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) помощником судьи М. городского суда... для обеспечения участия защитника по назначению суда 22 января 2021 г. в судебном заседании по уголовному делу... Каких-либо доказательств, свидетельствующих о нарушении порядка приема адвокатом Б. данной заявки, не представлено. При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Б. в данной части непровергнутой.

Вместе с тем Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что отказ адвоката Б., вопреки воле доверителя, от покидания зала судебного заседания после оглашения решения судьи М. городского суда по ходатайству К., в котором отсутствуют какие-либо указания на действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитников по соглашению, которые бы противоречили требованиям закона либо представляли бы собой злоупотребление правом на защиту, дезорганизующее ход судебного заседания и направленное на срыв судебного процесса, полностью проти-

воречил обязательным разъяснениям органов адвокатского самоуправления, принятым в пределах их компетенции, о недопустимости участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками в качестве дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Такое профессиональное поведение адвоката Б. свидетельствует о ненадлежащем исполнении им своих профессиональных обязанностей перед доверителем К., а именно в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» в судебном заседании по уголовному делу... в М. городском суде 10 февраля 2021 г.

Что же касается доводов жалобы о том, что адвокат Б. в судебном заседании 10 февраля 2021 г. высказал позицию о необходимости вызова потерпевших в судебное заседание, что расходилось с позицией его подзащитного К., а также вместо подзащитного К. и в противоречие с его позицией ответил на вопрос суда о признании К. своей вины, одновременно заявив о том, что предлагает К. как можно быстрее сделать такое признание, то данные дисциплинарные обвинения Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованными, поскольку они не подтверждены какими-либо доказательствами. Более того, в протоколе судебного заседания от 10 февраля 2021 г. по уголовному делу... в отношении К. каких-либо вопросов о вызове потерпевших, а равно ответов или заявлений адвоката Б. относительно необходимости признания К. своей вины не содержится. Сведений о подаче заявителями замечаний на протокол судебного заседания в материалах дисциплинарного производства не имеется. При таких обстоятельствах Совет признает

презумпцию добросовестности адвоката Б. в данной части непровергнутой.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Б. за допущенное нарушение, Совет учитывает его грубый характер, явно нарушающий Решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О двойной защите», а также многочисленные разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат Б., имеющий значительный стаж адвокатской деятельности, нарушение допустил впервые, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1.2. Адвокату объявлено замечание за неявление ходатайства об отложении судебного заседания после покидания ее подзащитным заседания суда и за неподачу возражений против действий председательствующего по продолжению судебного заседания в отсутствие ее подзащитного.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 28 января 2021 г. ...в отношении адвоката Т.

12 мая 2021 г. Квалификационная комиссия вынесла Заключение о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об ад-

– применить к адвокату Б. ...меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. «О двойной защите» и Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 18 января 2016 г. «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в неправомерном выполнении функций «защитника-дублера» в судебном заседании по уголовному делу... в М. городском суде 10 февраля 2021 г.;

– в оставшейся части дисциплинарное производство прекратить вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Б. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

вокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем К. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя), что выразилось в неявлении адвокатом Т. ходатайства

об отложении судебного заседания после покидания 18 июня 2020 г. ее подзащитным К. судебного заседания апелляционной инстанции М. городского суда по материалу №... и в неявлении ею возражений против действий председательствующего по продолжению судебного заседания в отсутствие ее подзащитного.

В этом же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в остальной части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Т., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, заявила письменное ходатайство об отложении рассмотрения дисциплинарного производства в связи с ее занятостью, в котором также указала, что она заявляла указанные в Заключении ходатайство и возражения, однако по неизвестной ей причине это не отражено в протоколе судебного заседания.

Заявитель К., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, участие представителя не обеспечил.

Обсудив ходатайство адвоката Т. об отложении рассмотрения дисциплинарного производства, Совет пришел к выводу о его необоснованности и о возможности рассмотрения дисциплинарного производства в отсутствие адвоката Т., поскольку она неоднократно давала объяснения, а также в отсутствие заявителя К., поскольку в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявки кого-либо из участников не препятствует разбирательству и принятию решения.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Обращаясь с жалобой на действия адвоката, заявитель К. указал, что адвокат Т., представившая удостоверение... и ордер... вступила в процесс в качестве его защитника по назначению и тем самым лишила избранного заявителем К. защитника, адвоката Ф., возможности защищать свою позицию по поданной им апелляционной жалобе, а самого заявителя К. – юридической помощи своего защитника. Адвокат Т., вопреки воле К., не покинула зал судебного заседания суда апелляционной инстанции, хотя и признала, что без Ф. продолжать заседание нельзя. В ходе указанного судебного заседания 18 июня 2020 г. протест К. и отказ от участия в заседании не поддержала, не заявила никаких ходатайств или возражений против рассмотрения дела в отсутствие К. и его защитника и свела всю защиту к одной фразе о том, что она поддерживает доводы апелляционных жалоб. Кроме того, адвокат Т. отказалась исследовать материалы дела, которые ей были неизвестны и безразличны, чем позволила суду не исследовать доказательства. В прениях адвокат Т. *«сказала четыре формальных штампа, ничем их не доказывая, и после этого покинула зал суда»*.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что 17 июня 2020 г. посредством Автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы (АИС АПМ) адвокат Т. приняла заявку... от 17 июня 2020 г. на осуществление защиты К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 170.1, ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ, в М. городском суде в порядке,

предусмотренном ст. 51 УПК РФ. Принимая вышеуказанную заявку на защиту К., адвокат Т. не знала, что у К. имеется защитник по соглашению, и данная информация в заявке отсутствовала. 18 июня 2020 г., до начала заседания М. городского суда по материалу №... по апелляционным жалобам на постановление М. районного суда города Москвы от 19 мая 2020 г. о продлении К. срока содержания под стражей, адвокат Т. ознакомилась с материалами обжалуемого постановления суда, что подтверждается имеющимися у адвоката фотокопиями материалов дела и распiskой об ознакомлении с ними. Адвокат Т. также позвонила адвокату Ф. для выяснения причин его неявки в судебное заседание, но телефон адвоката Ф. не отвечал. На обращенный к секретарю судебного заседания вопрос последней сообщила, что адвокат Ф. извещен и сам просит назначить защитника в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, так как находится в Н. районном суде Н. области и приехать не может. Для того, чтобы не нарушать права К. на защиту и тем самым освободить себя от возложенной на нее судом обязанности по защите К. в порядке, установленном ст. 51 УПК РФ, адвокат Т. в судебном заседании поддержала ходатайство К. об отказе от нее, просила суд отложить судебное заседание для обеспечения участия защитника адвоката Ф. Суд отказал в удовлетворении ходатайства адвоката Т. об отложении судебного заседания и освобождении ее от защиты К., сообщив, что адвокат Ф. был извещен о дате заседания 1 июня 2020 г. и не возражает против участия защитника, назначенного в порядке, установленном ст. 51 УПК РФ. Кроме того, суд указал на то, что законом предусмотрены сокращенные сроки рассмотрения материала. В судебном заседании она не только поддержала жалобы, но и проси-

ла суд отменить постановление М. районного суда города Москвы от 19 мая 2020 г., признав его незаконным, избрав К. более мягкую меру пресечения в виде домашнего ареста. В соответствии с доводами апелляционной жалобы К. адвокат Т. в судебном заседании также указывала на то, что мать К. ...страдает хроническими заболеваниями, а потерпевшие не возражают против изменения избранной в отношении К. меры пресечения на более мягкую.

Совет отмечает, что согласно ч. 11 ст. 108 УПК РФ «суд апелляционной инстанции принимает решение по жалобе или представлению не позднее чем через 3 суток со дня их поступления». Кроме того, в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» внимание судов обращается на то, что «в силу части 11 статьи 108, части 3 статьи 107 и части 8 статьи 109 УПК РФ на постановления судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста и о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста либо об отказе в этом в течение 3 суток со дня их вынесения могут быть принесены в порядке, установленном статьей 389.3 УПК РФ, апелляционные жалоба, представление, подлежащие рассмотрению в тот же срок со дня поступления жалобы или представления в суд апелляционной инстанции». Таким образом, уголовно-процессуальным законом установлен специальный трехсуточный процессуальный срок для рассмотрения апелляционных жалоб (представлений) на постановление судьи о продлении срока содержания под стражей.

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября

2013 г. утвердил Решение «О двойной защите» (с изменениями и дополнениями, внесенными решением Совета ФПА РФ от 28 ноября 2019 г.), в абз. 4 п. 2.1 которого указал, что «Когда участвующий в уголовном деле защитник по соглашению или по назначению в течение 5 суток, если иное не предусмотрено законом, не может принять участие в уголовном процессе, адвокат, назначенный защитником в соответствии со статьей 50 УПК РФ, обязан принять на себя защиту подсудимого» (см.: «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск № 4(42); «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуски № 11–12(121–122); «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2020. Выпуск № 1(69). С. 83).

Учитывая, что из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Ф. был впервые уведомлен о дате, времени и месте судебного заседания суда апелляционной инстанции 1 июня 2020 г., то есть более чем за пять суток до даты судебного заседания, но не смог принять в нем участие, ссылаясь на свою занятость в другом судебном процессе в Н. районном суде Н. области, адвокат Т., назначенная в установленном порядке защитником, правомерно приняла на себя защиту подсудимого К. и участвовала 18 июня 2020 г. в судебном заседании апелляционной инстанции М. городского суда по материалу №...

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что дисциплинарные обвинения в оказании К. некавалифицированной юридической помощи опровергаются материалами дисциплинарного производства. Согласие адвоката Т. на рассмотрение апелляционных жалоб без проверки доказательств, которые уже были исследованы судом первой инстанции, во-первых, не предопределяло решение суда по данному

вопросу, а, во-вторых, не освобождало суд от обязанности по рассмотрению и оценке всех доводов апелляционных жалоб. Следовательно, позиция адвоката Т. по вопросу о необходимости исследования доказательств в судебном заседании не свидетельствует о ненадлежащем исполнении ею своих профессиональных обязанностей. Являются недоказанными и утверждения К. о некавалифицированном выступлении адвоката Т. в прениях сторон. Протокол судебного заседания от 18 июня 2020 г., который не является стенограммой, может не содержать полного изложения выступления адвоката Т. в прениях сторон, а поскольку аудиовидеозапись судебного заседания от 18 июня 2020 г. заявителем К. не представлена, презумпция добросовестности адвоката Т. в данном случае также не опровергнута.

Вместе с тем Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об обоснованности дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Т. не поддержала позицию доверителя о недопустимости продолжения судебного заседания по материалу №... после того, как он (К.) покинул зал судебного заседания, то есть действовала вопреки его воле.

Как следует из протокола судебного заседания от 18 июня 2020 г., после покидания подсудимым К. зала судебного заседания адвокат Т. на вопрос суда о возможности разбирательства материала по жалобам в отсутствие подсудимого К. заявила, что «подзащитный имеет право отказаться от участия в суде апелляционной инстанции».

Совет отмечает, что в данном случае покидание К. судебного заседания было связано не с отсутствием у него желания реализовать свои процессуальные права, а являлось продолжением четко выраженной им позиции о недопустимости проведения судебного заседания в

отсутствие избранного им защитника Ф. При таких обстоятельствах адвокат Т. должна была продолжать отстаивать права своего подзащитного К., требуя отложить судебное заседание и обеспечить участие адвоката Ф., поскольку только такое ее процессуальное поведение было бы сообразно реализации права К. на свободный выбор защитника. Непринятие адвокатом Т., вопреки воле своего подзащитного, исчерпывающих мер к реализации его права на свободный выбор защитника, в том числе незаявление ею ходатайства об отложении судебного заседания непосредственно после его покидания К., равно как и возражений против действий председательствующего в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 243 УПК РФ, в сложившейся процессуальной ситуации свидетельствует о нарушении адвокатом требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. Таким образом, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Т. в данной части опровергнутой, поскольку она не проявила необходимой последовательности и настойчивости в отстаивании прав своего подзащитного К. Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката Т. о том, что ею заявлялись указанные выше ходатайство и возражения, однако это по неизвестным ей причинам не отражено в протоколе судебного заседания, поскольку адвокатом Т. замечания на протокол судебного заседания не подавались.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Т. за допущенные нарушения, Совет учитывает, что ее бездействие способствовало нарушению права доверителя на получение квали-

фицированной юридической помощи избранного им защитника. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат Т. нарушение допустила впервые, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

– применить к адвокату Т. ...меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем К. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя), что выразилось в незаявлении адвокатом Т. ходатайства об отложении судебного заседания после покидания 18 июня 2020 г. ее подзащитным К. судебного заседания апелляционной инстанции М. городского суда по материалу №... и в незаявлении ею возражений против действий председательствующего по продолжению судебного заседания в отсутствие ее подзащитного;

– в оставшейся части дисциплинарное производство прекратить вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.3. Адвокату объявлено замечание за его участие в качестве защитника по назначению в процессуальном действии в условиях неистечения пятисуточного срока с момента, когда обвиняемый отказался от защитника по соглашению и сообщил о приглашении его родственниками другого защитника по соглашению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием адвоката О. рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ч. от 15 февраля 2021 г. ... в отношении адвоката О.

Квалификационная комиссия 26 мая 2021 г. вынесла Заключение, в соответствии с которым адвокатом О. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ч. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в принятии им 1 февраля 2021 г. участия в проведении следователем... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве процессуального действия по уведомлению обвиняемого Ч. и его защитника об окончании следственных действий по уголовному делу... в качестве защитника Ч. по назначению в условиях неистечения пятисуточного срока с момента, когда Ч. отказался от защитника по соглашению, адвоката П., и довел до сведения защитника по назначению, адвоката О., и следователя... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве С. информацию о приглашении его родственниками другого защитника по соглашению.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката О. по жалобе Ч., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель жалобы Ч., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, подал в Совет письменное заявление... в котором указал, что с Заключением Квалификационной комиссии согласен и просил о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, учитывая поступившее 28 июня 2021 г. заявление Ч., рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката О. в отсутствие неявившегося заявителя жалобы Ч.

Адвокат О. в заседании Совета сообщил, что согласен с Заключением Квалификационной комиссии в полном объеме, поддержал поданное им в Совет письменное заявление от 18 июня 2021 г. ... о согласии с Заключением Квалификационной комиссии. В указанном заявлении адвокат О. полностью при-

знал установленное Квалификационной комиссией нарушение, а также просил Совет о прекращении дисциплинарного производства вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка, поскольку считает, что им не совершено действий, ухудшающих положение Ч. по уголовному делу.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката О., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве находится уголовное дело... возбужденное 5 декабря 2019 г. в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ. Защиту обвиняемого Ч. по уголовному делу... осуществлял защитник по соглашению, адвокат П., который предоставил ордер от 19 февраля 2020 г. №... 1 февраля 2021 г., в кабинете... ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве обвиняемый Ч. отказался от адвоката П., о чем написал на имя следователя... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве С. собственноручное заявление следующего содержания: «От услуг адвоката П. отказываюсь, что не связано с моим материальным положением». В этот же день следователь С. разместил в АИС АПМ заявки №№ 2***55, 2***85, 2***00 и 2***08. Заявка № 2***08 была распределена АИС АПМ адвокату О.

1 февраля 2021 г. по заявке № 2***08 в помещение ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве для осуществления защиты Ч. по назначению явил-

ся адвокат О., который предоставил ордер от 1 февраля 2021 г. ...выданный на защиту Ч. После чего следователь С. вынес постановление о назначении Ч. защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ, в котором указал следующее: «...01.02.2021 в кабинете... ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве обвиняемым Ч. следователю С. был заявлен отказ от услуг адвоката по соглашению, П. При этом обвиняемым Ч. органу следствия не предоставлены какие-либо сведения о приглашении иного защитника в рамках заключенного соглашения, а также не заявлено ходатайство о приглашении иного защитника... Назначить обвиняемому Ч. защитника, адвоката О., на основании заявки... от 01.02.2021». В этот же день следователь... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве С. уведомил обвиняемого Ч. и адвоката О. об окончании следственных действий по уголовному делу... На первой странице протокола уведомления об окончании следственных действий содержится собственноручная запись обвиняемого Ч. следующего содержания: «С уведомлением об окончании следственных действий я не согласен... Вместе с тем в настоящий момент отсутствует мой адвокат по соглашению, в связи с чем нарушаются мои конституционные права на защиту...». На остальных листах протокола уведомления обвиняемого Ч. и защитника О. об окончании следственных действий по уголовному делу... указано, что обвиняемый Ч. в присутствии защитника от подписи протокола отказался, о чем следователем С. были сделаны соответствующие записи. Указанный протокол подписан адвокатом О, который также поддержал ходатайство обвиняемого Ч., о чем сделал соответствующую запись в протоколе уведомления об окончании следственных действий

по уголовному делу... а также заявил собственное письменное ходатайство об освобождении его от участия в уголовном деле в связи с отказом обвиняемого Ч. Следователь С. рассмотрел ходатайства обвиняемого Ч. и адвоката О. и вынес постановление о полном отказе в их удовлетворении, в котором указал: «1 февраля 2021 г. по уголовному делу... в... отдел СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве поступило ходатайство обвиняемого Ч. об отказе от услуг адвоката О. в связи с осуществлением его защиты адвокатом по соглашению... В соответствии со ст. 52 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника. Отказ от защитника заявляется в письменном виде... При этом обвиняемым Ч. органу следствия не предоставлены какие-либо сведения о приглашении иного защитника в рамках заключенного соглашения, а также не заявлено ходатайство о приглашении иного защитника... Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника необязателен для следователя». 3 февраля 2021 г. в канцелярию ГСУ ГУ МВД России по городу Москве на имя следователя... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве С. поступило ходатайство адвоката Са. от 2 февраля 2021 г. о приобщении ордера от 1 февраля 2021 г. ...на защиту Ч. в ГСУ ГУ МВД России по городу Москве, содержащее также просьбы адвоката Са. ознакомить его с материалами уголовного дела и производить все процессуальные действия с Ч. с его (адвоката Са.) участием. В графе «Основание выдачи ордера» указано «Соглашение...».

Рассматривая доводы жалобы Ч. о том, что 1 февраля 2021 г. адвокат О. в нарушение требований ст. 50 УПК РФ вопреки воле Ч. принял на себя поручение по осуществлению его защиты, не-

смотря на то, что Ч. отказался от адвоката О. и подписал протокол уведомления об окончании следственных действий по уголовному делу... Совет отмечает, что правовой смысл обязанностей адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально исполнять свои обязанности, защищать права, свободы и интересы доверителей (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении (ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к осуществлению защиты по назначению следователя в порядке ч. 3 и 4 ст. 50, ст. 51 УПК РФ раскрыт в решениях органов Адвокатской палаты города Москвы и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, исполнение решений которых является обязанностью адвоката (п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

В соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение пяти суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

Согласно подп. «а» и «в» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://fparf.ru>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2017. № 2(57). С. 140–142) в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению.

В Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы № 9 по вопросам профессиональной этики адвоката «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» (утверждены Советом 24 сентября 2015 г.) указано, что пятисуточный срок неявки приглашенного защитника вписан в разнообразные ситуации обычного течения всех стадий уголовного судопроизводства: адвокат заболел, ушел в отпуск, занят в другом деле, с ним расторгнуто соглашение, он покинул место проведения процессуального действия в знак протеста против нарушения дознавателем, следователем или судом закона и др. Назначение защитника следователем или судом до истечения явочного пятисуточного срока может мотивироваться, в том числе, противодействием затягиванию обвиняемым и адвокатом расследования или рассмотрения дела, необходимостью проведения заранее запланированного и согласованного с защитником процессуального действия или соблюдения пресекательных сро-

ков расследования (предъявления обвинения, ознакомления с материалами дела). При этом в практике может иметь как искусственное создание дознавателем, следователем, судом ситуации неявки приглашенного защитника, так и намеренное затягивание последним по согласованию с подзащитным сроков производства того или иного процессуального действия. В подобных ситуациях защитник по назначению должен действовать с учетом конкретных обстоятельств, но во всех случаях с соблюдением требований закона и вышеуказанных Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2015. Выпуск № 3(129). С. 39–42).

1 февраля 2021 г. обвиняемый Ч. отказался от защитника по соглашению, адвоката П., при этом заявил, что его родственники заключили соглашение на его защиту с другим адвокатом, в связи с чем заявил отказ от адвоката, назначенного следователем в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ.

Постановление следователя... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве С. от 1 февраля 2021 г. о полном отказе в удовлетворении ходатайства Ч. об отказе от защитника по назначению, адвоката О., и ходатайства адвоката О. об освобождении его от участия в уголовном деле не содержит сведений о злоупотреблении обвиняемым Ч. и/или его защитниками правом на защиту, а именно о намеренном затягивании последним сроков производства процессуального действия путем отказа от защитника по соглашению. Не приведено в этом постановлении также сведений о том, что обвиняемый Ч. был заблаговременно уведомлен следователем о проведении процессуального действия по его уведомлению об окончании следственных действий по уголовному делу.

Учитывая приведенные правовые положения и установленные Квалификационной комиссией фактические обстоятельства, Совет приходит к выводу о том, что адвокат О. должен был принять меры по обеспечению возможности обвиняемому Ч. реализовать право на приглашение защитника, вследствие чего после заявления 1 февраля 2021 г. обвиняемым отказа от адвоката О. и сообщения о намерении пригласить иного защитника у него (адвоката О.) не имелось оснований для принятия участия в этот день в проведении процессуальных действий в качестве защитника Ч. по назначению следователя.

При указанных обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката О. опровергнутой заявителем Ч., а вину адвоката в ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ч. доказанной.

Совет отклоняет ходатайство адвоката О. о прекращении настоящего дисциплинарного производства вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка, поскольку Уголовно-процессуальным кодексом РФ предусмотрены существенные правовые последствия подписания защитником уведомления об окончании предварительного следствия в соответствии со ст. 215 УПК РФ, в том числе право следователя обращаться в суд с ходатайством о продлении срока содержания обвиняемого под стражей на срок (в том числе превышающий предельно допустимый), необходимый для ознакомления последнего с материалами уголовного дела (ч. 4, 7, 8 ст. 109 УПК РФ).

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката О. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, однако учитывает, что адвокат О. в заседании Совета признал допущенные им нарушения и ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, имеет незначительный стаж адвокатской деятельности. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату О. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в отношении адвоката О. в том, что следователь... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве С. не вынес постановления, разрешающие ходатайства Ч. об отказе от адвоката О. и о проведении очных ставок, что адвокат О. действовал в интересах следователя С., не разъяснил обвиняемому Ч. его права, предусмотренные ст. 217 УПК РФ, приступил к ознакомлению с материалами уголовного дела, а также не предоставил время для подготовки необходимых ходатайств, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает их необоснованными.

Так, из содержания протокола уведомления обвиняемого Ч. и адвоката О. об окончании следственных действий по уголовному делу... от 1 февраля 2021 г. усматривается, что Ч. подписал только первый лист указанного протокола, а какие-либо сведения о заявленных Ч. ходатайствах о проведении очных ставок отсутствуют. Сам заявитель Ч. не представил доказательств того, что 1 февраля 2021 г. им были заявлены такие ходатайства, и он приступил к ознакомлению с материалами уголовного дела. Кроме того, в соответствии со ст. 120 УПК РФ письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, устное – заносится в протокол следственного действия или судебного заседания. Ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления. В случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному в ходе предварительного расследования, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее трех суток со дня его заявления (ст. 121 УПК РФ). Поскольку обвиняемый Ч. отказался подписывать протокол уведомления об окончании следственных действий по уголовному делу... в отсутствие защитника по соглашению, следователь С. сделал соответствующие записи. Адвокат О. удостоверил этот отказ в порядке, предусмотренном ст. 167 УПК РФ. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что 1 февраля 2021 г. Ч. не заявлял ходатайство о допросе свидетелей и не приступал к ознакомлению с материалами уголовного дела. Доказательства обратного в материалах дисциплинарного производства отсутствуют.

Материалы дисциплинарного производства содержат указанное выше постановление следователя... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве С. от 1 февраля 2021 г., разрешающее ходатайство обвиняемого Ч. об отказе от адвоката О.

Доводы обвиняемого Ч. о том, что адвокат О. действовал в интересах следователя... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве С., не разъяснил обвиняемому Ч. его права, предусмотренные ст. 217 УПК РФ, а также не предоставил время для подготовки необходимых ходатайств, являются неконкретными и ничем объективно не подтверждены. Сам адвокат О. указанные доводы жалобы обвиняемого Ч. не подтверждает.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

– применить к адвокату О. ...меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ч. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в принятии адвокатом О. 1 февраля 2021 г. участия в проведении следователем... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве процессуального действия по уведомлению обвиняемого Ч. и его защитника об окончании следственных действий по уголовному делу... в качестве защитника Ч. по назначению в условиях неистечения пятисуточного срока с момента, когда Ч. отказался от защитника по соглашению, адвоката П., и довел до сведения защитника по назначению, адвоката О., и следователя... отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве С. информа-

цию о приглашении его родственниками другого защитника по соглашению;

– прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката О. по жалобе Ч. от 15 февраля 2021 г. ...

1.4. Адвокату объявлено предупреждение за неуказание в соглашении конкретных видов юридической помощи, которые он обязуется оказывать своему доверителю, за получение от доверителя вознаграждения в сумме, не предусмотренной заключенным с ним соглашением, а также за несвоевременное внесение полученных от доверителя денежных средств в кассу или на расчетный счет адвокатского образования.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием заявителя М. рассмотрел посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от 26 февраля 2021 г. ... в отношении адвоката С.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 г. адвокат С. ненадлежаще, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем М., что выразилось:

– в том, что 25 февраля 2020 г. он заключил (оформил) с доверителем М. соглашение об оказании юридической помощи... не указав в предмете поручения конкретные виды юридической помощи, которые он обязуется оказывать своему доверителю М., а указав лишь то, что им осуществляется «составление и обеспечение контроля за прохождением заявления в правоохранительные органы по мошенничеству гражд. Ма.»;

– в получении от доверителя М. вознаграждения в размере (суммы № 1) рублей, не предусмотренного заключенным с ним соглашением об оказании юридической помощи... от 25 февраля 2020 г., без заключения к нему дополнительного соглашения;

вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

– в том, что, получив от доверителя М. денежные средства в размере (суммы № 2) рублей, он своевременно (вплоть до 10 августа 2020 г.) не внес (сумму № 2) рублей в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанцию о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Этим же Заключением Квалификационной комиссии адвокат С. признан не исполнившим, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», свои профессиональные обязанности перед доверителем М. об оказании ему юридической помощи по соглашению об оказании юридической помощи по уголовному делу... от 25 февраля 2020 г., что выразилось в несоставлении адвокатом С. в интересах доверителя М. заявления о преступлении.

Адвокат С. в заседание Совета не явился, заявив ходатайство от 24 июня 2021 г. ... о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося участника, поскольку он извещен

надлежащим образом, своевременно получил Заключение Квалификационной комиссии, ранее давал объяснения, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Заявитель М. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 г. и ознакомление с ним. С выводами Комиссии заявитель М. согласился в полном объеме и дополнительно сообщил, что он подавал несколько заявлений о преступлении в правоохранительные органы. Первое заявление было подано примерно в 2016 году, но оно было написано им (М.) самим, не имеющим юридического образования, в связи с чем было непрофессиональным. После этого он обратился к адвокату, который в 2019 году помог составить ему новое заявление о преступлении. Это заявление о преступлении было направлено в различные правоохранительные органы. Оба эти заявления о преступлении были поданы в правоохранительные органы до заключения с адвокатом С. соглашения об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 г. Смысл работы адвоката С. заключался не в том, чтобы он подготовил заявление о преступлении, а в том, чтобы он «продвинул» это (уже поданное) заявление в правоохранительных органах. Адвокат С. должен был «продолжить мой иск», «сделать так, чтобы Ма. привлекли к ответственности», «защищать меня в судах». За допущенные нарушения заявитель М. просит лишить адвоката С. статуса адвоката, поскольку он считает, что остался без юридической помощи, которую рассчитывал получить от него.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, вы-

слушав явившегося участника, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но не соглашается с их правовой оценкой Комиссией в части признания адвоката С. не исполнившим, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», свои профессиональные обязанности перед доверителем М. об оказании ему юридической помощи по соглашению об оказании юридической помощи по уголовному делу... от 25 февраля 2020 г., что выразилось в несооставлении адвокатом С. в интересах доверителя М. заявления о преступлении.

Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что между адвокатом С. и заявителем М. было заключено соглашение от 25 февраля 2020 г. ... об оказании юридической помощи.

Предмет поручения в соответствии с указанным соглашением был сформулирован следующим образом: *«Составить и обеспечить контроль за прохождением заявления в правоохранительные органы по мошенничеству гражд. Ма.»*.

Согласно п. 2.1 указанного соглашения «Доверитель обязуется произвести оплату за юридическую помощь адвоката по настоящему соглашению в следующем порядке и размере: (суммы № 1) рублей на карту не позднее 7 марта 2020 г.».

В соответствии с п. 2.7 соглашения «Оплата, обусловленная настоящим соглашением, считается отработанной адвокатом при подаче соответствующего заявления».

В п. 4 указанного соглашения предусматривается, что «при отсутствии оплаты в указанный срок договор считается незаключенным».

Фактически вознаграждение по соглашению внесено в кассу адвокатского образования лишь 10 августа 2020 г. (в сумме № 2) рублей, вдвое превышающей вознаграждение адвоката, предусмотренное подписанным заявителем М. и адвокатом С. соглашением.

16 мая 2020 г. М. направил адвокату С. смс-сообщение, в котором указал: *«Уведомляю вас, что больше вы не являетесь моим адвокатом, и от моего лица и от лица моих компаний не имеете право вести дела. Также я уведомляю вашу юридическую компанию, в том числе и о возврате средств, которые были оплачены ранее».*

18 мая 2020 г. М. направил адвокату С. смс-сообщение следующего содержания: *«Когда мне ждать мою (сумму № 2) рублей?».*

5 июня 2020 г. М. направил адвокату С. три следующих смс-сообщения: *«У вас Ми. председатель юридической компании, как я понимаю, я вынужден обращаться к нему и в другие учреждения за тем, чтобы вы мне мои деньги вернули», «Буду им каждый час звонить. Хватит, где моя (сумма № 2)?», «С Б. и другими клиентами туда поеду».*

Кроме того, заявитель М. обратился в коллегии адвокатов («...») с жалобами от 5 и 11 июня 2020 г. на действия адвоката С., в которых также заявил требования о возврате адвокатом С. денежных средств, уплаченных по соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 г.

На основании изложенных выше фактических обстоятельств и учитывая отсутствие каких-либо пояснений по ним со стороны адвоката С., Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о том, что не позднее 5 июня 2020 г. М. отказался от заключенного с адвокатом С. соглашения об оказании юридической помощи, направив адвокату С. (в том числе, в адвокат-

ское образование, в котором состоит адвокат С.) требование о полном возврате уплаченного вознаграждения.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. При этом в соответствии с подп. 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» к числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относится предмет поручения.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, отмечает, что предмет поручения, указанный в соглашении об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 г. ...не позволяет четко установить, что именно подразумевалось адвокатом С. под «контролем за прохождением заявления в правоохранительные органы», а также какие виды юридической помощи отвечали бы достижению этой цели.

Неясность данной формулировки привела к расхождению понимания доверителем М. и адвокатом С. предмета поручения. Это неизбежно затруднило бы установление факта исполнения адвокатом С. своих обязательств по заключенному соглашению даже в том случае, если бы юридическая помощь по нему была бы оказана.

Так, в жалобе от 26 февраля 2021 г. заявитель М. указывает на то, что вышеуказанный предмет поручения в соглашении сформулировал адвокат С.

В объяснениях адвоката С. указывается на то, что «существо поручения заключалось в помощи в продвижении в “ОБЭП ОВД Т.” заявления М. о возбуждении уголовного дела по ч. 3 ст. 159 УК РФ

(мошенничество) в отношении гражданки Ма., бухгалтера принадлежащей М. фирмы».

Не соглашаясь с такой формулировкой, М. в поступившем в Адвокатскую палату города Москвы 19 мая 2021 г. дополнении к жалобе указывает, что предметом соглашения об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 г. являлось не «продвижение заявления в ОБЭП», а оказание М. юридической помощи как фактически потерпевшему от преступления, совершенного Ма.

Совет и Квалификационная комиссия ранее неоднократно отмечали, что требования к форме и содержанию соглашения на оказание юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения (см., например: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2004. Выпуски № 11–12(13–14). С. 18).

Поскольку проявление принципа свободы договора может быть ограничено предписаниями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в связи с тем, что предметом соглашения на оказание юридической помощи является адвокатская деятельность, адвокат должен избегать включения в соглашение с доверителем условий, допускающих их неоднозначное понимание (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2011. Выпуски №№ 4–6(90–92). С. 22–25; Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы». М., 2014. С. 196).

Заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение вышеперечисленных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а как лица, которое оказывает различного рода услуги неясной правовой природы.

Исходя из этого, в силу взаимосвязанных положений подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязанность по четкому и недвусмысленному формулированию предмета поручения в соглашении об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 г. ...лежала на адвокате С. Ненадлежащее исполнение им данной обязанности привело к существенным затруднениям в определении содержания юридической помощи, которую адвокат С. должен был оказать доверителю М.

Между тем, правильно установив фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия пришла к ошибочному выводу о том, что адвокат С. обязан был составить заявление о преступлении.

Совет обращает внимание на то, что при неисполнении адвокатом обязанности четко, понятно и недвусмысленно сформулировать предмет поручения органы адвокатского самоуправления обязаны устанавливать фактически согласованный адвокатом с доверителем

и необходимый для разрешения возникшего у него правового вопроса предмет поручения с учетом всей совокупности фактических обстоятельств.

В связи с этим Совет считает необходимым проанализировать доводы жалобы и объяснений заявителя М. по вопросу о существовании правовой проблемы, с которой он обратился к адвокату С., и с учетом этого определить действия, которые должны были быть совершены адвокатом С. для оказания М. квалифицированной юридической помощи по ее разрешению.

Из жалобы М. следует, что в отношении него Ма. совершила преступные действия, в результате которых ему был причинен имущественный вред. Давая объяснения в заседании Совета, заявитель М. уточнил обстоятельства, которые обусловили его обращение к адвокату С. Так, он сообщил, что в 2016 году самостоятельно подавал в правоохранительные органы заявление о преступлении в отношении Ма. Сведения о рассмотрении этого заявления отсутствуют. Заявитель М. связывает это с тем, что он не обладает юридическими познаниями и, как следствие, поданное им заявление не отвечало необходимым требованиям. В 2019 году иным адвокатом заявителю М. была оказана юридическая помощь по составлению нового заявления о преступлении, которое вновь было подано в правоохранительные органы. Однако при его рассмотрении со стороны правоохранительных органов была допущена волокита. Как указано выше, заявитель М. считает, что «смысл работы адвоката С. заключался не в том, чтобы он подготовил заявление о преступлении, а в том, чтобы он продвинул это заявление в правоохранительных органах». Адвокат С. должен был «продолжить мой иск», «сделать так, чтобы Ма. привлекли к ответственности», «защищать меня в судах». Именно об

этом он указал и в жалобе, написав, что «адвокат С. не совершил ни одного действия по защите моих прав и законных интересов, не подал ни одного обращения в правоохранительные или другие органы, устно вводя меня в заблуждение, что составляет жалобы и подает их в полицию».

Таким образом, давая оценку предмету поручения в соглашении об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 г. ... Совет отмечает, что цель обращения М. к адвокату С. заключалась в преодолении волокиты при рассмотрении уже поданного заявления о преступлении в отношении Ма. Поэтому предметом поручения следует считать оказание юридической помощи на стадии возбуждения уголовного дела, в том числе путем обжалования действий (бездействия) должностных лиц правоохранительных органов по рассмотрению сообщения о преступлении или уже принятого процессуального решения – постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

В связи с этим Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии в части неисполнения адвокатом С., вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», своих профессиональных обязанностей перед доверителем М. об оказании ему юридической помощи по соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 г. ... что выразилось в несоставлении адвокатом С. в интересах доверителя М. заявления о преступлении. Совет приходит к выводу, что в данной части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в получении адвокатом С. вознаграждения в размере, не предусмотренном соглашением об оказании юридической помощи, невыдаче доверителю документа, подтверждающего проведение операции с его средствами, Совет приходит к следующим выводам.

Хотя в п. 2.1 соглашения об оказании юридической помощи... от 25 февраля 2020 г. предусмотрено вознаграждение адвоката в (сумме № 1) рублей, фактически адвокатом С. по данному соглашению об оказании юридической помощи получено вознаграждение в (сумме № 2) рублей.

Указанные денежные средства были внесены в кассу адвокатского образования 10 августа 2020 г. после неоднократных требований М. о возврате денежных средств.

В силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Согласно подп. 4 п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» условия и порядок выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь являются существенным условием соглашения об оказании юридической помощи.

В соответствии п. 1, 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию

адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Ранее Совет и Квалификационная комиссия неоднократно указывали на то, что «надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью» (см., например: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы>// «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2011. Выпуски №№ 7–9(93–95). С. 17). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопро-

сы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2012. Выпуски №№ 1–3(99–101). С. 99).

Дисциплинарные органы Адвокатской палаты города Москвы подробно описывали подобные нарушения со стороны адвокатов (невнесение полученных адвокатом от доверителя по соглашению денежных средств в кассу адвокатского образования, а также невыдачу доверителю документов по проведению операции с его средствами), что, в частности, нашло свое отражение в п. 1, 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, в которых разъяснено, что действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (см.: Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем // www.advokatymoscow.ru).

Совет в своей дисциплинарной практике исходит из того, что в тех случаях, когда не исполнена обязанность по внесению вознаграждения, выплаченного

адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо по перечислению на расчетный счет адвокатского образования, адвокат имеет правовую возможность в период действия соглашения устранить допущенные нарушения.

Как было установлено Квалификационной комиссией, не позднее 5 июня 2020 г. М. отказался от заключенного с адвокатом С. соглашения от 25 февраля 2020 г. об оказании юридической помощи... Таким образом, денежные средства адвокатом С. были внесены в кассу адвокатского образования уже после одностороннего отказа доверителя М. от поручения, то есть вне периода действия вышеуказанного соглашения.

При этом в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства выдачи адвокатом С. доверителю М. финансового документа (приходный кассовый ордер от 10 августа 2020 г. № 589) по проведению операции с его средствами в порядке, установленном действующим законодательством. В жалобе заявитель М. указывает на то, что адвокат С. отказался выдать ему «расписку о получении денег, сославшись на занятость». Факт невыдачи М. финансового документа по проведению операции с его средствами не оспаривает и адвокат С., который в дополнительных письменных объяснениях... предлагает заявителю М. доказать полученную им сумму вознаграждения.

Таким образом, Совет приходит к выводу, что адвокат С. не исполнил обязанность по внесению денежных средств, полученных от доверителя М. по заключенному соглашению, в кассу адвокатского образования, а также по выдаче доверителю финансовых документов по проведению операций со средствами доверителя.

Относительно довода жалобы М. о том, что адвокат С., «несмотря на устное согласие», отказывается вернуть заявителю М. неотработанное им вознаграждение, Совет считает необходимым указать на следующее.

Споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны в связи с тем, что они находятся за пределами их компетенции. Предметом рассмотрения Квалификационной комиссии и, соответственно, Совета может быть «поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты» (п. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвокатов).

Поэтому обстоятельства, связанные с установлением стоимости оказанной адвокатом юридической помощи, не могут быть предметом рассмотрения Квалификационной комиссии и Совета. В случае возникновения разногласий относительно размера гонорара все спорные вопросы между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката С. о пропуске срока применения к нему мер дисциплинарной ответственности. Заявитель М. обвиняет адвоката С. в неоказании юридической помощи по соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 г., в получении адвокатом С. вознаграждения в размере, не предусмотренном соглашением об оказании юридической помощи, невыдаче документа, подтверждающего проведе-

ние операции с его средствами. Кроме того, М. заявляет требование о возврате уплаченного адвокату С. по соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 г. вознаграждения в (сумме № 2) рублей.

В соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 20 апреля 2017 г., утвержденной VIII Всероссийским съездом адвокатов, действовавшей до внесения в нее изменений X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 г., меры дисциплинарной ответственности могли быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни адвоката, нахождения его в отпуске, при условии, что с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения)».

15 апреля 2021 г. из п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката был исключен абзац 1, предусматривающий, что меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка, при этом в абзац 2, предусматривающий, что меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если «с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения), какие-либо изменения не вносились.

Поскольку соглашение об оказании юридической помощи... было заключено 25 февраля 2020 г., а прекращено доверителем М. не позднее 5 июня 2020 г. путем направления адвокату С. письменного требования о полном возврате уплаченного вознаграждения, оснований для применения к данным правоотношениям недействующей редакции

Кодекса профессиональной этики адвоката (в редакции от 22 апреля 2013 г., утвержденной VI Всероссийским съездом адвокатов) не имеется.

Совет также считает, что, поскольку жалоба М. поступила в Адвокатскую палату города Москвы 1 марта 2021 г., то на данные правоотношения распространяются положения абзаца 1 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 20 апреля 2017 г., утвержденной VIII Всероссийским съездом адвокатов, в соответствии с которыми меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка. Этот срок исчисляется с момента поступления жалобы в Адвокатскую палату города Москвы, и, соответственно, он на момент принятия Советом решения по дисциплинарному производству не истек.

То обстоятельство, что ранее заявитель М. обращался с жалобами аналогичного содержания в адвокатское образование, в котором осуществляет свою деятельность адвокат С., юридического значения не имеет, поскольку руководитель адвокатского образования не наделен полномочиями по возбуждению дисциплинарного производства и его передаче на рассмотрение в квалификационную комиссию.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката С. за совершенный им дисциплинарный проступок, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, явное игнорирование адвокатом С. основополагающих правил профессионального поведения. Вместе с тем Совет принимает во внимание, что адвокат С. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятель-

ствах Совет приходит к выводу о необходимости применения к адвокату С. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) применить к адвокату С. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось:

– в том, что 25 февраля 2020 г. он заключил (оформил) с доверителем М. соглашение об оказании юридической помощи... не указав в предмете поручения конкретные виды юридической помощи, которые он обязуется оказывать своему доверителю М., а указав лишь то, что им осуществляется «составление и обеспечение контроля за прохождением заявления в правоохранительные органы по мошенничеству гражд. Ма.»;

– в получении от доверителя М. вознаграждения в размере (суммы № 1) рублей, не предусмотренного заключенным с ним соглашением об оказании юридической помощи... от 25 февраля 2020 г., без заключения к нему дополнительного соглашения;

– в том, что, получив от доверителя М. денежные средства в размере (суммы № 2) рублей, он своевременно (вплоть до 10 августа 2020 г.) не внес (сумму № 2) рублей в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции

со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, воз-

бужденное по жалобе М. от 26 февраля 2021 г. ... в отношении адвоката С. ... вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.5. Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее исполнение им профессиональных обязанностей, выразившееся во включении в договор об оказании юридической помощи альтернативного условия о почасовой оплате работы адвоката в случае досрочного расторжения договора без ограничения предельного размера вознаграждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Т. в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. ... возбужденное по жалобе Ю.

Квалификационная комиссия 26 мая 2021 г. вынесла Заключение:

о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1, 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом Т. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Ю., выразившемся:

– в том, что, получив от доверителя Ю. 16 ноября 2020 г. в счет оплаты оказанной юридической помощи вознаграждение в размере (суммы № 1) рублей, адвокат Т. не внес его в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

– в том, что заключив (оформив) с Ю. Договор № 04/20 об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г., он включил в него альтернативное условие о почасовой оплате работы адвоката

в случае досрочного расторжения договора без ограничения предельного размера вознаграждения, исчисляемого по почасовой ставке, а затем, после расторжения договора по инициативе доверителя Ю., 9 февраля 2021 г. направил в ее адрес претензию, в которой потребовал выплаты вознаграждения, превышающего на (сумму № 2) рублей сумму вознаграждения, предусмотренную Договором № 04/20 об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г., за полное исполнение адвокатом поручения;

о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по жалобе Ю. от 22 февраля 2021 г.:

– в части дисциплинарных обвинений в оказании подзащитному Ю-ву юридической помощи без получения его согласия на защиту адвокатом Т., а также в оказании подзащитному Ю-ву неквалифицированной юридической помощи – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявительница Ю., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, заявила письменное ходатайство от 28 июня 2021 г. о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие...

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. в отсутствие неявившегося участника, заявительницы Ю.

В заседании Совета адвокат Т. подтвердил, что получил Заключение Квалификационной комиссии, с ним ознакомился и с выводами согласен.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но соглашается с ее выводами частично.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что между адвокатом Т. и доверителем Ю. 16 ноября 2020 г. был заключен Договор № 04/20 об оказании юридической помощи в пользу третьего лица – Ю-ва.

Согласно п. 1.1 указанного договора предметом поручения являлись «Защита Ю-ва на предварительном следствии в ...АО г. Москвы по уголовному делу ч. 4 ст. 158 УК РФ», а также «Консультация по актуальным вопросам в рамках предмета настоящего договора». В соответствии с п. 3.1 соглашения вознаграждение адвоката за оказываемую юридическую помощь составляет (сумму № 1) рублей. Кроме того, соглашение предусматривало следующие условия:

«Договор может быть прекращен по истечении срока действия или досрочно» (п. 8.2); «Досрочное прекращение договора возможно при неисполнении одной из сторон своих обязательств или по соглашению сторон. О намерении досрочного прекращения договора стороны обязаны уведомить друг друга не менее, чем за 10 дней до предполагаемой даты прекращения Договора в письменной форме» (п. 8.3); «В случае прекращения договора по инициативе клиента последний оплачивает услуги адвоката из расчета 1 час работы 10 000 (десять тысяч) рублей 00 коп.» (п. 8.4).

16 ноября 2020 г. Ю. выплатила адвокату Т. вознаграждение в (сумме № 2) рублей, в подтверждение чего адвокат Т. выдал Ю. документ, поименованный «Квитанция к приходному кассовому ордеру № 6» от 16 ноября 2020 г., подписанный самим адвокатом Т. в полях «Главный бухгалтер» и «Кассир».

В связи с этим Совет обращает внимание адвоката Т. на то, что указанный документ не подтверждает надлежащим образом внесение им полученного от доверителя вознаграждения в кассу адвокатского образования и по существу является распиской, подтверждающей получение адвокатом Т. вознаграждения от доверителя Ю. 16 ноября 2020 г.

Адвокат Т. принял меры ко вступлению в уголовное дело в качестве защитника Ю-ва и посещению его по месту содержания под стражей, однако вплоть до 13 января 2021 г. так и не получил возможности свидания со своим подзащитным Ю-вым вследствие указанных обстоятельств: болезнь следователя, помещение Ю-ва, ранее содержавшегося в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, в санчасть ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, рассмотрение Г. районным судом города Москвы ходатайства о продлении срока содержания

под стражей в отсутствие обвиняемого Ю-ва в связи с его нахождением на карантине, перевод Ю-ва после выздоровления из ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве.

Вплоть до момента расторжения Договора от 16 ноября 2020 № 04/20 об оказании юридической помощи адвокат Т. не вступил в уголовное дело в качестве защитника Ю-ва. Вместе с тем адвокат Т. принял участие в судебном заседании Г. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя о продлении Ю-ву срока содержания под стражей, которое состоялось 23 декабря 2020 г. в отсутствие обвиняемого Ю-ва в связи с его нахождением на карантине (ч. 13 ст. 109 УПК РФ).

13 января 2021 г. доверитель Ю. своим письменным заявлением в одностороннем порядке расторгла Договор об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г. № 04/20 и потребовала расчета стоимости оказанной юридической помощи и возврата неотработанного остатка уплаченного адвокату Т. вознаграждения.

В связи с этим адвокат Т. направил в адрес доверителя Ю. досудебную претензию от 9 февраля 2021 г. с расчетом суммы вознаграждения адвоката на основании п. 8.4 Договора об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г. № 04/20, которое составило (сумму № 3) рублей за 29 часов 30 минут работы адвоката Т. С указанной претензией Ю. не согласилась, потребовала возврата части уплаченного адвокату Т. вознаграждения в (сумме № 4) рублей.

25 февраля 2021 г. Ю. обратилась с заявлением в адрес Б. городского прокурора, в котором указала на бездействие адвоката Т. В данном заявлении содержится информация о том, что вечером 23 ноября 2020 г. адвокат Т. сообщил по телефону Ю. о болезни следова-

теля, а в дальнейшем от следователя Ю. получила информацию о том, что Ю-в 30 ноября 2020 г. заболел «коронавирусом» и был помещен в больницу ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве. Согласно сообщаемой Ю. информации после прохождения лечения Ю-в был переведен обратно в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве.

2 апреля 2021 г. Договор об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г. ...был зарегистрирован в документации коллегии адвокатов с присвоением № 237 и последующим внесением 7 апреля 2021 г. ранее полученного адвокатом Т. вознаграждения (в сумме № 1) рублей в кассу адвокатского образования.

15 апреля 2021 г. Ю. подписала «Соглашение о возврате гонорара» в рамках Соглашения от 2 апреля 2021 г. № 237. [*Со стороны филиала «Адвокатская контора № ...» Межрегиональной коллегии адвокатов города Москвы «Соглашение о возврате гонорара» подписано кассиром М. – Примечание Совета*], указав, что претензий к адвокату Т. не имеет. На основании «Соглашения о возврате гонорара» Ю. получила по расходному кассовому ордеру от 15 апреля 2021 г. № 35 возврат части уплаченного адвокату Т. вознаграждения в (сумме № 4) рублей.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в бездействии адвоката Т. после заключения 16 ноября 2020 г. соглашения об оказании юридической помощи на защиту Ю-ва, Совет отмечает, что в силу п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством

средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

Согласно имеющемуся в материалах дисциплинарного производства отчету о работе по соглашению с Ю-вым [Так указано в отчете. – Примечание Совета], а также объяснениям адвоката Т. после заключения соглашения об оказании юридической помощи, 23 ноября 2020 г., он предпринимал попытки встретиться со следователем Следственного управления УВД по ...АО МВД России по городу Москве П., в чем производстве находилось уголовное дело в отношении Ю-ва, а также с подзащитным Ю-вым: 23 ноября 2020 г. (заболела следователь), 30 ноября 2020 г. (заболел подзащитный Ю-в), 28 декабря 2020 г. (подзащитный Ю-в отсутствовал в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве), 11 января 2021 г. (свидание с подзащитным Ю-вым не состоялось в связи с отсутствием информации о его нахождении в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве). Объяснения адвоката Т. по обстоятельствам принимаемых им попыток вступления в уголовное дело в качестве защитника Ю-ва подтверждаются содержанием заявления Ю. от 25 февраля 2021 г. в адрес Б. городского прокурора.

Таким образом, материалами дисциплинарного производства установлено наличие объективных обстоятельств, помешавших адвокату Т. посетить подзащитного Ю-ва для получения согласия последнего на вступление адвоката Т. в уголовное дело в качестве его защитника, связанных с болезнью подзащитного, а также прочими обстоятельствами, вызванными распространением новой коронавирусной инфекции и введенными в связи с этим ограничениями. Кроме того, 13 января 2021 г., то есть менее чем через два месяца с момента заключения Договора об оказании юри-

дической помощи от 16 ноября 2020 г. № 04/20, данное соглашение об оказании юридической помощи было расторгнуто Ю. в одностороннем порядке.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что до момента расторжения 13 января 2021 г. соглашения об оказании юридической помощи адвокат Т. не получил согласие Ю-ва на осуществление его защиты, поскольку он не смог реализовать право на свидание со своим подзащитным.

При этом Совет обращает внимание, что в соответствии с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 июня 2019 г. № 12 (протокол № 8) по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (опубликовано на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы в сети «Интернет» // <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6117/>): «5. По общему правилу адвокат, заключивший соглашение об оказании юридической помощи – защите по уголовному делу – в пользу третьего лица, перед началом оказания юридической помощи обязан получить согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь. Приведенные выше нормы УПК РФ и ГК РФ не регламентируют форму такого согласия или поручения, а также особенности его получения. Между тем Совет отмечает, что требования о разумном, добросовестном и квалифицированном оказании юридической помощи обязывают адвоката тщательно подходить к этому вопросу, исключая разумные сомнения в достоверности указанного согласия (поручения). Наиболее достоверной формой получения согласия является письменная фиксация волеизъявления лица, которому будет оказываться юри-

дическая помощь. Эта фиксация может быть сделана на соглашении об оказании юридической помощи, в отдельном документе или иным образом, позволяющим верифицировать лицо, дающее согласие (например, с использованием электронного ресурса службы отправки электронных сообщений в учреждениях ФСИН России “ФСИН-ПИСЬМО” (www.fsin-pismo.ru)). Также согласие лица, которому будет оказываться юридическая помощь, может быть получено в конклюдентной форме, позволяющей со степенью достоверности, исключающей разумные сомнения, прийти к выводу о том, что обвиняемый (подозреваемый) и адвокат, принимающий его защиту на основании соглашения, заключенного с иным лицом, состоят в коммуникации между собой и отсутствие отказа от адвоката свидетельствует о даче согласия на защиту.

Согласие обвиняемого (подозреваемого) не может рассматриваться в качестве достоверного, если адвокат получает его посредством связи с использованием функции “секретный чат” (“звонок без определения номера”) или по электронной почте, не позволяющей верифицировать отправителя.

6. Часть 4.1 ст. 49 УПК РФ предусматривает, что “в случае необходимости получения согласия подозреваемого, обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело адвокату предоставляется свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера”. Адвокатам необходимо активно пользоваться этим правом в целях своевременного получения такого согласия.

Если в отношении обвиняемого (подозреваемого) избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы, то адвокат во всех случаях обязан получить согласие лица, которому он будет

оказывать юридическую помощь, на свое участие в уголовном деле до начала ее оказания.

Совет отмечает, что лишь в исключительных, не терпящих отлагательства случаях, когда процессуальная ситуация требует немедленного оказания юридической помощи и отсутствует достаточное время для предварительного получения согласия обвиняемого (подозреваемого), адвокат вправе приступить к оказанию юридической помощи до его получения. В этих случаях адвокат в кратчайшие сроки при первой возможности после начала оказания юридической помощи обязан совершить все необходимые действия, направленные на получение согласия обвиняемого (подозреваемого) на его участие в уголовном деле. На первой встрече (свидании) с обвиняемым (подозреваемым) адвокат обязан сообщить доверителю о действиях, которые он совершил в целях оказания ему юридической помощи, результатах этих действий и полученных в ходе их осуществления сведениях” (Разъяснения № 12 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката “Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица”)).

С учетом вышеуказанных разъяснений, в отсутствие согласия Ю-ва на участие адвоката Т. в уголовном деле в качестве его защитника, адвокат Т. не вправе был вступить в уголовное дело вплоть до момента получения такого согласия.

Вместе с тем Совет полагает, что адвокат Т. был обязан принять 23 декабря 2020 г. участие в судебном заседании Г. районного суда города Москвы по рассмотрению в отсутствие обвиняемого в соответствии с ч. 13 ст. 109 УПК РФ ходатайства следователя о продлении

Ю-ву срока содержания под стражей по следующим причинам. Принимая во внимание установленные ч. 8 ст. 109 УПК РФ процессуальные сроки рассмотрения ходатайства о продлении срока содержания под стражей, а также то, что указанное судебное заседание затрагивало фундаментальное право Ю-ва на свободу, участие в нем адвоката Т., исходя из сложившейся процессуальной ситуации, было необходимо и признается Советом исключительным, не терпящим отлагательства случаем.

Факт оказания адвокатом Т. юридической помощи Ю-ву в судебном заседании Г. районного суда города Москвы 23 декабря 2020 г. опровергает доводы заявительницы Ю. о бездействии адвоката Т. При этом сама заявительница Ю. в ответе от 19 февраля 2021 г. на претензию адвоката Т. от 9 февраля 2021 г. признает факты участия адвоката Т. в судебном заседании по рассмотрению ходатайства следователя о продлении Ю-ву срока содержания под стражей, а также ознакомления адвоката Т. с представленным следователем в обоснование указанного ходатайства материалом. При этом она оценила работу адвоката Т. в (сумму № 5) рублей.

Таким образом, дисциплинарное обвинение в бездействии адвоката Т. не нашло своего подтверждения, поскольку адвокат Т., хотя и не вступил в уголовное дело в качестве защитника Ю-ва, он принял участие в рассмотрении 23 декабря 2020 г. Г. районным судом города Москвы ходатайства следователя о продлении Ю-ву срока содержания под стражей в отсутствие обвиняемого, обеспечив его защиту.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неполучении адвокатом Т. согласия Ю-ва на осуществление его защиты, Совет отмечает, что согласно п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката одним из поводов для возбуж-

дения дисциплинарного производства является жалоба, поданная в адвокатскую палату доверителем адвоката. При этом ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката разъясняет, что под доверителем следует понимать не только лицо, с которым адвокат заключил соглашение об оказании юридической помощи, но и лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом.

Заключив соглашение об оказании юридической помощи в пользу третьего лица, то есть на защиту Ю-ва, заявительница Ю. не являлась получателем юридической помощи адвоката Т. При этом юридическая помощь адвоката Т. влияла на реализацию прав, свобод и законных интересов именно Ю-ва. В связи с этим только он мог выдвинуть против адвоката Т. дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Т. оказывал ему юридическую помощь без его согласия и дать оценку соответствия такой помощи его волеизъявлению.

Поскольку заявитель Ю-в с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы не обращался, дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

В связи с отсутствием жалоб Ю-ва подлежит прекращению поэтому же основанию дисциплинарное производство и в части дисциплинарных обвинений в оказании адвокатом Т. некачественной юридической помощи, в том числе, в непредставлении материалов, необходимых, по мнению Ю., для изменения Ю-ву меры пресечения.

Совет отмечает, что в дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы сложился подход, согласно

которому адвокат свободен в выборе тактики защиты и обязан согласовывать ее только со своим подзащитным. При конкуренции позиций доверителя – лица, заключившего с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи, и доверителя – лица, которому адвокатом оказывается юридическая помощь на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного иным лицом, приоритет отдается последнему. Отсюда следует, что при отсутствии претензий к качеству оказываемой правовой помощи со стороны подзащитного дисциплинарное производство не должно возбуждаться, а уже возбужденное подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства (подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Дисциплинарное обвинение адвоката Т. в том, что он не представил доверителю Ю. отчет о проделанной работе, опровергается материалами дисциплинарного производства, в которых имеется отчет адвоката Т. с указанием видов юридической помощи, а также затраченного адвокатом на ее оказание времени. Указанный отчет имелся у заявительницы Ю., поскольку его копия представлена ею в обоснование заявления в адрес Б. городского прокурора от 25 февраля 2021 г. В свою очередь из данного заявления усматривается, что Ю. получила отчет о проделанной работе 3 февраля 2021 г., поскольку, хотя она и ссылается на то, что отчет был передан ее супругу Ю.-ву, тем не менее, признает, что она также являлась участником встречи, на которой был передан отчет.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Т. в ненадлежащем оформлении отношений с доверителем, что выразилось в не-

ознакомлении доверителя Ю. с «прейскурантом цен оказания юридической помощи» и неуказании в соглашении об оказании юридической помощи объема юридической помощи, Совет отмечает, что в силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Согласно подп. 4 п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» условия и порядок выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь являются существенными условиями соглашения об оказании юридической помощи.

Адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося ему за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Соглашение об оказании юридической помощи может содержать условие о внесении доверителем в кассу либо о перечислении на расчетный счет адвокатского образования (подразделения) денежных сумм в качестве авансовых платежей (п. 1, 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Совет обращает внимание на то, что «адвокат, исходя из безусловного права на достойное вознаграждение своей работы и учитывая запрет отказаться от принятой на себя защиты, должен заранее озаботиться определением размера гонорара и порядка его выплаты доверителем и с предельной ясностью

сформулировать эти существенные условия в соглашении. Вполне допустимо и даже разумно, когда есть веские основания полагать, что расследование или рассмотрение дела примет длительный, затяжной характер, договориться с доверителем о ежемесячной (почасовой) оплате юридической помощи» (см.: Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 30 мая 2013 г. № 6 «О соглашении на уголовную защиту» // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуски №№ 6–7(116–117). С. 15).

Поскольку вознаграждение адвоката Т. прямо предусматривалось условиями соглашения об оказании юридической помощи, ознакомление Ю. с какими-либо «прейскурантами» при отсутствии ссылок на них в соглашении об оказании юридической помощи в обязанности адвоката Т. не входило.

Указанный в соглашении об оказании юридической помощи предмет поручения – защита Ю.-ва на предварительном следствии, по мнению Совета, сформулирован адвокатом корректно. При заключении соглашения адвокат Т. не мог знать конкретный объем следственных и иных процессуальных действий, который будет произведен по данному уголовному делу, а, следовательно, и объем юридической помощи, который определяется по каждому уголовному делу подзащитным и его защитником с учетом выбранной защитительной позиции по делу, положений уголовно-процессуального закона, законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, Кодекса профессиональной этики адвоката, а также основанных на них решений органов адвокатской палаты.

Квалификационной комиссией в Заключении установлены следующие нарушения, допущенные адвокатом Т. при оформлении отношений с дове-

рителем Ю.: несмотря на то, что вознаграждение в (сумме № 1) рублей по Договору об оказании юридической помощи № 04/20 от 16 ноября 2020 г. адвокат Т. получил от доверителя Ю. 16 ноября 2020 г., в кассу адвокатского образования указанные денежные средства были внесены лишь 2 апреля 2021 г., что подтверждается квитанцией к приходному кассовому ордеру № 0264 от 7 апреля 2021 г. При этом Договор об оказании юридической помощи № 04/20 от 16 ноября 2020 г. был зарегистрирован в делах адвокатского образования... лишь 2 апреля 2021 г.

В этой части Квалификационная комиссия сослалась на п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которым вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением. Согласно п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов.

При этом Квалификационная комиссия отметила, что «надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны

лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью» (см., например: Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2011. Выпуски №№ 7–9(93–95). С. 17). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2012. Выпуски №№ 1–3(99–101). С. 99).

Дисциплинарные органы адвокатской палаты города Москвы неоднократно отмечали недопустимость подобных нарушений со стороны адвокатов (невнесение полученных адвокатом от доверителя по соглашению денежных средств в кассу адвокатского образования, а также невыдачу доверителю документов по проведению операции с его средствами). Это, в частности, нашло свое отражение в п. 1, 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 г. по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, в котором разъяснено, что действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств,

невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (см.: Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем // www.advokatymoscow.ru).

В этой части Квалификационная комиссия отметила, что в тех случаях, когда не исполнена обязанность по внесению вознаграждения, выплаченного адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования адвокат имеет правовую возможность в период действия соглашения устранить допущенные нарушения. Однако в ходе настоящего дисциплинарного производства Квалификационной комиссией установлено, что как регистрация соглашения об оказании юридической помощи в документации коллегии адвокатов, так и внесение адвокатом Т. полученного от Ю. вознаграждения по указанному соглашению в кассу адвокатского образования произошли после расторжения данного соглашения об оказании юридической помощи на основании заявления Ю. от 13 января 2021 г., а также после обращения Ю. в Адвокатскую палату города Москвы с жалобой от 22 февраля 2021 г. на адвоката Т.

Соглашаясь с оценкой Квалификационной комиссии установленных ею фактических обстоятельств в этой ча-

сти, Совет обращает внимание на то, что в жалобе заявительницы Ю. отсутствуют дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Т. в несвоевременном внесении им вознаграждения, полученного по Договору об оказании юридической помощи № 04/20 от 16 ноября 2020 г., в кассу адвокатского образования либо в несвоевременном его перечислении на расчетный счет адвокатского образования, а также в невыдаче приходного документа доверителю. В жалобе заявительницы Ю. также отсутствует и дисциплинарное обвинение в несвоевременной регистрации адвокатом Т. Договора об оказании юридической помощи № 04/20 от 16 ноября 2020 г. в делах адвокатского образования.

В соответствии с п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в дисциплинарном производстве осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства (подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Вместе с тем Совет считает необходимым обратить особое внимание адвоката Т. на недопустимость подобных действий.

Квалификационная комиссия в Заключении обоснованно отклонила доводы объяснений адвоката Т. о том, что Соглашение об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г. было прекращено лишь при заключении Соглашения о возврате гонорара от 15 апреля

2021 г. Как установлено в ходе дисциплинарного производства, Ю. заключила с адвокатом Т. соглашение на защиту Ю-ва, то есть разновидность договора в пользу третьего лица (п. 1 ст. 430 ГК РФ), однако согласие Ю-ва на оказание ему юридической помощи адвокатом Т. не было получено.

В силу положений п. 2 ст. 430 ГК РФ «Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица».

Право на досрочное расторжение Договора № 04/20 об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г. предусмотрено также п. 8.2 и 8.3 данного договора. Кроме того, поскольку адвокат Т. не получил согласия Ю-ва на осуществление его защиты адвокатом Т., Ю. как доверитель была вправе расторгнуть заключенное с адвокатом Т. соглашение в любой момент, вне зависимости от включенных в соглашение об оказании юридической помощи условий, в том числе и без учета определенных в нем сроков предупреждения о предстоящем расторжении. При этом письменное заявление Ю. о расторжении Договора об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г. № 04/20 с 13 января 2021 г. недвусмысленно указывает на волеизъявление доверителя Ю. на расторжение соглашения об оказании юридической помощи.

В соответствии с п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 г. и опубликованных для всеобщего сведения в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (2014. Выпуск № 4(125).

С. 10–11), «Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара».

В п. 3 Договора об оказании юридической помощи № 04/20 от 16 ноября 2020 г. определено вознаграждение в (сумме № 1) рублей за оказание адвокатом Т. всего объема юридической помощи, предусмотренной предметом поручения доверителя. Однако п. 8.4 Договора об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г. № 04/20 предусматривал альтернативный механизм определения размера вознаграждения адвоката в случае досрочного расторжения соглашения об оказании юридической помощи – (сумма № 6) рублей за один час работы адвоката.

Совет ранее неоднократно указывал на то, что «доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент производства по уголовному делу, что ликвидирует само основание участия адвоката в уголовном судопроизводстве в силу общего правила о последствиях расторжения гражданско-правового договора, установлено п. 2 ст. 453 ГК РФ: “при расторжении договора обязательства сторон прекращаются”». (см. Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы № 3 по вопросам профессиональной этики адвоката // «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2007. Выпуски №№ 4–5(42–43). С. 15–18. Сборник

нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы». М., 2014. С. 117–121).

Оценивая приведенное выше содержание п. 8.4 Договора об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г. № 04/20, Совет отмечает, что данный пункт, а равно и иные условия указанного соглашения об оказании юридической помощи не содержат какого-либо ограничения размера вознаграждения адвоката в случае прекращения соглашения об оказании юридической помощи «по инициативе Клиента». При этом условия заключенного адвокатом Т. и Ю. соглашения об оказании юридической помощи не предусматривали предоставления адвокатом Т. регулярных отчетов о времени, затраченном на оказание юридической помощи.

При таких обстоятельствах данное условие не только может приобретать характер санкции за досрочное расторжение соглашения об оказании юридической помощи доверителем адвоката, но и создать препятствие для реализации права доверителя на расторжение соглашения об оказании юридической помощи в любой момент ее оказания (с особенностями применения п. 2 ст. 430 ГК РФ), что противоречит вышеуказанным разъяснениям Совета.

Именно такое назначение данного условия признал и адвокат Т. в своих объяснениях, указав, что этот пункт был включен в соглашение об оказании юридической помощи в связи с тем, что адвокат Т. принимал на себя защиту Ю-ва «после смены двух адвокатов и на случай одностороннего необоснованного расторжения соглашения со стороны клиента».

Направление же адвокатом Т. в адрес Ю. претензии от 9 февраля 2021 г., в которой он предъявил требования

об уплате ему вознаграждения в (сумме № 3) рублей, то есть на (сумму № 2) рублей больше, чем определено в п. 3 соглашения об оказании юридической помощи, лишь подтверждает, что адвокат Т. намеревался реализовать предусмотренную Договором об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г. № 04/20 форму имущественной ответственности доверителя за его досрочное расторжение.

Совет отмечает, что условие об альтернативном порядке определения вознаграждения адвоката в случае досрочного расторжения соглашения об оказании юридической помощи было направлено и использовано адвокатом Т. как способ ограничения права доверителя на досрочное расторжение договора. Кроме того, поскольку возможность превышения размера вознаграждения адвоката за полное исполнение поручения (сумма № 1 рублей) не была ясно и недвусмысленно оговорена в соглашении об оказании юридической помощи, это могло ввести и фактически ввело заявительницу Ю. в заблуждение относительно порядка определения вознаграждения адвоката. На это указывают и ее доводы о неознакомлении с «прейскурантом цен оказания юридической помощи». В этих условиях предъявление адвокатом Т. претензии Ю. на сумму, превышающую вознаграждение адвоката за полное исполнение поручения, приобрело форму санкции за реализацию доверителем Ю. своего права на досрочное расторжение соглашения.

С учетом изложенного Совет признает указанные действия адвоката Т. ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем Ю.

В то же время Совет отмечает, что после получения ответа Ю. на свою претензию адвокат Т. отказался от

продолжения реализации указанного недопустимого положения соглашения об оказании юридической помощи и возвратил Ю. при указанных выше обстоятельствах часть полученного вознаграждения в соответствии с ее требованиями.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Т. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание как его грубый и умышленный характер, так и то, что адвокат Т. допустил нарушение впервые, добровольно прекратил попытки нарушения прав доверителя. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ю., выразившееся в том, что заключив (оформив) с Ю. Договор № 04/20 об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г., он включил в него альтернативное условие о почасовой оплате работы адвоката в случае досрочного расторжения договора без ограничения предельного размера вознаграждения, исчисляемого по почасовой ставке, а затем, после расторжения договора по инициативе доверителя

Ю., 9 февраля 2021 г. направил в ее адрес претензию, в которой потребовал выплаты вознаграждения, превышающего на (сумму № 2) рублей сумму вознаграждения, предусмотренную Договором № 04/20 об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г., за полное исполнение адвокатом поручения.

2. Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по жалобе Ю. от 22 февраля 2021 г.:

– в части невнесения адвокатом Т. в кассу адвокатского образования вознаграждения, полученного по Договору № 04/20 об оказании юридической помощи от 16 ноября 2020 г., невыдачи доверителю финансового документа по проведению операции с его средствами

(квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством, а также в части дисциплинарных обвинений в оказании подзащитному Ю-ву юридической помощи без получения его согласия на защиту адвокатом Т. и в оказании подзащитному Ю-ву неквалифицированной юридической помощи – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. Дисциплинарные производства, возбужденные по обращениям судей и Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве

2.1. Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие отсутствия в действиях адвоката дисциплинарного проступка. Совет признал, что заявитель жалобы в орган юстиции никогда не являлась доверителем адвоката, поэтому не вправе требовать от нее соблюдения адвокатской тайны.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. ...возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 22 января 2021 г. ...основанному на жалобе С. от 27 июля 2020 г.

Квалификационная комиссия 12 мая 2021 г. большинством голосов (4/3/1) вынесла Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по представлению Главного управления Министерства юстиции Рос-

сийской Федерации по городу Москве от 22 января 2021 г. ...основанному на жалобе С. от 27 июля 2020 г., вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, представила письменные возражения от 17 июня 2021 г. на Заключение Квалификационной комиссии... и заявила письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие...

Адвокат Г., извещенная надлежащим образом и своевременно получившая Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, заявила письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие...

Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. в отсутствие неявившихся участников.

В письменных возражениях представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. ...от 17 июня 2021 г. ...выражено несогласие с Заключением Квалификационной комиссии от 12 мая 2021 г. и со ссылкой на п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 19 и п. 14 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката высказано мнение о том, что Квалификационная комиссия самоустранилась от исполнения своих обязанностей по объективному рассмотрению представления, не установила фактические обстоятельства дела, а лишь ограничилась констатацией недопустимости представления в качестве допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства по причине отсутствия жалобы К. о разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну. В возражениях также отмечается, что разглашение адвокатом Г. сведений, составляющих адвокатскую тайну, когда о ее неправомерных действиях стало известно С. и другим лицам, может свидетельствовать о подрыве доверия

к адвокату и адвокатуре, то есть о нарушении адвокатом требований п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, однако Квалификационная комиссия не дала оценку дисциплинарному обвинению в этой части.

Вывод в Заключении Квалификационной комиссии о невозможности использования обращения С. [не являющейся доверителем адвоката Г. – *Примечание Совета*] в Министерство юстиции Российской Федерации в качестве основания для внесения представления о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. в возражениях расценивается как не предусмотренное действующим законодательством ограничение полномочий территориального органа юстиции на внесение таких представлений. При этом в возражениях со ссылкой на п. 6 и 7 ст. 17, п. 1 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, подп. 44 п. 6 Положения о Главном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 марта 2014 г. № 25, отмечается, что представление является допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку оно внесено в Адвокатскую палату города Москвы органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры, представление подписано правомочным лицом, содержит все необходимые реквизиты и соответствует всем требованиям к нему.

В возражениях делается вывод о том, что «Заключение Квалификационной комиссии подлежит отмене как необоснованное и немотивированное», и содержится просьба направить дисциплинарное производство в отноше-

нии адвоката Г. в Квалификационную комиссию для нового разбирательства.

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, письменные возражения Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве... от 17 июня 2021 г. ...Совет признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией. В то же время Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии, содержащимся в ее Заключении, об основании прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. Приходя к таким выводам, Совет исходит из следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что поводом для направления Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве представления в Адвокатскую палату города Москвы о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. явилась жалоба осужденной С. от 27 июля 2020 г., поступившая в Министерство юстиции Российской Федерации 3 августа 2020 г.

В данной жалобе осужденная С. указала на допущенное, по ее мнению, нарушение адвокатом Г. требований о сохранности адвокатской тайны, доверенной ей гражданкой К., чьим защитником являлась адвокат Г. При этом сама С. доверителем адвоката Г. не являлась, каких-либо взаимоотношений между С. как автором жалобы в Министерство юстиции Российской Федерации и адвокатом Г., которые могли бы рассматриваться как правоотношения адвокат–доверитель, не существовало.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат Г. в соответствии с заключенным 18 июля 2018 г. соглашением об оказании юридической помощи... осуществляла

по уголовному делу... защиту гражданки К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ. Расследование данного дела осуществляла С., занимавшая на тот момент должность следователя Следственного управления УВД по ... АО ГУ МВД России по городу Москве.

В ходе расследования уголовного дела в отношении К. следователь С. стала требовать, сначала через ее защитника, адвоката Г., а затем и лично от обвиняемой К. и ее мужа В., взятку в размере (суммы № 1) рублей за непривлечение В. к уголовной ответственности.

За совершение данных действий в отношении следователя С. было возбуждено уголовное дело, поводом для возбуждения которого явилось заявление К. и членов ее семьи в правоохранительные органы о вымогательстве у них следователем С. взятки в размере (суммы № 1) рублей.

Приговором Г. районного суда города Москвы от 2 сентября 2019 г. С. была признана виновной в получении ею как должностным лицом взятки в виде денег за совершение действий в пользу взяткодателя, совершенное в крупном размере и с вымогательством взятки, то есть в совершении преступления, предусмотренного подп. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, и ей было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 7 (семь) лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, со штрафом в размере десятикратной суммы взятки, что составляет (сумму № 2) рублей, с лишением права занимать должности в органах внутренних дел, связанные с осуществлением функций представителя власти, сроком на 2 (два) года. Этим же приговором С. была лишена специального звания – «старший лейтенант юстиции».

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным де-

лам М. городского суда от 29 июня 2020 г. приговор Г. районного суда города Москвы от 2 сентября 2019 г. в отношении С. был изменен в части назначенного ей по п. «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ наказания в виде лишения свободы, которое было смягчено с применением ст. 64 УК РФ до шести лет и шести месяцев. В остальной части приговор был оставлен без изменения, апелляционные жалобы без удовлетворения.

Как следует из указанного приговора, первичное требование С. о передаче взятки было передано адвокату Г. как защитнику К. в ходе выполнения следственных действий с последней. Эти обстоятельства явились основанием и предметом допроса адвоката Г. как на стадии предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства.

Адвокат Г. в уголовном деле в отношении С. какого-либо профессионального участия не принимала. Вызов ее на допрос по данному делу был обусловлен тем, что именно через нее следователем С. впервые было передано требование, адресованное К., о передаче С. взятки.

Установив изложенные фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия пришла к выводу об отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, указав, что *«юридическая и нравственная природа адвокатской тайны имеет безусловную связь с формированием правоотношений исключительно между адвокатом и доверителем, так как единственным “владельцем” адвокатской тайны является сам доверитель»*.

В обоснование этого вывода Квалификационная комиссия сослалась на п. 1 ст. 8 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которым к адвокатской тайне относятся любые сведения,

связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. Согласно п. 2 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката при решении вопроса, связанного с сохранением адвокатской тайны, под доверителем понимается любое лицо, доверившее адвокату сведения личного характера в целях оказания юридической помощи. Данное утверждение находится во взаимосвязи с положениями п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающими исключительное полномочие доверителя освободить адвоката от обязанности хранить профессиональную тайну.

Квалификационная комиссия также сослалась в Заклучении на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 г. № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в котором указано, что защита сведений, составляющих адвокатскую тайну, направлена исключительно на сведения, доверенные адвокату при выполнении им профессиональных функций. При этом возможность разглашения указанных сведений, в том числе через допрос адвоката, может иметь место исключительно в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. При этом Квалификационная комиссия обратила внимание на то, что в изложенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации речь во всех случаях идет о мнении исключительно самого адвоката и защищаемого им лица, и не предусматривается принятие во внимание мнения каких-либо третьих лиц по этому поводу.

Помимо этого, Квалификационная комиссия в обоснование своей позиции

сослалась на международно-правовые нормы, касающиеся гарантии конфиденциальности отношений адвоката с доверителем как необходимой составляющей права на получение квалифицированной юридической помощи – одного из основных прав человека (п. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Комиссия также сослалась на Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1988 г. Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского союза в г. Страсбурге), который относит к существенным признакам адвокатской деятельности обеспечение именно клиенту условий, при которых он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим лицам, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; требованием конфиденциальности определяются права и обязанности юриста, имеющие фундаментальное значение для его профессиональной деятельности; юрист должен соблюдать конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом или полученной им относительно его клиента в ходе предоставления юридических услуг; при этом обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (п. 2.3).

Согласно Основным принципам, касающимся роли юристов (приняты 7 сентября 1990 г. Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями), правительствам надлежит признавать и обеспечивать конфиденциальный характер любых консультаций и отношений, складывающихся между юри-

стами и их клиентами в процессе оказания профессиональной юридической помощи.

Квалификационная комиссия признала установленным, что автор жалобы в Министерство юстиции Российской Федерации С. не являлась доверителем адвоката Г. в соответствии с положениями п. 2 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката, что исключает какую-либо возможность для нее выдвигать дисциплинарные обвинения о разглашении адвокатом Г. сведений, содержащих адвокатскую тайну, принадлежащую иному лицу, в частности, гражданке К. Сама же гражданка К. каких-либо претензий в адрес адвоката Г. в названной части не заявляла.

По этим причинам Квалификационная комиссия пришла к выводу о том, что *«в данном дисциплинарном деле представление Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве не может рассматриваться как безусловно допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства только при выполнении условия о соблюдении процессуально-правовой формы, реализованной в виде составления обращения в виде письменного документа – представления. Для формирования безусловного вывода о допустимости повода для возбуждения дисциплинарного производства представление должно основываться на допустимом материально-правовом основании. Несоблюдение этого положения привело Квалификационную комиссию к выводу об отсутствии в данном случае допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства»*.

По мнению Квалификационной комиссии, у заявителя жалобы в Министерство юстиции РФ С. не имелось никаких правовых оснований требовать от адвоката Г. соблюдения сохранности

сведений, доверенных ей иным лицом, равно как не имелось у С. законных оснований для подтверждения адвокатом Г. в ходе ее допроса наличия или отсутствия у нее письменного разрешения на разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну доверительницы К. В этой связи Квалификационная комиссия сослалась на известную максиму Дигестов Юстиниана – *Nemo plus iuris ad alium transferret potest quam ipse haberet* (D. 50.17.54) – «Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам».

Квалификационная комиссия отдельно отметила, что на ее вывод не может повлиять наличие или отсутствие в материалах уголовного дела в отношении С. какого-либо письменного документа об освобождении адвоката Г. доверителем К. от обязанности сохранения адвокатской тайны, так как наличие или отсутствие такого письменного разрешения имеет правовое значение только в случае наличия жалобы о разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну, от самого доверителя адвоката, которым в данном случае является К., а не С. Сама К. с подобной жалобой в уполномоченные органы не обращалась, по уголовному делу в отношении С. статуса подозреваемой, обвиняемой не имела, в связи с чем требования п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ на ситуацию, связанную с допросом адвоката Г. по уголовному делу в отношении С., не распространяются.

Совет признает обоснованными доводы, изложенные в письменных возражениях Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 17 июня 2021 г. на Заключение Квалификационной комиссии... о том, что представление о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. соответствует требованиям к допустимому

поводу для возбуждения дисциплинарного производства, предусмотренному ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката. По этой причине Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии об обнаружившемся отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства и полагает необходимым дать оценку выдвинутым в отношении адвоката Г. дисциплинарным обвинениям по существу. Вместе с тем Совет, не подвергая сомнению полномочия Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве по внесению в Адвокатскую палату города Москвы представлений о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвокатов, обращает внимание на то, что в основе таких представлений ожидается наличие не только формальных оснований, но и охраняемого законом публичного интереса. Частные же интересы лица, к тому же злоупотребляющего правом на обращение с жалобой, не должны подлежать защите путем внесения органом юстиции представления о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката.

Что касается доводов тех же письменных возражений Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве об уклонении Квалификационной комиссии от проведения разбирательства по существу выдвинутых в отношении адвоката Г. дисциплинарных обвинений, Совет не находит их убедительными и не может с ними согласиться. Совет полагает, что данное дисциплинарное производство рассмотрено Квалификационной комиссией объективно, с соблюдением всех требований ст. 19, 23 Кодекса профессиональной этики адвоката. Фактические обстоятельства установлены Комиссией с достаточной полнотой и достоверностью, никем из

участников дисциплинарного производства они не оспариваются. При этом в полной мере реализованы принципы равенства и состязательности, в том числе, обеспечены права участников дисциплинарного производства на представление и оценку доказательств, а также на обоснование своей позиции по дисциплинарному делу. По этой причине Совет не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

Соглашаясь с приведенной выше оценкой Квалификационной комиссией характеравзаимоотношений между адвокатом Г. и ее доверителем К., с одной стороны, и автором жалобы в Министерство юстиции РФ С., с другой стороны, Совет приходит к выводу об отсутствии в действиях адвоката Г. дисциплинарного проступка. Поскольку С. никогда не являлась доверителем адвоката Г. и, следовательно, не вправе требовать от нее соблюдения адвокатской тайны, а К., являющаяся доверителем адвоката Г., каких-либо претензий к ней, связанных с разглашением адвокатской тайны, не выдвигает, отсутствуют правовые и профессионально-этические основания для признания дисциплинарного нарушения в действиях адвоката Г., выразившихся в даче ею свидетельских показаний против С. и в интересах К.

2.2. Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, поскольку обращение в адвокатскую палату подписано одним судьей в то время, как дело рассматривалось коллегией из трех судей. Кроме того, Совет установил, что у адвоката не имелось оснований для продолжения участия в уголовном деле после того, как от нее отказался доверитель.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи... окружного военного суда С. от 29 ян-

По изложенным выше основаниям Совет признает, что Квалификационная комиссия, правильно установив фактические обстоятельства, допустила ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката при избрании основания прекращения дисциплинарного производства, и считает необходимым, вопреки Заключению Квалификационной комиссии, прекратить дисциплинарное производство адвоката Г. по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката – вследствие отсутствия в ее действиях (бездействии) нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 22 января 2021 г. ...основанному на жалобе С. от 27 июля 2020 г., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

варя 2021 г. ...в отношении адвоката Л.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 г. дисциплинарное производство,

возбужденное в отношении адвоката Л. по обращению судьи... окружного военного суда С. от 29 января 2021 г. ... необходимо прекратить вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат Л., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, письменно подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление и согласие с ним, просила рассмотреть дисциплинарное дело в ее отсутствие...

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полностью установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что 1 февраля 2021 г. в Адвокатскую палату города Москвы поступило обращение судьи... окружного военного суда С. от 29 января 2021 г. ...в отношении адвоката Л., в котором указано: «...окружным военным судом с 20 февраля 2020 г. рассматривается уголовное дело в отношении К. и других, обвиняемых в создании и участии в экстремистском сообществе и совершении преступлений, предусмотренных ст. 205.2, 212, 280, 282, 213 УК РФ. Защиту подсудимого К. осуществлял адвокат П. (удостоверение... ордер... выданный коллегией адвокатов "... г. Москвы). На основании определения... окружного военного суда от 29 декабря 2020 г. защитник подсу-

димого К., адвокат П., освобожден от участия в уголовном деле, поскольку он неоднократно не являлся в суд, нарушал регламент и порядок в судебном заседании, в связи с чем суд пришел к выводу о том, что он уклоняется от исполнения своих обязанностей и злоупотребляет предоставленными ему правами. Указанное определение суда до настоящего времени не отменено.

Подсудимому К. было разъяснено его право заключить соглашение с другим адвокатом, и он был предупрежден о том, что в случае не заключения такого соглашения ему будет предоставлен адвокат в порядке ст. 51 УПК РФ. О поведении адвоката коллегии адвокатов "... г. Москвы П. доведено до сведения Адвокатской палаты г. Москвы и Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Правом заключить соглашение с другим адвокатом подсудимый не воспользовался, в связи с чем 12 января 2021 г. на основании заявки... К. в качестве защитника была назначена адвокат Л. (удостоверение... ордер... адвокатский кабинет Л. г. Москвы). 19 января 2021 г. в судебном заседании с участием защитника, адвоката Л., суд продолжил исследование доказательств стороны обвинения. В том же судебном заседании подсудимым К. заявлено ходатайство об отказе от услуг адвоката Л., в удовлетворении которого определением суда ему отказано, и адвокат Л. продолжила участие в судебном заседании на основании того же определения суда.

25 января 2021 г. в судебном заседании адвокатом Л. было заявлено ходатайство об освобождении ее от участия в деле в связи с наличием у подсудимого К. защитника по соглашению, поскольку, по ее мнению, в определении... окружного военного суда от 29 декабря 2020 г. об освобождении адвоката П. от участия в уголовном деле,

якобы, отсутствуют данные о злоупотреблении последним правом на защиту, а подсудимым К. суду представлены доказательства уважительности причин неявки адвоката П. в судебные заседания. В удовлетворении ходатайства адвокату Л. на основании определения суда было отказано, при этом суд довел до нее суть определения... окружного военного суда от 29 декабря 2020 г. и основания освобождения адвоката П. от участия в уголовном деле. В нарушение положений ч. 1 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», устанавливающих обязательность исполнения законных распоряжений, требований, поручений, вызовов и других обращений суда, адвокат Л. самовольно, проявляя неуважение к суду, покинула зал судебного заседания, что повлекло срыв процесса.

На основании ч. 2 ст. 6 указанного Федерального конституционного закона, ч. 2 ст. 258 УПК РФ, в целях недопущения подобных действий со стороны адвоката Л. и уклонения ее от исполнения своих обязанностей, а также недопущения нарушения разумных сроков судебного производства прошу Вас принять соответствующие меры, о которых сообщить в... окружной военный суд».

Дисциплинарным разбирательством установлено, что... окружной военный суд рассматривал уголовное дело в отношении В., К., Н., С. и Т. коллегией из трех судей, однако обращение судьи С. подписано им единолично. Вместе с тем в соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката поводом для возбуждения дисциплинарного производства может являться обращение суда (судьи), рассматривающего дело. Следовательно, в данном случае обращение должно было быть подписано всеми судьями, участвующими в рассмотрении уголовного дела (судом).

Кроме того, к обращению судьи... окружного военного суда С. от 29 января 2021 г. ...какие-либо доказательства, подтверждающие его доводы о совершении адвокатом Л. дисциплинарного нарушения, не прилагались. Адвокатской палатой города Москвы в адрес председателя... окружного военного суда О. неоднократно направлялись запросы о получении процессуальных и иных документов в обоснование выдвинутого в обращении судьи С. от 29 января 2021 г. дисциплинарного обвинения. Ответы на указанные запросы в адрес Адвокатской палаты города Москвы не поступили. В соответствии с подп. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката обращение признается допустимым поводом к возбуждению дисциплинарного производства, если в нем указаны, в том числе, доказательства, подтверждающие обстоятельства, на которых автор обращения основывает свои требования.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что обращение судьи С. от 29 января 2021 г. ...не отвечает критериям допустимости, поскольку не исходит от суда, рассмотренного уголовное дело, а также заявителем не представлены доказательства, подтверждающие обстоятельства, изложенные в обращении.

Вместе с тем Совет обращает внимание на то, что судом не выносилось определение о назначении подсудимому К. защитника – адвоката Л. в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ, в котором бы содержался обоснованный и мотивированный вывод о злоупотреблении защитником по соглашению – адвокатом П. правом на защиту, дезорганизующем ход судебного заседания, то есть направленном на срыв судебного процесса, с указанием на конкретные обстоятельства, свиде-

тельствующие о таком злоупотреблении.

Кроме того, для адвоката Л. как для профессионального участника уголовного судопроизводства было очевидно, что определение... окружного военного суда от 29 декабря 2020 г. об освобождении от участия в уголовном деле защитника К., адвоката П., вынесено судом в отсутствие установленных законом оснований, поскольку ст. 72 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих участие в производстве по уголовному делу защитника, а подсудимый К. от защитника по соглашению, адвоката П., не отказывался. При таких обстоятельствах у адвоката Л. не имелось оснований считать, что у доверителя К. отсутствует защитник по соглашению, а, следовательно, и участвовать в деле в качестве защитника этого лица по назначению.

В обращении судьи С. от 29 января 2021 г. ...указано, что в судебном заседании 19 января 2021 г. подсудимым К. заявлено ходатайство об отказе от адвоката Л., в удовлетворении которого определением суда ему отказано. При этом определение об отказе в удовлетворении ходатайства подсудимого К., которое содержало бы вывод о злоупотреблении защитником по соглашению, адвокатом П., правом на защиту, дезорганизующем ход судебного заседания, судом также вынесено не было.

Совет Федеральной палаты адвокатов РФ 27 сентября 2013 г. утвердил Решение «О двойной защите» (с изменениями и дополнениями, внесенными решением Совета ФПА РФ от 28 ноября 2019 г.), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на

основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (подп. 2.1 п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «Предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими полномочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)...» (см.: «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск № 4(42); Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуски № 11–12(121–122); «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2020. Выпуск № 1(69). С. 83).

В свою очередь Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно, а именно 2 марта 2004 г. («Об участии в делах по назначению»), 20 ноября 2007 г. («Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов – защитников по соглашению»), 24 сентября 2015 г. («О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»), 18 января 2016 г. («Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению») давал свои разъяснения о надлежащем поведении адвокатов в подобных случаях.

В соответствии с указанными разъяснениями Совет Адвокатской палаты

города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев непринятия дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе

2.3. Адвокату объявлено замечание за то, что на стадии судебного разбирательства он вступил в уголовное дело в качестве защитника при наличии в деле неотмененного постановления следователя об отводе адвоката от защиты этого обвиняемого и при заведомой осведомленности адвоката о том, что он ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого очевидно противоречили интересам подсудимого.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Х. посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисципли-

нарное производство, возбужденное по от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы особо подчеркнул, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Учитывая установленные в ходе дисциплинарного разбирательства обстоятельства и приведенные правовые положения, у адвоката Л. не имелось оснований для продолжения участия в уголовном деле после того, как от нее отказался доверитель К.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. ...по обращению судьи... окружного военного суда С. от 29 января 2021 г. ...вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

нарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи Н. районного суда города Н. Хо. в отношении адвоката Х.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 г. адвокатом Х. допущено нарушение взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 62, п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось во вступлении адвоката Х. 2 июля 2020 г. на стадии судебного разбирательства в Н. районном суде города Н. в уголовное дело... в отношении П. в качестве защитника последнего при наличии в данном деле неотменного постановления следователя следственного отдела УФСБ России по Н. области З. от 20 января 2020 г. об отводе адвоката Х. от защиты обвиняемого П., при заведомой осведомленности адвоката Х. о том, что он ранее оказывал юридическую помощь лицу (Б.), интересы которого очевидно противоречат интересам подсудимого П., и в ситуации, когда в соответствии с требованиями ст. 281.1 УПК РФ показания Б. будут использоваться для доказывания вины обвиняемого П.

Адвокат Х. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласился.

Заявитель, судья Н. районного суда города Н. Хо., уведомленный надлежащим образом о дате и времени рассмотрения дисциплинарного дела, в заседании Совета не явился, представителя не направил.

Принимая во внимание, что заявитель дисциплинарного производства своевременно получил Заключение Квалификационной комиссии, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-ли-

бо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося заявителя.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Заключение Квалификационной комиссии, выслушав адвоката Х., Совет полностью соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Квалификационной комиссией достоверно установлено, что в производстве следственного отдела УФСБ России по Н. области находилось уголовное дело... возбужденное 21 февраля 2017 г., по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

В качестве обвиняемого по данному делу был привлечен гражданин Б., защиту которого осуществлял адвокат Х.

В ходе расследования уголовного дела обвиняемым Б. было заявлено ходатайство о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в рамках которого Б. обязался дать полные и правдивые показания об обстоятельствах совершения инкриминируемого ему преступления, с указанием о причастности к его совершению гражданина П. В рамках реализации заключенного с обвиняемым Б. досудебного соглашения о сотрудничестве последний в ходе его допроса с участием адвоката Х. дал подробные показания об обстоятельствах совершения им совместно с П. хищения денежных средств у ОАО «...».

Н. районный суд города Н., рассмотрев в особом порядке, без проведения судебного разбирательства по делу, уголовное дело... по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, защиту ко-

торого осуществлял адвокат Х. 21 мая 2019 г., постановил в отношении Б. обвинительный приговор. В соответствии с указанным приговором Б. совершил преступление, действуя совместно и согласовано с лицом, в отношении которого уголовное дело было приостановлено в связи с розыском. В судебном заседании подсудимый Б. вину признал полностью. Защитник подсудимого, адвокат Х., не возражал против постановления приговора без проведения судебного разбирательства по делу.

20 января 2020 г. в следственный отдел УФСБ России по Н. области адвокатом Х. был представлен ордер... выданный адвокату Х. для осуществления защиты П.

Постановлением следователя следственного отдела УФСБ России по Н. области З. от 20 января 2020 г. защитник обвиняемого П., адвокат Х., был отведен от участия в деле на основании п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, так как адвокат Х. ранее оказывал юридическую помощь иному лицу – Б., интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого (обвиняемого) П.

Данное постановление следователя адвокатом Х. не обжаловалось и не отменялось.

12 мая 2020 г. уголовное дело по обвинению П. поступило в Н. районный суд города Н.

2 июля 2020 г. адвокат Х. был допущен судом в качестве защитника П., и с его участием было оглашено обвинительное заключение, установлен порядок представления доказательств, допрошены представитель потерпевшего и четыре свидетеля.

Как следует из выписки из протокола судебного заседания по уголовному делу... от 18 ноября 2020 г., государственным обвинителем был заявлен отвод защитнику подсудимого П., адвокату Х., в связи с тем, что адвокат Х. ранее

защищал Б., являвшегося соучастником П. при совершении инкриминируемого подсудимому П. преступления. При этом Б. полностью признал вину, дал изобличающие П. показания, был ранее осужден Н. районным судом города Н. в особом порядке, что, безусловно, свидетельствует о противоречии интересов Б. интересам подсудимого П., не признающего свою вину в предъявленном ему обвинении.

Подсудимый П. в данном судебном заседании подтвердил, что не признает вину в предъявленном ему обвинении, одновременно указав, что ему известна позиция Б., признавшего в совершении данного преступления.

Адвокат Х. в ходе судебного заседания не отрицал как факт осуществления ранее защиты по уголовному делу Б., так и наличие противоречий интересов осужденного Б. интересам подсудимого П. Однако он полагал, что в связи с тем, что п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ не содержит указание на подсудимого, а говорит только о подозреваемом или обвиняемом, то ходатайство о его отводе он полагает преждевременным, а его разрешение по существу может иметь место только после дачи показаний подсудимым П. в конце судебного следствия.

18 ноября 2020 г. судьей Н. районного суда города Н. Хо. было вынесено частное постановление в связи с выявленными нарушениями закона, допущенными адвокатом Х.

Апелляционным постановлением Н. областного суда от 21 января 2021 г. частное постановление Н. районного суда города Н. от 18 ноября 2020 г. в отношении адвоката Х. было оставлено без изменения, апелляционная жалоба адвоката Х. – без удовлетворения.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, с которым Совет соглашается в полной мере, что установленные

в ходе дисциплинарного производства обстоятельства дают достаточные основания утверждать о наличии в действиях адвоката Х. нарушения адвокатом взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 62, п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось в его вступлении на стадии судебного разбирательства в уголовное дело по обвинению П. в качестве защитника последнего при наличии в данном деле неотмененного постановления следователя об отводе адвоката Х. от защиты П. и при заведомой осведомленности адвоката Х. о том, что он ранее оказывал юридическую помощь лицу (Б.), интересы которого очевидно противоречат интересам подсудимого П.

Положения ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката об обязанности адвоката соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства вытекают из общего принципа законности, на основании которого действует адвокатура (п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Часть 1 ст. 62 УПК РФ предусматривает обязанность защитника уклониться от участия в производстве по уголовному делу при наличии оснований для отвода, предусмотренных главой 9 УПК РФ.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если ранее он оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам подозреваемого, обвиняемого.

Часть 2 ст. 47 УПК РФ определяет, что подсудимым именуется обвиняемый, по уголовному делу в отноше-

нии которого назначено судебное разбирательство. Иными словами, лицо, приобретая процессуальный статус подсудимого, по-прежнему является обвиняемым. Это прямо вытекает как из положений самой ст. 47 УПК РФ, раскрывающей общее понятие обвиняемого в уголовном судопроизводстве, так и из положений ч. 1 ст. 252 УПК РФ, где указано, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

В Заключении Квалификационной комиссии приведены достаточные доводы, основанные на материалах дисциплинарного производства, свидетельствующие о том, что участие адвоката Х. в качестве защитника обвиняемого Б., заключившего при участии адвоката Х. досудебное соглашение о сотрудничестве и указавшего в рамках этого соглашения на П. как на лицо, причастное к совершению преступления, в котором обвинялся сам Б., создавало безусловные препятствия для участия адвоката Х. в уголовном деле в отношении П. в качестве его защитника.

Как верно указала в Заключении Квалификационная комиссия, показания Б., изобличающие П. в совершении ими совместно одного преступления, являлись доказательством обвинения по уголовному делу в отношении П., по которому Б. подлежал допросу в порядке ст. 281.1 УПК РФ.

Совет принимает во внимание и то обстоятельство, что адвокату Х. было достоверно известно о наличии постановления следователя следственного отдела УФСБ России по Н. области З. от 20 января 2020 г. о его (адвоката Х.) отводе, которое сохраняло свою силу, в том числе, и на стадии судебного разбирательства Н. районным судом города Н. уголовного дела по обвинению П. и также препятствовало участию адвока-

та Х. в уголовном деле по обвинению П. в качестве защитника последнего.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Х. опровергнутой, а его вину в совершении дисциплинарного нарушения установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Х. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что он дисциплинарное нарушение совершил впервые, признал его, существенного вреда интересам доверителя, а также судопроизводства этим нарушением не причинено. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

2.4. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку заявителем не указаны конкретные даты неявок адвоката в судебные заседания без уважительных причин и не представлены доказательства, подтверждающие дисциплинарное обвинение.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи Т. районного суда города Москвы Х. ...от 26 января 2021 г. ...в отношении адвоката Ш.

12 мая 2021 г. Квалификационной комиссией вынесено Заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш. по обращению судьи Т. районного суда города

применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 62, п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось во вступлении адвоката Х. 2 июля 2020 г. на стадии судебного разбирательства в Н. районном суде города Н. в уголовное дело... в отношении П. в качестве защитника последнего при наличии в данном деле неотмененного постановления следователя следственного отдела УФСБ России по Н. области 3. от 20 января 2020 г. об отводе адвоката Х. от защиты обвиняемого П., при заведомой осведомленности адвоката Х. о том, что он ранее оказывал юридическую помощь лицу (Б.), интересы которого очевидно противоречат интересам подсудимого П., и в ситуации, когда в соответствии с требованиями ст. 281.1 УПК РФ показания Б. будут использоваться для доказывания вины обвиняемого П.

Москвы Х. ...от 26 января 2021 г. ... вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ш., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие и сообщил о полном согласии с Заключением Комиссии.

С учетом указанных обстоятельств и в соответствии с положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие его участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Обращение судьи Х. содержит утверждение о том, что адвокат Ш., осуществлявший защиту Т. с 9 сентября 2019 г. на основании ордера... выданного коллегией адвокатов города Москвы «...» (ранее ордер... выданный коллегией адвокатов К. области «...»), в период с 16 сентября 2020 г. до даты обращения, 26 января 2021 г., неоднократно представлял суду письменные ходатайства о его занятости в различных судах города Москвы и Московской области и о назначении судебных заседаний с учетом его занятости. В общей сложности адвокат Ш. не явился без уважительных причин с 16 сентября 2020 г. «более чем в восемь» судебных заседаний (*Так указано в обращении. – Примечание Совета*). В связи с чем судебные заседания неоднократно откладывались.

Возражая против дисциплинарного обвинения, адвокат Ш. в своих объяснениях указал, что 19 сентября 2019 г. с участниками процесса судом были согласованы все последующие судебные заседания по данному уголовному делу не в среду, как указывает судья в обращении, а в четверг в 10.00, что подтверждается протоколом судебного заседания и официальной информацией, содержащейся на официальном сайте судов общей юрисдикции города Москвы (<http://www.mos-gorsud.ru>). Соответственно, он, как и другие защитники,

согласовал свои графики участия в судебных заседаниях в других судах, что исключало его участие в заседаниях Т. районного суда города Москвы в другие дни. Кроме того, утверждения судьи Х. о том, что 20 ноября 2020 г. он не явился в судебное заседание Т. районного суда города Москвы, не соответствуют действительности, так как в указанную дату с его участием Т. районный суд города Москвы рассмотрел вопрос о продлении подсудимому Т. срока содержания под домашним арестом, что подтверждается материалами уголовного дела.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Ш. в том, что с 16 сентября 2020 г. он без уважительных причин «в общей сложности не явился более чем в восемь судебных заседаний» по уголовному делу... по обвинению А, М. и Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что в соответствии с требованиями подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката в обращении должны быть указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса; обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

В обращении судьи Т. районного суда города Москвы Х. ...от 26 января 2021 г. ...приведены лишь сведения о заявленных адвокатом Ш. ходатайствах, но конкретные даты его неявок в судебные заседания без уважительных причин не приведены, какие-либо доказательства, подтверждающие дисциплинарное обвинение (включая протоколы судебных заседаний), не представлены.

Из публично-правового характера дисциплинарного производства и вытекающего из него принципа презумпции добросовестности адвоката следует, что применительно к настоящему разбирательству обязанность опровержения позиции адвоката Ш. возложена на заявителя, судью Т. районного суда города Москвы Х.

Из содержания обращения можно предположить, что судья Х. обвиняет адвоката Ш. в том, что тот не явился в судебное заседание Т. районного суда города Москвы, имевшее место 20 ноября 2020 г., представив в суд ходатайство об отложении судебного заседания в связи с профессиональной занятостью в указанную дату в судебном заседании Н. городского суда М. области при рассмотрении его жалобы, поданной в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, в то время как согласно ответа, полученного из Н. городского суда М. области, адвокат Ш. в заседание указанного суда также не явился, представив в суд сведения о занятости в судебном заседании Т. районного суда города Москвы.

Адвокат Ш. в своих объяснениях указывает, что действительно он планировал принять участие в заседании Н. городского суда М. области по его жалобе, поданной в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, но, узнав, что в указанную дату Т. районным судом го-

рода Москвы будет рассматриваться ходатайство государственного обвинителя о продлении подсудимым срока содержания под домашним арестом, изменил планы и принял участие в заседании Т. районного суда города Москвы. В подтверждение доводов своих объяснений адвокат Ш. представил Квалификационной комиссии постановление Т. районного суда города Москвы от 20 ноября 2020 г., из которого усматривается, что он действительно принимал участие в этом судебном заседании.

При таких обстоятельствах, достоверно установленных Квалификационной комиссией, Совет соглашается с ее выводом о неконкретности выдвинутых судьей Х. дисциплинарных обвинений в отношении адвоката Ш. и приходит к выводу о том, что автором обращения не опровергнута презумпция добросовестности адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Ш. ...по обращению судьи Т. районного суда города Москвы Х. ...от 26 января 2021 г. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.5. Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности, признав, что сайт коллегии адвокатов не является средством массовой информации, а сведения об адвокате, содержащиеся на этом сайте, были размещены не с целью распространения информации о некоммерческих организациях, включенных в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, а с целью доведения до доверителей, а также лиц, рассматривающих возможность обращения к адвокату за юридической помощью, сведений о его специализации, профессиональных достижениях и квалификации.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел посредством видео-конференц-связи в закрытом засе-

дании дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юсти-

ции Российской Федерации по городу Москве от 9 февраля 2021 г. ...основанному на заявлении Пи. ...в отношении адвоката П.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 9 февраля 2021 г. ...основанному на заявлении Пи. ...признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. и адвокат П. в заседание Совета не явились, заявив ходатайства от 28 июня 2021 г. ...о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников, поскольку они были уведомлены надлежащим образом о дате и времени заседания Совета, своевременно получили Заключение Квалификационной комиссии, имели возможность представить свои объяснения и доказательства, заявили ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основа-

ны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Так, установлено, что на интернет-сайте... коллегии адвокатов «...» президентом которой является адвокат П., в подразделе «Награды и достижения» раздела «Президент коллегии, адвокат П.», размещена информация о датированном 2015 годом сертификате «Информационно-методического центра “...”», из которого следует, что П. в 2015 году прошел обучение в рамках Международной юридической школы по правам женщин. Сертификат подписан директором ООО «...»... Кроме того, в подразделе «Проекты» раздела «Президент коллегии, адвокат П.» размещена информация о Центре «...». Указаний на то, что эти сообщения и материалы созданы и (или) распространены российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, не имеется.

В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на информационном портале Министерства юстиции Российской Федерации в разделе «Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента» (<http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>) содержится информация о включении 26 декабря 2016 г. региональной общественной организации помощи женщинам и детям, находящимся в кризисной ситуации «Информационно-методический центр “...”» в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, а также о включении 29 декабря 2020 г. Автономной некоммерческой организации “...” в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента.

В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на информационном портале Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в разделе «Перечень наиме-

нований, зарегистрированных СМИ» (<https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/>), не обнаружено сведений о регистрации сайта МКА «...» (<https://...org>) в качестве средства массовой информации.

Давая правовую оценку установленным фактическим обстоятельствам, Совет отмечает, что согласно ч. 10 ст. 25.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» «распространение на территории Российской Федерации сообщений и материалов иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента, и (или) российского юридического лица, выполняющего функции иностранного агента, без указания на то, что эти сообщения и материалы созданы и (или) распространены соответственно иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента, не допускается».

В соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» «настоящий Закон применяется в отношении средств массовой информации, учреждаемых в Российской Федерации, а для создаваемых за ее пределами – лишь в части, касающейся распространения их продукции в Российской Федерации».

При этом под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием) (абз. 3 ч. 1 ст. 2 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»).

В силу положений ч. 2 ст. 8 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» «сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” может быть зарегистрирован как сетевое издание в соответствии с настоящим Законом. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является».

Учитывая, что Квалификационной комиссией на информационном портале Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в разделе «Перечень наименований зарегистрированных СМИ» получены сведения об отсутствии регистрации официального сайта Некоммерческой организации Московская коллегия адвокатов «...» (<https://...org/>), указанный сайт не является средством массовой информации как по данному формальному признаку, так и согласно ч. 2 ст. 8 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

Совет обращает внимание, что сайт МКА «...» (<https://...org>) не может быть отнесен к средствам массовой информации и по неформальным признакам, с точки зрения его содержания. Информация, размещенная на указанном сайте, форма и порядок ее размещения, равно как и фактическое поведение адвоката П. и Некоммерческой организации Московская коллегия адвокатов «...» по обращению с ней, не позволяют Совету прийти к выводу о том, что официальный сайт МКА «...» (<https://...org>) обладает общими признаками средства массовой информации, поскольку он не ориентирован на периодическое распространение массовой информации.

Совет отмечает, что из прилагаемых к представлению Главного управления

Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 9 февраля 2021 г. ...а также к дополнению к нему от 6 мая 2021 г. ...скриншотов сайта МКА «...» (<https://...org>) видно, что информация, содержащая упоминания Региональной общественной организации помощи женщинам и детям, находящимся в кризисной ситуации, «...» и Автономной некоммерческой организации «...» размещена не на главной странице сайта, а в его тематических подразделах, касающихся специализации адвокатской деятельности адвоката П. и прохождения им различных курсов повышения квалификации, а именно: «Награды и достижения» и «Проекты». Данная информация размещена однократно, что указывает на отсутствие как признака периодичности ее распространения, так и стремления охватить максимально широкую аудиторию, придав указанной информации признак массовости.

Принимая во внимание как характер информации (сертификат о прохождении обучения и логотип правозащитного проекта, в котором участвует адвокат), так и иные доказательства по настоящему дисциплинарному производству, приведенные в Заключение Квалификационной комиссии, Совет приходит к выводу, что указанные сведения размещены не с целью распространения какой-либо информации об указанных некоммерческих организациях, включенных в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, а с целью доведения до доверителей, а также лиц, рассматривающих возможность обращения к адвокату П. за юридической помощью, сведений о его специализации, профессиональных достижениях и квалификации.

Размещение информации о проектах и достижениях адвоката П. в соответствующих тематических разделах его личной страницы на сайте МКА «...»

(<https://...org>), а также отсутствие там информации о деятельности указанных некоммерческих организаций не дают оснований для вывода о каком-либо злоупотреблении адвокатом П. возможностью ее размещения и распространения. При этом сообщение полной и достоверной информации о деятельности самого адвоката П. лицам, обращающимся к нему за оказанием юридической помощи, не подрывает, а, наоборот, способствует установлению фидуциарных (доверительных) отношений между адвокатом и его доверителями.

Таким образом, рассматриваемые в контексте положений Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также Кодекса профессиональной этики адвоката фактические обстоятельства, установленные материалами дисциплинарного производства, не дают оснований для вывода о нарушении адвокатом П., в том числе как президентом коллегии Некоммерческой организации Московская коллегия адвокатов «...», требований ч. 10 ст. 25.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», а также норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката П. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 9 февраля ...основанному на заявлении Пи. ... вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

3. Дисциплинарные производства иных категорий

3.1. Совет прекратил дисциплинарное производство, признав, что разглашение адвокатской тайны путем дачи адвокатом свидетельских показаний в условиях существования реальной угрозы его уголовного преследования не образует нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием заявителя С., представителя заявителя С., адвоката Р. ...рассмотрел в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе С. «от февраля» 2021 года ... в отношении адвоката М.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 г. адвокатом М. допущено нарушение взаимосвязанных положений п. 1, 2 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 5, п. 3, 4, 6 ст. 6 и подп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в его добровольной явке в СУ по ...АО ГСУ СК России по городу Москве для дачи свидетельских показаний по уголовному делу... и даче соответствующих показаний по указанному уголовному делу 17 апреля и 14 мая 2019 г., будучи лицом, ранее участвовавшим в этом же уголовном деле в качестве защитника обвиняемого С. и представителем С. по гражданскому делу... находившемся в производстве Г. городского суда Ч. Республики, и разгласившего следователю сведения, относящиеся в соответствии с положениями п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката к сведениям, составляющим профессиональную тайну, при отсутствии письменного согласия доверителя С., освобождающего адвоката М. от обязанности хранения указанной тайны и при отсутствии возбужденного против адвоката М. уголовного дела.

В том же Заключении Квалификационная комиссия пришла к выводу о не-

обходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе С. «от февраля» 2021 года:

– в части дисциплинарных обвинений в добровольной явке в СУ по ...АО ГСУ СК России по городу Москве для дачи свидетельских показаний по уголовному делу... и даче соответствующих показаний по указанному уголовному делу 16 июля 2018 г., будучи лицом, ранее участвовавшим в этом же уголовном деле в качестве защитника обвиняемого С. и представителем С. по гражданскому делу... находившемся в производстве Г. городского суда Ч. Республики, и разгласившего следователю сведения, относящиеся в соответствии с положениями п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката к сведениям, составляющим профессиональную тайну, при отсутствии письменного согласия доверителя С., освобождающего адвоката М. от обязанности хранения указанной тайны и при отсутствии возбужденного против адвоката М. – вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности;

– в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель С. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения, ознакомление с ним, с выводами Комиссии не согласился.

Ранее в Адвокатскую палату города Москвы от заявителя С. поступило

«Заявление» от 11 июня 2021 г. ...без подписи, авторство которого С. подтвердил в заседании Совета. В «Заявлении» выражено несогласие с Заключением Квалификационной комиссии в части прекращения дисциплинарного производства. Заявитель С. указывает, что, по его мнению, Квалификационная комиссия не учла, что согласно соглашению об оказании юридической помощи от 20 февраля 2016 г. ...такая помощь должна была оказываться ему адвокатом М. не только по уголовному, но и по гражданским делам, производство по которым осуществляется и по настоящее время. Тем не менее адвокат М. от работы по соглашению устранился, «с июля 2016 года просто исчез», хотя указанное соглашение не расторгнуто и действует в настоящее время, что свидетельствует о факте делящихся отношений. Несмотря на прекращение оказания юридической помощи, адвокат М. продолжает удерживать у себя выданную ему С. доверенность на ведение гражданских дел, документацию по уголовному и гражданскому делам, а также ряд иных документов. Не урегулированы и финансовые отношения с адвокатом М., связанные с прекращением им оказания юридической помощи.

По мнению С., даже если адвокат М. после дачи показаний устранился от участия в уголовном деле в качестве защитника согласно требованиям ст. 72 УПК РФ, он по-прежнему обязан оказывать юридическую помощь по соглашению в виде консультаций, формирования правовой позиции и иным образом, не связанным непосредственно с проведением следственных действий. Кроме того, С. отмечает, что адвокат М. не ознакомил его с процессуальными документами, касающимися сотрудничества Г. со следствием. Он также не уведомил С. о том, что он трижды был допрошен и дал в отношении его (С.) показания.

Отвечая на заданные ему вопросы, заявитель С. в заседании Совета сообщил: *«Относительно вреда, который нанес адвокат М. своими действиями: он получил денежные средства по соглашению, отказался от дальнейшей защиты, никаким образом не уведомил о том, что он был допрошен, и о том, что каким-либо образом соглашение расторгнуто, и что он не может в дальнейшем оказывать помощь. Денежный вопрос со мной не урегулирован, мне пришлось нести финансовые затраты второй раз, приглашая для исполнения той же работы других людей. Я ознакомился в полном объеме с уголовным делом, сейчас оно возвращено из прокуратуры назад с огромным количеством нарушений. Единственное доказательство, которое есть у следствия – это рассуждения М. Никаких других доказательств в деле нет, а показания Г. ничем не подтверждены. В своих показаниях Г. указывает на десять виновных человек, но ни один из них к уголовной ответственности не привлечен в течение трех лет. Это говорит о том, что его показания в отношении разных лиц, в том числе меня, никого не убедили. Соответственно, адвокат М. породил доказательства, которые мне предстоит дезавуировать, и это я тоже считаю нанесенным мне ущербом. Мое мнение – не дай бог кому-то получить такого адвоката, как М. Он только с тобой поговорил, как сразу идет к следствию и коммуницируется. Считаю, что такой адвокат адвокатом быть не должен. М. на сегодня обладает большим количеством документов, которые находятся у него как по уголовному делу, так и по гражданским делам. Считаю, что он должен прийти и их передать. Естественно, я ему уже не доверяю. Я понимаю, что он испугался. Я бы его послушал, получил назад авансы, которые ранее ему выдал, а также все*

документы. Адвокат М. являлся одновременно защитником П., Х. и моим. И все мы в шоке от того, что адвокат М. связал нас в некую группу. Его показания следствию состояли в том, что «мой клиент» является руководителем какой-то группы, организованной преступной, в которую входит Р., тоже его доверитель, Х. – тоже его доверитель П. Со всеми он общался в рамках тех или иных соглашений и пришел к таким выводам. Меня это совершенно не устраивает. К примеру, он говорит, что когда он был в Г. суде, то он увидел доверенность, на которой стояла печать настолько мокрая, что она отпечаталась на другой стороне, и что-то это следствию может помочь. И зачем-то он эти воспоминания сообщает следствию. Относительно показаний Г. в отношении адвоката М. могу сказать, что Г. через запятую перечислил десять фамилий, которые посчитал нужным назвать, и не смог ничего сообщить, поскольку М. в принципе не мог быть ни в чем обвинен, кроме как чего-то надуманного. Это выдумки, никакой вины у него не существовало. Хотя сейчас я всего текста показаний Г. наизусть не помню. Г. с таким же успехом мог указать фамилии всех адвокатов города. Это сделано, чтобы получить преференции от следствия и указать максимальное количество людей. Никаких фактов в отношении М. приведено не было. В такой ситуации я бы показания против своего клиента не давал. Считаю, что в показаниях Г. ничего реального против М. не было. Реальной ли была угроза для М.? Нужно спросить у него самого, хотя его здесь нет, но я считаю, что это просто была бумажка-«пугалка», которая в себе ничего не несет. Следовало это сразу понять. Если вы спрашиваете, насколько реальной была угроза для М., я считаю, что она не была равна возбужденному

уголовному делу. В показаниях Г. не было обвинительной информации в адрес М.».

Представитель заявителя С. адвокат адвоката Р. в полном объеме поддержал позицию С.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, письменно ходатайствовал о рассмотрении дисциплинарного дела в его отсутствие...

Кроме того, в Адвокатскую палату города Москвы от адвоката М. поступило «Возражение» на Заключение Квалификационной комиссии б/д... Адвокат М. указывает, что, внимательно изучив Заключение, он категорически не согласен с ним в части установленных в его действиях нарушений, выразившихся в добровольной явке в следственный орган и даче свидетельских показаний, что повлекло разглашение сведений, относящихся к адвокатской тайне, при отсутствии письменного согласия доверителя С.

Адвокат М. в «Возражении» повторил свои ранее изложенные доводы о том, что ему следователем О. были предъявлены процессуальные документы, из которых следовало, что обвиняемый Г. прямо указал на него (адвоката М.) как на лицо, причастное к совершению мошенничества. Для опровержения показаний Г. адвокат М. вынужден был дать свидетельские показания по уголовному делу, поскольку в противном случае его самого могли привлечь к уголовной ответственности за преступление, к которому он не имел никакого отношения.

Адвокат М. полагает, что Квалификационной комиссии было представлено достаточно данных, свидетельствующих о реальной угрозе уголовного преследования в отношении него в рамках расследуемого СУ по ...АО ГСУ СК

России по городу Москве уголовного дела... Именно ввиду сложившихся обстоятельств для защиты своего доброго имени и опровержения ставших ему известных сведений, направленных к подрыву доверия к нему и адвокатуре, а также во избежание необоснованного привлечения к уголовной ответственности, адвокат М. был вынужден воспользоваться правом, предоставленным ему ч. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

По мнению адвоката М., данная норма кодекса должна применяться не только в случае, если уголовное дело возбуждено в отношении конкретного адвоката, но и если оно возбуждено в отношении неустановленных лиц. Поэтому адвокат М. считает, что норма ч. 4 ст. 6 Кодекса *«подлежит расширенному толкованию и должна распространяться на вышеизложенные мной события, так как в противном случае априори не может обеспечить гарантии безопасности адвоката в случае необоснованного привлечения к уголовной ответственности»*.

На этих основаниях адвокат М. просит прекратить дисциплинарное производство в отношении него по жалобе С. В качестве приложения к «Возражению» адвокат М. приобщил ответ на его запрос следователя СУ по ...АО города Москвы ГСУ СК России Б. от 15 июня 2021 г.

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело при имеющейся явке.

Изучив и обсудив Заключение Квалификационной комиссии, материалы дисциплинарного производства, выслушав его явившихся участников, Совет признает фактические обстоятельства

дела правильно установленными Квалификационной комиссией, однако, вопреки выводам Квалификационной комиссии, приходит к иным выводам, которые будут изложены далее в настоящем Решении.

Как установлено материалами дисциплинарного производства, претензии со стороны заявителя С. к адвокату М. состоят в трех случаях дачи им свидетельских показаний по уголовному делу... повлекших разглашение адвокатской тайны, а именно 16 июля 2018 г., 17 апреля и 14 мая 2019 г.

Придя к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части, касающейся первого эпизода допроса, 16 июля 2018 г., вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, Квалификационная комиссия сочла, что в двух других случаях адвокат М., будучи лицом, ранее участвовавшим в этом же уголовном деле в качестве защитника обвиняемого С. и его представителем по гражданскому делу... находившемуся в производстве Г. городского суда Ч. Республики, разгласил следователю сведения, составляющие профессиональную тайну, при отсутствии письменного согласия доверителя.

Во-первых, Совет обращает внимание на неконкретность выдвинутых в отношении адвоката М. дисциплинарных обвинений. Так, ни в жалобе заявителя, ни в его дальнейших устных и письменных пояснениях, ни в Заключение Квалификационной комиссии не указано, какие конкретно сведения, сообщенные адвокатом М. на допросах следователю, составляют адвокатскую тайну. Между тем органы адвокатского самоуправления не наделены правом формулирования и конкретизации предъявленного дисциплинарного обвинения при том, что конкретность обвинения является общеправовым

принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении (см.: Сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы // Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы». М., 2014. С. 192–193).

Во-вторых, Совет соглашается с адвокатом М. в том, что в отношении него действительно существовала угроза уголовного преследования. По этой причине к действиям адвоката М. в рассматриваемой ситуации в полной мере применимы положения п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, позволяющие адвокату без согласия доверителя использовать сообщенные ему сведения для своей защиты по уголовному делу. При этом Совет, руководствуясь общеобязательными правовыми позициями Конституционного Суда РФ, исходит не из формального узкого толкования приведенной нормы, а исходя из фактического положения лица, которому может угрожать уголовное преследование (см.: Постановления от 23 марта 1999 г. № 5-П и от 27 июня 2000 г. № 11-П, Определение от 5 ноября 2004 г. № 350-О).

Вопреки позиции заявителя, о реальной угрозе для адвоката М. уголовного преследования по уголовному делу о мошенничестве свидетельствуют:

– его собственные пояснения о том, что, будучи приглашенным к следователю, он был ознакомлен с протоколом допроса обвиняемого Г. с показаниями против него (М.), с постановлением про-

курора об удовлетворении ходатайства Г. о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также в качестве угрозы ему был продемонстрирован заготовленный протокол его (М.) задержания. При этом изначально при первом допросе, состоявшемся 16 июля 2018 г., адвокат М. сделал в протоколе допроса заявление: *«Показания давать желаю, даю их в соответствии ч. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката»;*

– показания обвиняемого Г., содержащиеся в протоколе его допроса от 3 июля 2018 г. на восьми листах, где фамилия М. упоминается 24 раза. При этом основным предметом допроса являются обстоятельства, квалифицированные следствием по ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ как покушение на мошенничество и изложенные в постановлении прокурора от 29 июня 2018 г. об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и в постановлении Ч. районного суда города Москвы от 20 июня 2018 г. об избрании С. меры пресечения в виде домашнего ареста. При этом из общего контекста показаний и конкретных пояснений допрашиваемого ясно следует, что речь идет о непосредственной причастности М. к противоправной деятельности.

Так, на листе 6 протокола допроса указано:

«Вопрос следователя: Поясните, М. и А. были осведомлены о преступности ваших и остальных лиц действий?»

Ответ обвиняемого: Да, они были осведомлены. Они понимали, что сделки как таковой не было, и представляли мои и С. интересы по документам “...”»;

– письменные ответы следователя СУ по ...АО города Москвы ГСУ СК России Б. на запросы адвоката М. В ответе от 15 июня 2021 г. указано, что адвокат М. был ознакомлен с показаниями

заклучившего досудебное соглашение о сотрудничестве Г., в связи с чем его показания, по мнению следствия, были обусловлены необходимостью обоснования своей позиции с целью защиты его прав и законных интересов. Тот же следователь в ответе от 15 марта 2021 г. указал: *«целесообразность получения от вас показаний по находящемуся в моем производстве уголовному делу... возбужденному 15 июля 2016 г. заместителем начальника... отдела СЧ СУ УВД по ...АО ГУ МВД России по городу Москве была вызвана необходимостью проверки полученных в ходе расследования в том числе и от лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве данных о наличии у вас сведений об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела»* (орфография и пунктуация оригинала сохранены. – Примечание Совета).

Совокупность приведенных фактов приводит Совет к выводу о том, что адвокат М. находился в условиях реальной угрозы уголовного преследования, в связи с чем был вправе защищаться, давая свидетельские показания, в том числе и сообщая без согласия доверителя сведения, составляющие адвокатскую тайну. Определение степени реальности такой угрозы, оценка доказательств по уголовному делу выходят за рамки дисциплинарного разбирательства и полномочий органов адвокатского самоуправления, при этом для вывода о правомерности применения положений п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката достаточно констатации самого факта наличия угрозы уголовного преследования. При данных обстоятельствах Совет, вопреки Заклучению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании

Кодекса профессиональной этики адвоката и правовой оценке деяния адвоката, приходит к выводу о том, что в действиях адвоката М., составляющих предмет дисциплинарных обвинений в разглашении адвокатской тайны путем дачи свидетельских показаний, отсутствует нарушение законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Приходя к такому выводу, Совет также учитывает традиции российской (присяжной) адвокатуры. Так, в книге А.Н. Маркова «Правила адвокатской профессии в России» (М., 1913) со ссылкой на решения советов присяжных поверенных разъяснялось: *«Единственным средством для оправдания от обвинения в тяжких нарушениях долга, пятнающих честь и достоинство носимого адвокатом звания, является правдивое изложение того, что действительно происходило, а потому защитнику не может быть возбранено прибегнуть к этому средству, хотя бы это было связано с разглашением "тайны доверителя"»*.

Такой подход является устоявшимся и в дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы. Так, *«Квалификационная комиссия сочла убедительными и заслуживающими доверия объяснения адвоката Ч. о том, что, выполняя обязательства по соглашению об оказании юридической помощи, он потенциально мог оказаться в опасной правовой ситуации, при развитии которой в отношении него имелась реальная угроза возбуждения уголовного дела. В этой связи у адвоката Ч. имелись исключительные причины для расторжения соглашения и отказа от исполнения обязанностей защитника»* (см.: «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2014. Выпуск № 4. С. 29–36).

Давая оценку дисциплинарному обвинению, выдвинутому заявителем в адрес адвоката М., в том, что он после первого своего допроса в качестве свидетеля по уголовному делу... имевшего место 16 июля 2018 г., самоустранился от защиты С., Совет исходит из того, что в соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК РФ защитник обязан устраниваться от участия в производстве по уголовному делу при наличии оснований, предусмотренных главой 9 УПК РФ. При этом п. 1 ч. 1 ст. 72 УК РФ устанавливает прямой запрет на участие защитника в уголовном деле, если он участвовал в этом же деле в качестве свидетеля.

При таких обстоятельствах Совет признает данное дисциплинарное обвинение противоречащим требованиям уголовно-процессуального законодательства и, следовательно, необоснованным, вследствие чего в действиях (бездействии) адвоката М. отсутствуют нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре также и в указанной части.

Иные претензии заявителя С. к адвокату М., выдвинутые в ходе дисциплинарного разбирательства в Совете (невыяснение финансовых отношений, удержание документов, необходимость привлечения другого адвоката, незнакомление его (С.) с процессуальными материалами, касающимися Г., уклонение от работы по другим делам), не являются предметом жалобы С. о привлечении адвоката М. к дисциплинарной ответственности... тогда как Совет при разбирательстве не вправе выходить за пределы жалобы и заключения комиссии (п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. ...по жалобе С. «от февраля

ля» 2021 года... вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

3.2. Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, признав, что сообщение адвокатом предполагаемого предмета консультирования с указанием минимально необходимых конкретных данных было необходимо для защиты от выдвинутых против него обвинений.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием заявителя К., адвоката П. рассмотрел посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 26 января 2021 г. ...в отношении адвоката П.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 12 мая 2021 г. адвокат П. нарушил взаимосвязанные положения п. 3, 4 ст. 6 и подп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в приглашении без согласия доверителя К. сведений, составляющих адвокатскую тайну, в объеме, не являющемся разумно необходимым для обоснования своей позиции по возбужденному против него уголовному делу частного обвинения, путем указания в тексте процессуального документа с названием «Возражения на доводы апелляционной жалобы» от 22 января 2021 г., подготовленного и представленного адвокатом П. в О. межрайонный суд Т. области, конкретных данных о предмете ранее имевшихся обращений к нему как к адвокату заявителя К. за консультационной юридической помощью, сформулированных в виде фразы «как не

платить алименты своей дочери или как побыстрее получить выходное пособие его сожительнице М., уволившейся из рядов МВД г. Т.».

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката П. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуры, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 12 мая 2021 г. и ознакомление с ним. С выводами Комиссии адвокат П. не согласился в части признания его нарушившим положения п. 3, 4 ст. 6 и подп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. В части прекращения дисциплинарного производства адвокат П. согласен с выводами Комиссии. В качестве обоснования несогласия с выводами Комиссии адвокат П. обращает внимание на то, что он никогда не оказывал заявителю К. юридическую помощь, и, соответственно, К. никогда не являлся его доверителем. Более полно и развернуто эти доводы изложены им в возражениях на Заключение Квалификационной комиссии... которые он поддерживает в полном объеме.

Заявитель К. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 12 мая 2021 г. и ознакомление с ним. С выводами Комиссии он согласен. Дополнительно К. просит обратить внимание на сведения, изложенные им в письменном обращении в Адвокатскую палату города Москвы от 7 июня 2021 г. ...Считает, что П. недостойн статуса адвоката и должен быть его лишен.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, вы-

слушав явившихся участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но не соглашается с их правовой оценкой Комиссией в части признания адвоката П. нарушившим положения п. 3, 4 ст. 6 и подп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики и признает эту оценку ошибочной. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что между заявителем К. и П., имеющим статус адвоката и регистрационный № ... в реестре адвокатов города Москвы, как между соседями по улице... деревни... О. района Т. области, имеет место длительный (более 10 лет) конфликт, обусловивший наличие между ними личных неприязненных отношений.

22 июля 2020 г. постановлением мирового судьи судебного участка № 01 О. района Т. области было принято заявление частного обвинителя К. о привлечении к уголовной ответственности П. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ.

24 декабря 2020 г. постановлением мирового судьи судебного участка № 02 О. района Т. области Ф., исполняющей обязанности мирового судьи судебного участка № 01, данное постановление было отменено, а материалы по заявлению К. о привлечении П. к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, были направлены руководителю Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Т. области для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном ст. 448 УПК РФ.

Данное решение суда было обусловлено наличием у П. действующего статуса адвоката, что в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ во взаимо-

связи с требованиями ч. 1 ст. 447 УПК РФ требовало принятия решения о возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации.

Будучи несогласным с принятым решением об отмене постановления о принятии заявления частного обвинителя К. о привлечении к уголовной ответственности П. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, заявитель К. 25 декабря 2020 г. подал в О. межрайонный суд Т. области апелляционную жалобу. В ней К. в обоснование необходимости отмены состоявшегося судебного решения указал, что П. скрыл от участкового Р. тот факт, что он является адвокатом, и что на момент подачи К. соответствующего заявления мировому судье статус адвоката П. был приостановлен. Сам П. о наличии у него этого статуса суду не сообщал, но как только показаниями допрашиваемых лиц П. стал изобличаться в распространении заведомо ложных сведений о К., П. через обращение в Совет Адвокатской палаты города Москвы восстановил свой статус адвоката, что позволило ему добиться решения об отмене постановления суда о принятии заявления частного обвинителя К. о привлечении его (П.) к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ. При этом преступление, в котором обвиняется П., не имеет никакого отношения к адвокатской деятельности П. и не связано с этой деятельностью.

22 января 2021 г. адвокат П., будучи подсудимым по уголовному делу... направил в О. межрайонный суд Т. области «Возражения на доводы апелляционной жалобы» заявителя К., являющегося потерпевшим по данному уголовному делу.

В данных возражениях на апелляционную жалобу К. адвокат П. с це-

лью опровержения довода заявителя К. о сокрытии им информации о наличии у него статуса адвоката указал, что К. *«ранее до июня 2018 г. неоднократно пытался проконсультроваться у меня, как не платить алименты своей дочери или как побыстрее получить выходное пособие его сожительнице М., уволившейся из рядов МВД г. Т.»*. Кроме того, адвокат П. в этих возражениях указал: *«несудимому К., не платившему своей дочери алиментов и просившему у меня советов как их избежать вообще, спрятавшемуся в О. районе от других граждан...судить о мне как специалисте»*.

Приведенные фактические обстоятельства правильно и полно установлены Квалификационной комиссией, никто из участников дисциплинарного производства их не оспаривает. Вместе с тем Совет приходит к выводу о том, что Квалификационная комиссия допустила ошибку в правовой оценке рассматриваемого деяния адвоката П.

Согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, являются адвокатской тайной.

В соответствии с п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

Согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката правила сохранения профессиональной тайны распространяются на факт обращения к адвокату, включая имена и названия

доверителей; все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи.

Срок хранения тайны не ограничен во времени (п. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу (п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В соответствии с п. 2 ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката при решении вопроса, связанного с сохранением адвокатской тайны, под доверителем понимается любое лицо, доверившее адвокату сведения личного характера в целях оказания юридической помощи.

Как правильно установлено Квалификационной комиссией, адвокат П. являлся подсудимым по уголовному делу частного обвинения... возбужденному по жалобе заявителя К. Один из доводов защитительной позиции П. заключался в том, что процедура производства по уголовному делу в отношении него не соответствует требованиям ст. 151 и 448 УПК РФ, предусматривающим особые

процессуальные гарантии объективности при производстве предварительного расследования в отношении специальных субъектов – адвокатов.

В свою очередь позиция заявителя К. заключалась в том, что событие, по поводу которого было возбуждено уголовное дело, не имеет никакого отношения к адвокатской деятельности П. и не связано с такой его деятельностью.

Совет отклоняет как несостоятельный и противоречащий требованиям п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката довод адвоката П. о том, что отсутствие заключенного между ним и К. соглашения об оказании юридической помощи исключает возможность предъявления к нему претензий в разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну.

Вместе с тем, оценивая наличие оснований для применения адвокатом положений п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет обращает внимание на то, что объем сведений, составляющих адвокатскую тайну, которые могут быть разглашены, обусловлен защитительной позицией адвоката по возбужденному против него делу, и должен быть разумно необходимым прежде всего для ее надлежащего обоснования.

Установив в п. 4 ст. 6 условия разглашения адвокатской тайны, Кодекс профессиональной этики адвоката применил субъективный критерий в виде самостоятельного определения адвокатом объема сведений, необходимых для обоснования его позиции, и указал на разумность пределов разглашения в каждом конкретном случае.

Совет отмечает, что, реализуя защитительную позицию по уголовному делу, адвокаты обоснованно стремятся не

только к ее правовому, но и фактическому обоснованию. В адвокатской деятельности общепринятым является подход, согласно которому позиция по уголовному делу определяется несколькими факторами, среди которых существенное значение имеют фактические обстоятельства и доказательства¹. В свою очередь для успешной реализации защитительной позиции в части, касающейся фактических обстоятельств, требуется ее обоснование доказательствами, обладающими свойствами относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности – достаточности. Конкретные фактические обстоятельства дела и собранные доказательства позволяют адвокату в каждом конкретном случае принимать решение о предмете (обстоятельствах), о которых необходимо сообщить, и о необходимой степени их детализации. Именно поэтому, определяя пределы разумной необходимости сообщения адвокатом сведений, составляющих адвокатскую тайну, органы адвокатского самоуправления должны применять взвешенный и осторожный подход, не допускающий произвольных оценок и домыслов. В свою очередь заявитель как участник дисциплинарного производства, на которого возложена обязанность доказывания и обоснования обстоятельств, на которые он ссылается как на основание своих требований, обязан привести соответствующие доводы, в том числе, и по вопросу о неразумности поведения адвоката при определении объема разглашенных сведений, составляющих адвокатскую тайну, в ходе своей защиты по уголовному делу.

Применяя указанные критерии к оценке спорных фрагментов текста процессуального документа «Возраже-

¹ См., например: Адвокат: навыки профессионального мастерства / Е.Ю. Булакова, Л.А. Воскобитова, М.Р. Воскобитова и др. // Под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. М.: Волтерс Клувер, 2006. 592 с.

ний на доводы апелляционной жалобы» от 22 января 2021 г., подготовленного и представленного адвокатом П. в свою защиту в О. межрайонный суд Т. области, Совет не усматривает дисциплинарного нарушения в его действиях.

Прежде всего Совет обращает внимание на то, что в данном конкретном случае обстоятельства, касающиеся наличия у П. специального публично-правового статуса, в силу которого он отнесен к числу специальных субъектов уголовного судопроизводства, и информированности об этом заявителя К., имели принципиальное значение для решения вопроса о законности принятия мировым судьей заявления по делу частного обвинения и дальнейшей процедуре производства по уголовному делу.

Первый спорный фрагмент представляет собой следующее утверждение адвоката П.: [*Заявитель К. – Примечание Совета*] «ранее до июня 2018 г. неоднократно пытался проконсультироваться у меня, как не платить алименты своей дочери или как побыстрее получить выходное пособие его сожительнице М., уволившейся из рядов МВД г. Т.». Из анализа его содержания следует, что адвокат П. указывает на информированность К. о его статусе адвоката, конкретизируя этот факт сведениями о том, что он «неоднократно пытался проконсультироваться» по двум вопросам юридического характера: «как не платить своей дочери алименты» и «как побыстрее получить выходное пособие его сожительнице М., уволившейся из рядов МВД г. Т.». Совет отмечает, что сообщение о характере правовых проблем, по которым К. «неоднократно пытался проконсультироваться», в данном конкретном случае имеет разумно необходимый объем, поскольку он позволяет подтвердить ключевой довод защитительной пози-

ции адвоката П. об информированности К. о наличии у него (П.) статуса адвоката. Кроме того, такая разумная конкретизация могла быть необходима для оценки сообщенных адвокатом П. сведений на предмет их достоверности. Должностное лицо, оценивающее достоверность этих сведений, получило возможность проверить их, например, запросив информацию о наличии у К. дочери, о наличии у него обязанности по уплате алиментов, а также близкого ему лица по имени М., уволившейся из органов МВД. При этом никаких конкретных сведений о характере алиментных обязательств К. и об обстоятельствах увольнения его знакомой из органов МВД адвокат П. не сообщил. При таких обстоятельствах Совет не усматривает превышения разумных пределов раскрытия адвокатом П. сведений, составляющих адвокатскую тайну, в рассматриваемом фрагменте и считает такое поведение адвоката П. обоснованным. Совет также обращает внимание на то, что адвокат П. сообщил сведения о предмете, по которому К. лишь пытался у него проконсультироваться. Квалификационной комиссией правильно установлено и указано в Заключение, что между адвокатом П. и заявителем К. не заключалось соглашение об оказании юридической помощи. Поэтому сообщение предполагаемого предмета консультирования с указанием минимально необходимых конкретных данных, свидетельствующих о его правовом характере, было необходимо для подтверждения информированности К. о наличии у П. статуса адвоката, и иным способом это было невозможно обеспечить.

По этой причине Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что *«публичное разглашение адвокатом П. не только фактов, но и предмета обращений к нему заявителя К. за оказанием юридической*

консультационной помощи не вытекало из существа защитительной позиции П. как подсудимого по уголовному делу частного обвинения, инициированного в отношении него заявителем К. по обвинению в клевете», и считает необходимым в указанной части прекратить дисциплинарное производство вследствие отсутствия в действиях адвоката П. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Что же касается второго фрагмента: *«несудимому К., не платившему своей дочери алиментов и просившему у меня советов как их избежать вообще, спрятавшемуся в О. районе от других граждан... судить о мне как специалисте»*, то Совет отмечает его неразрывную взаимосвязь с первым фрагментом. Сама по себе неоднократность повторения в различных контекстах одних и тех же сведений, пусть и составляющих адвокатскую тайну, в целях защиты от предъявленного обвинения в совершении преступления и без превышения разумных пределов разглашения не может быть расценена как совершение дисциплинарного проступка.

Умозаключение же адвоката П. о том, что К. «скрылся» в О. районе от других граждан, не относится к сведениям, составляющим адвокатскую тайну, и, соответственно, не подлежит оценке на предмет ее разглашения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката П. ... возбужденное по жалобе К. от 26 января 2021 г. ... вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Судебная практика

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 29 июня 2021 г. № 22

о внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам

В связи с изменением законодательства, а также возникающими в судебной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет внести изменения в следующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

1. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 года № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»:

1) преамбулу изложить в следующей редакции:

«В связи с возникшими у судов вопросами по применению особого порядка судебного разбирательства, установленного главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и в целях обеспечения единства судебной практики Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать судам следующие разъяснения:»;

2) пункт 2 изложить в следующей редакции:

«2. При рассмотрении вопроса о возможности принятия судебного решения по ходатайству обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке судам надлежит устанавливать, имеются ли по уголовному делу необходимые для этого условия. Согласно требованиям норм главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) таковыми следует считать: заявление обвиняемого о согласии с предъявленным обвинением в совершении преступления; понимание обвиняемым существа обвинения и согласие с ним в полном объеме; заявление такого ходатайства в присутствии защитника добровольно и после консультации с ним в период, установленный частью 2 статьи 315 УПК РФ; осознание обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства; обвинение лица в совершении преступления небольшой и (или) средней тяжести; отсутствие возражений у государственного или частного обвинителя и потерпевшего против рассмотрения уголовного дела в особом порядке; обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами (часть 7 статьи 316 УПК РФ); отсутствие оснований для прекращения уголовного дела.»;

3) второе предложение абзаца второго пункта 3 исключить;

4) пункты 5 и 6 исключить;

5) абзац первый пункта 9 изложить в следующей редакции:

«9. При назначении рассмотрения уголовного дела в особом порядке, включая принятие такого решения по результатам предварительного слушания, необходимо соблюдать установленное частью 4 статьи 231 УПК РФ требование об извещении сторон о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала.»;

6) в пункте 10:

а) в абзаце первом слова «со статьей 316 УК РФ» заменить словами «с частью 5 статьи 316 УПК РФ»;

б) абзац второй изложить в следующей редакции:

«Исследование указанных обстоятельств может проводиться всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами, в том числе путем оглашения имеющихся в деле и дополнительно представленных сторонами материалов, а также допросов свидетелей по этим обстоятельствам.»;

7) абзац второй пункта 11 исключить;

8) дополнить пунктами 11.1–11.4 следующего содержания:

«11.1. Суд в ходе рассмотрения уголовного дела в особом порядке проверяет, соблюдены ли условия постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, в том числе предусмотренное частью 1 статьи 314 УПК РФ условие о согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

По смыслу пункта 22 статьи 5, пунктов 4, 5 части 2 статьи 171 и части 1 статьи 220 УПК РФ применительно к особому порядку судебного разбирательства под обвинением, с которым соглашается обвиняемый, заявляя ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, следует понимать фактические обстоятельства содеянного обвиняемым, форму вины, мотивы совершения деяния, юридическую оценку содеянного, а также характер и размер причиненного вреда.

Если подсудимый ранее оспаривал обвинение либо воспользовался правом на отказ от дачи показаний, то суду при выяснении вопросов, указанных в части 4 статьи 316 УПК РФ, следует уточнить его позицию и убедиться в том, что подсудимый действительно согласен с обвинением.

11.2. В силу пункта 3 части 2 статьи 314 УПК РФ суд обязан удостовериться, что у государственного обвинителя (прокурора), частного обвинителя и (или) потерпевшего, если он участвует в деле, не имеется возражений против заявленного обвиняемым ходатайства. При этом следует учитывать, что несогласие с ходатайством обвиняемого, выраженное хотя бы одним из названных лиц, независимо от мотивов возражений является основанием для проведения судебного разбирательства в общем порядке.

11.3. В случае, когда до удаления в совещательную комнату для постановления приговора будут выявлены какие-либо обстоятельства, препятствующие принятию судебного решения в особом порядке, судья на основании части 6 статьи 316 УПК РФ выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства, назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке и о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами. Такое постановление выно-

сится судьей по правилам части 2 статьи 256 УПК РФ, не предусматривающим для этого обязательного удаления суда в совещательную комнату и изложения принятого решения в виде отдельного процессуального документа.

При этом возвращая к стадии назначения судебного заседания с вынесением постановления в соответствии со статьей 231 УПК РФ, а также повторного проведения выполненных в ходе судебного производства следственных и иных процессуальных действий не требуется.

Суд, переходя к общему порядку судебного разбирательства, обеспечивает сторонам возможность дополнительной подготовки к судебному заседанию и с этой целью, с учетом мнения сторон, объявляет перерыв в судебном заседании либо выносит постановление о его отложении на определенный срок.

11.4. Судам необходимо иметь в виду, что рассмотрение уголовного дела в особом порядке не освобождает суд от обязанности исследовать вопросы, касающиеся гражданского иска, и принять по нему решение. В частности, суд при постановлении обвинительного приговора вправе удовлетворить гражданский иск, если его требования вытекают из обвинения, с которым согласился обвиняемый, и не имеется препятствий для разрешения его судом по существу. При наличии соответствующих оснований гражданский иск может быть оставлен без рассмотрения, производство по нему прекращено, в его удовлетворении может быть отказано либо по иску принято решение о передаче его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Вопросы, указанные в пунктах 10.1–12 части 1 статьи 299 УПК РФ, в приговоре или постановлении о прекращении уголовного дела (часть 9.1 статьи 316 УПК РФ) разрешаются судом с учетом положений части 5 статьи 316 УПК РФ на основании материалов уголовного дела с указанием мотивов принятого решения. При необходимости в целях уточнения обстоятельств, значимых для разрешения указанных вопросов, суд оглашает имеющиеся в деле и дополнительно представленные сторонами материалы.»;

9) пункт 12 исключить;

10) дополнить пунктом 12.1 следующего содержания:

«12.1. С учетом особенностей судопроизводства, осуществляемого в соответствии с нормами главы 40 УПК РФ, в описательно-мотивировочной части приговора или постановления о прекращении уголовного дела необходимо отразить, что суд удостоверился в соблюдении установленных законом условий.

В частности, следует указать, что обвинение обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами, а подсудимый понимает существо предъявленного ему обвинения и соглашается с ним в полном объеме; он своевременно, добровольно и в присутствии защитника заявил ходатайство об особом порядке, осознает характер и последствия заявленного им ходатайства; государственным или частным обвинителем и потерпевшим не высказано возражений против рассмотрения дела в особом порядке.

Изменение обвинения в части квалификации содеянного, которое допускается, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются, должно быть мотивированно.»;

11) пункт 15 изложить в следующей редакции:

«15. Согласно статье 317 УПК РФ судебные решения, принятые без проведения судебного разбирательства в общем порядке, не могут быть обжалованы сторонами в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Поэ-

тому производство по таким жалобам при отсутствии иных доводов и оснований для пересмотра судебных решений по делу в судах апелляционной и кассационной инстанций подлежит прекращению.

Вместе с тем, если в апелляционных (кассационных) жалобах, представлениях содержатся данные, указывающие на существенное нарушение уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона либо на несправедливость приговора, судебные решения, принятые в особом порядке, могут быть отменены или изменены, если при этом не изменяются фактические обстоятельства дела (например, в связи с изменением уголовного закона, неправильной квалификацией преступного деяния судом первой инстанции, истечением сроков давности, амнистией и т.п.).

Для решения вопроса о законности приговора или постановления о прекращении уголовного дела, вынесенных в особом порядке, наряду с доводами апелляционных (кассационных) жалоб, представлений суд проверяет, соблюдены ли условия принятия судебного решения без проведения судебного разбирательства в общем порядке, в том числе установленное в части 7 статьи 316 УПК РФ требование, обязывающее суд убедиться в обоснованности обвинения.»;

12) дополнить пунктом 16.1 следующего содержания:

«16.1. Суд при повторном рассмотрении дела, в том числе в общем порядке судебного разбирательства, не вправе назначить осужденному более строгое наказание в тех случаях, когда приговор, постановленный по правилам главы 40 УПК РФ, отменен судом вышестоящей инстанции по основаниям, не связанным с ухудшением положения осужденного.»;

13) пункт 17.1 исключить.

2. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»:

1) преамбулу изложить в следующей редакции: «В связи с вопросами, возникающими у судов при применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство судебной экспертизы по уголовным делам, и в целях обеспечения единства судебной практики Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать судам следующие разъяснения.»;

2) второе предложение пункта 1 изложить в следующей редакции:

«Если же проведение исследования не требуется, то возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста в порядке, предусмотренном частями 3 и 4 статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).»;

3) абзац второй пункта 2 изложить в следующей редакции:

«Государственными судебно-экспертными учреждениями являются специализированные учреждения уполномоченных федеральных государственных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданные для организации и производства судебной экспертизы. Кроме того, организация и производство судебной экспертизы могут осуществляться экспертными подразделениями федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по

организации и (или) производству экспертизы в целях осуществления судопроизводства в Российской Федерации (статья 11 Федерального закона “О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации”).»;

4) в пункте 4:

а) абзац первый изложить в следующей редакции:

«4. Судам следует иметь в виду, что вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний.»;

б) дополнить абзацами третьим и четвертым следующего содержания:

«Перед экспертом не могут быть также поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи, поскольку в соответствии со статьей 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Полученное в суде, а также в ходе досудебного производства по уголовному делу заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о достоверности показаний допрошенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу.»;

5) в пункте 5:

а) в абзаце первом слова «вуза,» заменить словами «образовательной или»;

б) в абзаце втором слово «экспертным» заменить словом «судебно-экспертным»;

б) пункт 10 изложить в следующей редакции:

«10. В описательной части судебного решения о помещении подозреваемого или обвиняемого в соответствующую медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для стационарного обследования при производстве судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы на основании статьи 203 УПК РФ следует обосновать такое решение, а в резолютивной части указать, в какую именно медицинскую организацию лицо направляется для обследования.»;

7) пункт 11 изложить в следующей редакции:

«11. Согласно положениям статьи 30 Федерального закона “О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации” лицо может быть помещено в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы на срок до 30 дней. В случае необходимости по мотивированному ходатайству эксперта или комиссии экспертов срок пребывания лица в указанной медицинской организации может быть продлен постановлением судьи районного суда по месту ее нахождения еще на 30 дней.

Ходатайство эксперта или комиссии экспертов о продлении срока пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, должно быть представлено в районный суд по месту нахождения указанной организации не позднее чем за три дня до истечения 30-дневного срока. Такое ходатайство подлежит рассмотрению по правилам статьи 165 УПК РФ.

Лицу, в отношении которого решается вопрос о помещении в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы либо о продлении срока его пребывания в такой организации, следует обеспечить возможность участия в судебном заседании и реализации предусмотренных уголовно-процессуальным законом прав, за исключением случаев, когда физическое и (или) психическое состояние не позволяет ему предстать перед судом.

В течение трех дней со дня получения ходатайства о продлении срока пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, судье следует вынести постановление и уведомить эксперта или комиссию экспертов о принятом решении. В случае отказа в продлении срока пребывания лица в этой медицинской организации, оно подлежит выписке из него.

В исключительных случаях в том же порядке возможно повторное продление срока пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, общий срок которого при производстве одной судебной экспертизы не может превышать 90 дней.

Руководитель медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, должен известить лицо, находящееся в указанной медицинской организации, а также орган или лицо, назначившие судебную экспертизу, о заявленном ходатайстве и вынесенном судьей решении.»;

8) абзац первый пункта 15 изложить в следующей редакции:

«15. Согласно части 2 статьи 207 и части 4 статьи 283 УПК РФ при возникновении сомнений в обоснованности заключения эксперта или при наличии в выводах экспертов по тем же вопросам противоречий, которые невозможно преодолеть в судебном разбирательстве путем допроса экспертов, может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту.»;

9) в пункте 19:

а) абзац второй исключить;

б) абзацы третий и четвертый считать абзацами вторым и третьим;

10) пункты 20–23 исключить;

11) пункт 24 изложить в следующей редакции:

«24. При рассмотрении уголовного дела по апелляционному жалобе, представлению суд апелляционной инстанции в целях проверки доказательств (части 6 и 6.1 статьи 389.13 УПК РФ) вправе по ходатайству сторон или по собственной инициативе вызвать и допросить эксперта для разъяснения или дополнения данного им заключения, назначить судебную экспертизу, в том числе дополнительную и повторную.».

3. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»:

1) преамбулу изложить в следующей редакции:

«В связи с возникшими у судов вопросами по применению норм главы 40.1 УПК РФ, регламентирующих особый порядок судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, и в целях обеспечения единства судебной практики Пленум Верховного Суда Российской

Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать судам следующие разъяснения:»;

2) в абзаце втором пункта 8 слова «документов и» заменить словами «документов, содержащих в том числе сведения о разъяснении последствий, предусмотренных частью 2.1 статьи 317.3 УПК РФ, а также»;

3) дополнить пунктом 9.1 следующего содержания:

«9.1. При проверке соблюдения условия, указанного в пункте 1 части 2 статьи 317.6 УПК РФ, суду следует иметь в виду, что прокурор, государственный обвинитель вправе подтвердить активное содействие обвиняемого следствию в изобличении и уголовном преследовании не только других соучастников преступления, в котором обвиняется это лицо, но и участников иного преступления, совершенного без участия подсудимого (пункт 3 части 1 статьи 317.5, пункт 3 части 4 статьи 317.7 УПК РФ).»;

4) пункт 15 дополнить абзацем вторым следующего содержания:

«Отсутствие в досудебном соглашении о сотрудничестве указания на все преступления, в которых обвиняется подсудимый, не является основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке, установленном статьей 237 УПК РФ, при условии согласия подсудимого с обвинением в полном объеме.»;

5) в пункте 16:

а) дополнить абзацем третьим следующего содержания:

«При исследовании характера и пределов содействия подсудимого следствию (пункт 1 части 4 статьи 317.7 УПК РФ) следует иметь в виду, что такое содействие может выражаться, в частности, в даче показаний об обстоятельствах совершенного преступления и о соучастниках преступления с указанием их роли; сообщении о других преступлениях, в том числе совершенных с участием иных лиц; указании очевидцев преступления, мест уничтожения или хранения орудий преступления, сокрытия трупа, похищенного имущества; выдаче предметов и документов, представлении аудио-, видеозаписи сведений, имеющих значение для дела; участии в проведении оперативно-розыскных мероприятий.»;

б) абзац третий считать абзацем четвертым;

в) в абзаце четвертом слово «исследования» заменить словом «оглашения»;

б) дополнить пунктом 16.1 следующего содержания:

«16.1. Проведение судебного разбирательства в особом порядке, когда с обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не освобождает суд от обязанности исследовать вопросы, касающиеся гражданского иска, и принять по нему решение.

В частности, суд при постановлении обвинительного приговора вправе удовлетворить гражданский иск, если его требования вытекают из обвинения, с которым согласился обвиняемый, и не имеется препятствий для разрешения его судом по существу. При наличии соответствующих оснований гражданский иск может быть оставлен без рассмотрения, производство по нему прекращено, в его удовлетворении может быть отказано либо по иску принято решение о передаче его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Вопросы, указанные в пунктах 10.1–12 части 1 статьи 299 УПК РФ, разрешаются судом на основании материалов уголовного дела с указанием в приговоре мотивов принятого решения. При необходимости в целях уточнения обстоятельств, значимых для разрешения указанных вопросов, суд оглашает имеющиеся в деле и дополнительно представленные сторонами материалы.»;

7) пункт 19 изложить в следующей редакции:

«19. По смыслу статьи 63.1 УК РФ, части 4 статьи 317.6 и части 5 статьи 317.7 УПК РФ, если установлено, что подсудимым были представлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора иные существенные обстоятельства совершения преступления либо его содействие следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности или подсудимым не соблюдены все условия и не выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, суд выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства, назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке и вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами. Такое постановление выносится судом по правилам части 2 статьи 256 УПК РФ, не предусматривающим для этого обязательного удаления суда в совещательную комнату и изложения принятого решения в виде отдельного процессуального документа.

При этом возвращение к стадии назначения судебного заседания и вынесения постановления в соответствии со статьей 231 УПК РФ, а также повторного проведения выполненных судом в ходе судебного производства следственных и иных процессуальных действий не требуется.

Суд, переходя к общему порядку судебного разбирательства, обеспечивает сторонам возможность дополнительной подготовки к судебному заседанию и с этой целью, с учетом мнения сторон, объявляет перерыв в судебном заседании либо выносит постановление о его отложении на определенный срок.

В случае принятия решения о прекращении особого порядка судебного разбирательства суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе при наличии к тому оснований вправе возвратить уголовное дело прокурору для соединения уголовных дел.»;

8) пункт 20 исключить;

9) дополнить пунктом 22.1 следующего содержания:

«22.1. Обвинительный приговор должен содержать выводы суда о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве.

В приговоре, в частности, указывается, что обвинение обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами, а подсудимый понимает существо предъявленного ему обвинения и соглашается с ним в полном объеме; досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено им добровольно и при участии защитника; какое содействие следствию им оказано, в чем именно оно выразилось; приводятся результаты проведенного в судебном заседании исследования обстоятельств, указанных в части 4 статьи 317.7 УПК РФ.»;

10) пункт 27 дополнить предложением «Поэтому при отсутствии иных доводов и оснований для пересмотра судебных решений по делу в судах апелляционной и кассационной инстанций производство по таким жалобам подлежит прекращению.».

4. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»:

1) пункт 1 дополнить абзацем пятым следующего содержания:

«С учетом того, что ходатайство Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является самостоятельным поводом для проверки судом кассационной инстанции вступившего в законную силу судебного решения, такое ходатайство подается и подлежит рассмотрению в те же сроки и в том же порядке, что и кассационные жалоба, представление.»;

2) дополнить пунктом 1.1 следующего содержания:

«1.1. По смыслу взаимосвязанных положений частей 2.1 и 2.2 статьи 401.2 УПК РФ и части 1.1 статьи 15 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” с представлением о пересмотре вступившего в законную силу судебного решения, вынесенного верховным судом республики, краевым или областным судом, судом города федерального значения, судом автономной области, судом автономного округа в апелляционном порядке, а также вступивших в законную силу судебных решений, вынесенных нижестоящими судами, вправе в пределах своей компетенции обратиться транспортный и иной специализированный прокурор, приравненный к прокурору субъекта Российской Федерации.»;

3) в абзаце третьем пункта 6 после слов «статьи 389.8 УПК РФ» дополнить словами «после истечения установленного частью 4 статьи 401.3 УПК РФ срока кассационного обжалования вступившего в законную силу итогового судебного решения, а равно»;

4) в пункте 9:

а) дополнить абзацем седьмым следующего содержания:

«В случае пропуска лицом, подавшим кассационную жалобу, представление, установленного частью 4 статьи 401.3 УПК РФ шестимесячного срока судья суда первой инстанции на основании пункта 3 части 1 статьи 401.5 УПК РФ возвращает их заявителю с разъяснением порядка восстановления срока кассационного обжалования, установленного частью 5 статьи 401.3 УПК РФ, а также права на подачу кассационных жалобы, представления в порядке выборочной кассации.»;

б) абзацы седьмой и восьмой считать абзацами восьмым и девятым;

в) в первом предложении абзаца восьмого после слова «заседании,» дополнить словами «с разъяснением установленного частью 2 статьи 401.13 УПК РФ порядка заявления ходатайства об этом», слово «получен» заменить словом «заявлен»;

5) в пункте 20:

а) дополнить абзацем четвертым следующего содержания:

«С учетом положений статьи 401.16 УПК РФ суд кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела может смягчить назначенное осужденному наказание или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении, но не вправе усилить наказание или применить закон о более тяжком преступлении. При наличии оснований для поворота к худшему судебное решение подлежит отмене с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство соответственно в суд первой или апелляционной инстанции либо с возвращением уголовного дела прокурору.»;

б) абзац четвертый считать абзацем пятым;

б) третье предложение абзаца первого пункта 25 изложить в следующей редакции: «В случае применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, домашнего ареста или запрета определенных действий с установлением запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает, суд кассационной инстанции обязан указать конкретный срок действия этой меры.».

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дополнить пунктами 25.1–25.4 следующего содержания:

«25.1. Тайное изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств, например, если безналичные расчеты или снятие наличных денежных средств через банкомат были осуществлены с использованием чужой или поддельной платежной карты, надлежит квалифицировать как кражу по признаку “с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств”.

По пункту “г” части 3 статьи 158 УК РФ квалифицируются действия лица и в том случае, когда оно тайно похитило денежные средства с банковского счета или электронные денежные средства, использовав необходимую для получения доступа к ним конфиденциальную информацию владельца денежных средств (например, персональные данные владельца, данные платежной карты, контрольную информацию, пароли).

25.2. Кражу, ответственность за которую предусмотрена пунктом “г” части 3 статьи 158 УК РФ, следует считать оконченной с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Местом окончания такой кражи является место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета.

25.3. Территориальную подсудность уголовного дела о краже денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств судам следует определять с учетом места совершения преступления, а также других указанных в законе обстоятельств (части 1–3 и 5.1 статьи 32 УПК РФ). Если не все участники производства по такому делу проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция суда, и все обвиняемые согласны на изменение территориальной подсудности данного уголовного дела, а также в иных случаях, указанных в части 4 статьи 32 и в статье 35 УПК РФ, территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена.

25.4. Обратить внимание судов на то, что при правовой оценке действий лица, совершившего хищение, судам следует учитывать положения части 2 статьи 14 УК РФ, согласно которой не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

При решении вопроса о том, является ли малозначительным деяние, например кража, формально содержащая квалифицирующие признаки состава данного преступления, судам необходимо учитывать совокупность таких обстоятельств, как степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния, и др.».

6. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»:

1) пункт 5 дополнить абзацем третьим следующего содержания:

«Местом окончания мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, является место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета.»;

2) дополнить пунктом 5.1 следующего содержания:

«5.1. Территориальную подсудность уголовного дела о мошенничестве, предметом которого являются безналичные денежные средства, судам следует определять с учетом места совершения преступления, а также других указанных в законе обстоятельств (части 1–3 и 5.1 статьи 32 УПК РФ). Если не все участники производства по такому делу проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция суда, и все обвиняемые согласны на изменение территориальной подсудности данного уголовного дела, а также в иных случаях, указанных в части 4 статьи 32 и в статье 35 УПК РФ, территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена.»;

3) абзацы первый и второй пункта 17 исключить;

4) абзац первый пункта 32 изложить в следующей редакции:

«32. Вопрос о наличии в действиях виновных квалифицирующего признака совершения мошенничества, присвоения или растраты в крупном или особо крупном размере должен решаться в соответствии с пунктом 4 примечаний к статье 158 УК РФ для целей частей 3 и 4 статьи 159, частей 3 и 4 статьи 159.2, частей 3 и 4 статьи 159.3, частей 3 и 4 статьи 159.6, частей 3 и 4 статьи 160 УК РФ, в соответствии с пунктами 2 и 3 примечаний к статье 159 УК РФ для целей частей 6 и 7 статьи 159 УК РФ и в соответствии с примечанием к статье 159.1 УК РФ для целей частей 3 и 4 статьи 159.1, частей 3 и 4 статьи 159.5 УК РФ.».

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 29 июня 2021 г. № 21

о некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)

В целях обеспечения единообразного применения судами законодательства об уголовной ответственности за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, предусмотренные статьями 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. Обратить внимание судов на необходимость при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также – УК РФ), учитывать положения законодательства Российской Федерации, регламентирующего порядок деятельности коммерческих или иных организаций, в том числе при выполнении государственного оборонного заказа, полномочия лиц, выполняющих управленческие функции в таких организациях, а также порядок осуществления аудиторской, нотариальной, частной детективной и охранной деятельности, полномочия частных аудиторов, нотариусов, занимающихся частной практикой, частных детективов или работников частных охранных организаций, имеющих удостоверение частного охранника, содержащиеся, в частности, в Гражданском кодексе Российской Федерации, Федеральных законах от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», от 30 декабря 2008 года № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», Законе Российской Федерации от 11 марта 1992 года № 2487–1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», Основах законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных 11 февраля 1993 года № 4462–1, а также в принятых в их развитие нормативных правовых актах Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

2. Под злоупотреблением полномочиями (статья 201 УК РФ) и злоупотреблением полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (статья 201.1 УК РФ) следует понимать совершение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением им своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили законным интересам данной коммерческой или иной организации, а также тем целям и задачам, для достижения которых это лицо было наделено соответствующими полномочиями.

В частности, как злоупотребление полномочиями должны квалифицироваться деяния лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, которое в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам совершает входящие в круг его полномочий действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения (например, принимает на работу лиц, которые фактически трудовые обязанности не исполняют, освобождает работников организации от исполнения трудовых обязанностей с направлением для ремонта квартиры, обустройства домовладения, принадлежащих самому лицу либо его родственникам и знакомым, совершает сделку в отсутствие необходимого для этого согласия или последующего одобрения коллегиального органа управления организации), если эти деяния повлекли общественно опасные последствия, предусмотренные статьей 201 УК РФ.

Злоупотреблением полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа признаются, например, действия лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, которое в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц осуществляет нецелевое расходование денежных средств, выделенных для реализации государственного оборонного заказа, если это повлекло общественно опасные последствия, предусмотренные статьей 201.1 УК РФ.

3. Злоупотребление полномочиями частным нотариусом или аудитором (статья 202 УК РФ) заключается в совершении таким лицом деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением им своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили задачам нотариальной или аудиторской деятельности, определенным в Основах законодательства о нотариате, утвержденных 11 февраля 1993 года № 4462–1 (далее – Основы законодательства о нотариате), или в Федеральном законе от 30 декабря 2008 года № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», а также тем целям и задачам, для достижения которых это лицо было наделено соответствующими полномочиями (например, удостоверение частным нотариусом в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо с целью нанесения вреда другим лицам сделки по отчуждению недвижимого имущества, если умыслом нотариуса охватывалось, что условия такой сделки не соответствуют выраженной воле ее участников или что участник сделки не осознает ее правовых последствий; направление нотариусом информационного запроса не в связи с совершением нотариального действия, а с целью передачи сведений третьим лицам; представление аудитором заведомо ложного аудиторского заключения), если эти деяния повлекли общественно опасные последствия, предусмотренные статьей 202 УК РФ.

При установлении несоответствия деяния, совершенного частным нотариусом, целям и задачам нотариальной деятельности следует также учитывать положения принятых в развитие Основ законодательства о нотариате подзаконных нормативных актов Федеральной нотариальной палаты и Министерства юстиции Российской Федерации, регламентирующих порядок осуществления нотариальной деятельности, в том числе устанавливающих правила совершения нотариальных действий.

4. При рассмотрении уголовных дел о злоупотреблении полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (статья 201.1 УК РФ) судам следует учитывать, что данное преступление совершается в ходе выполнения такого заказа коммерческой или иной организацией (за исключением коммерческих и иных организаций, указанных

в пункте 1 примечаний к статье 285 УК РФ), являющейся головным исполнителем или исполнителем, входящим в кооперацию головного исполнителя. При этом в состав государственного оборонного заказа могут включаться научно-исследовательские, опытно-конструкторские или иные работы (например, по созданию, модернизации вооружения, военной и специальной техники, утилизации и уничтожению выводимых из эксплуатации вооружения, военной и специальной техники, по уничтожению химического оружия, по строительству, реконструкции, техническому перевооружению объектов, предназначенных для нужд обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации), осуществление поставок определенных предметов для федеральных нужд (например, вооружения, военной и специальной техники, сырья, материалов и комплектующих изделий, военного имущества, продовольственных и непродовольственных товаров), а равно поставок продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации, иных поставок продукции в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации (часть 2 статьи 4 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – Федеральный закон «О государственном оборонном заказе»)).

5. Обратить внимание судов на то, что обязательным признаком объективной стороны злоупотребления полномочиями (статья 201 УК РФ) и злоупотребления полномочиями частными нотариусами и аудиторами (статья 202 УК РФ) является причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, а в случае злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (статья 201.1 УК РФ) – причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества или государства в данной сфере, в том числе обороноспособности и безопасности страны.

6. При разрешении вопроса о наличии последствий злоупотребления полномочиями в виде существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций применительно к статье 201 УК РФ необходимо учитывать, в частности, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда, степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации (например, когда деяние повлекло приостановку деятельности организации, подорвало ее деловую репутацию), характер и размер понесенного ею материального ущерба. Вред, причиненный правам и законным интересам гражданина, может также признаваться существенным в зависимости от характера этих прав и интересов (в случаях, когда злоупотребление полномочиями повлекло нарушение его конституционных прав, и т. п.).

7. Признавая вред, причиненный правам и законным интересам граждан или организаций в результате злоупотребления полномочиями частными нотариусами или аудиторами (статья 202 УК РФ), существенным, суд должен исходить из значимости нарушенного права и законного интереса для конкретного потерпевшего, размера причиненного ему имущественного вреда (например, прекращение прав на имущество в результате удостоверения сделки, не соответствующей закону, а равно в отсутствие одной из сторон сделки или необходимых документов, утрата наследником права на наследство в результате выдачи нотариусом свидетельства о праве на наследство заведомо ненадлежащему лицу).

8. Причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества или государства в результате злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (статья 201.1 УК РФ) выражается, в частности, в значительных расходах, связанных с устранением дефектов, допущенных исполнителем государственного оборонного заказа при выполнении строительных, ремонтных или иных работ либо при изготовлении и поставке продукции низкого качества, в переносе военных учений или иных мероприятий военного характера, обусловленных нарушением сроков осуществления поставок вооружения, военного или иного имущества.

С учетом того, что Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) предусмотрена, в частности, ответственность должностного лица за нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа (статья 14.55 КоАП РФ), ликвидацию или репрофилирование головным исполнителем без согласования с государственным заказчиком производственных мощностей, обеспечивающих поставки продукции по государственному оборонному заказу (статья 14.55.1 КоАП РФ), и действия (бездействие) головного исполнителя, исполнителя, которые приводят или могут привести к необоснованному завышению цены продукции по государственному оборонному заказу, неисполнению либо ненадлежащему исполнению государственного контракта по государственному оборонному заказу (статья 14.55.2 КоАП РФ), судам следует отграничивать деяния, предусмотренные частью 1 или частью 2 статьи 201.1 УК РФ, от указанных административных правонарушений.

Если лицо, осуществляющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, злоупотребляя полномочиями, допустило такие нарушения при выполнении государственного оборонного заказа, но при этом не стремилось извлечь выгоды и преимущества для себя или других лиц, и (или) совершенное деяние не повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества либо государства, то данные деяния не образуют состава преступления, предусмотренного статьей 201.1 УК РФ.

9. Ответственность по статье 203 УК РФ за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника (далее – частный охранник), при выполнении им своих должностных обязанностей наступает в случае совершения указанным лицом умышленных действий, выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом частный детектив или частный охранник осознавал, что действует за пределами возложенных на него полномочий.

Превышение полномочий может выражаться, например, в совершении частным детективом или частным охранником при исполнении своих обязанностей действий, которые:

относятся к полномочиям должностного лица правоохранительного или иного органа власти (например, осуществление частным детективом оперативно-розыскных действий, отнесенных законом к исключительной компетенции органов, которым такое право предоставлено, либо проведение частным охранником личного досмотра гражданина);

могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение частным охранником огнестрельного оружия в отношении несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен частному охраннику, если они не оказывали вооруженного сопротивления, не совершали вооруженного либо группового нападения, угрожающего жизни частного охранника или охраняемому имуществу);

никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать (например, применение частным охранником пыток к задержанному лицу).

10. Под существенным нарушением прав граждан и (или) организаций в результате совершения деяний, ответственность за которые предусмотрена статьей 203 УК РФ, понимается нарушение частным детективом или частным охранником прав физических и (или) юридических лиц, гарантированных Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, федеральными законами (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и др.).

11. При разрешении вопроса о том, является ли лицо субъектом преступлений, предусмотренных статьями 201, 201.1 УК РФ, необходимо исходить из положений пункта 1 примечаний к статье 201 УК РФ, согласно которым уголовную ответственность за совершение этих преступлений несут лица, выполняющие управленческие функции:

в коммерческой организации (пункт 2 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ), например в акционерном обществе, обществе с ограниченной ответственностью, хозяйственном партнерстве, производственном кооперативе, за исключением коммерческих организаций, указанных в пункте 1 примечаний к статье 285 УК РФ;

в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным и муниципальным учреждением и иной некоммерческой организацией, указанными в пункте 1 примечаний к статье 285 УК РФ, например в потребительском кооперативе, общественной организации, товариществе собственников недвижимости (пункт 3 статьи 50 ГК РФ, Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»).

С учетом положений Федерального закона «О государственном оборонном заказе» субъектами злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (статья 201.1 УК РФ) признаются лица, выполняющие управленческие функции в указанной коммерческой или некоммерческой организации, которая является головным исполнителем, заключившим с государственным заказчиком государственный контракт по государственному оборонному заказу, либо исполнителем, входящим в кооперацию головного исполнителя, участвующим в выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских или иных работ, осуществлении поставок определенных предметов для федеральных нужд либо в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации и заключившим контракт (договор) с головным исполнителем или исполнителем по такому заказу.

12. Субъектами преступлений, предусмотренных статьей 202 УК РФ, являются нотариус, занимающийся частной практикой (частный нотариус), лицо, замещающее временно отсутствующего частного нотариуса, и аудитор, осуществляющий аудитор-

скую деятельность индивидуально или участвующий в ее осуществлении в качестве работника аудиторской организации (частный аудитор).

Частным детективом как субъектом преступления, предусмотренного статьей 203 УК РФ, признается лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя и действующее на основании лицензии, удостоверяющей его право осуществлять частную детективную (сыскную) деятельность, включающую сбор сведений по гражданским и уголовным делам на договорной основе с участниками процесса, поиск без вести пропавших граждан и оказание иных услуг, предусмотренных частью 2 статьи 3 Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 года № 2487–1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»).

13. Ответственность за преступления, предусмотренные статьями 201, 201.1, 202, 203 УК РФ, не исключается и в тех случаях, когда лица, их совершившие, были приняты на работу или приобрели определенный статус с нарушением требований или ограничений, например, когда лицо получило квалификационный аттестат аудитора или сдало квалификационный экзамен для занятия нотариальной деятельностью либо получило лицензию на осуществление частной детективной (сыскной) деятельности или удостоверение частного охранника при отсутствии документа, подтверждающего получение необходимого образования (прохождение профессионального обучения), без требуемого стажа работы, при наличии судимости и т. п.

14. К обязательным признакам субъективной стороны составов злоупотребления полномочиями, злоупотребления полномочиями частными нотариусами и аудиторами, злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, наряду с умыслом, относятся также цели извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц (статьи 201, 201.1, 202 УК РФ), нанесения вреда другим лицам (статьи 201, 202 УК РФ), например причинения им нравственных страданий, создания препятствия для реализации ими своих конституционных прав.

При этом под целью извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц следует понимать:

стремление виновного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоды имущественного характера, не связанные с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение кредита либо льготных условий кредитования, освобождение от имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.),

либо стремление получить выгоды неимущественного характера или преимущества, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение в организации, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.

Суд, устанавливая цели извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан тщательно выяснить все фактические обстоятельства дела и привести в описательно-мотивировочной части приговора доказательства, послужившие основанием для вывода о совершении деяния с соответствующей целью.

Превышение частным детективом или частным охранником своих полномочий, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, квалифицируется по статье 203 УК РФ независимо от мотива или цели совершения ими данного преступления.

15. Под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного частью 2 статьи 201 УК РФ, следует понимать, в частности, причинение значимого для организации материального ущерба, влекущего прекращение ее деятельности или доведение организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся кредитным обязательствам.

16. При отграничении превышения полномочий частным охранником, совершенного с применением насилия, использованием оружия или специальных средств (например, резиновой палки, наручников), от правомерных действий данного лица судам следует учитывать основания, условия и пределы применения физической силы, оружия или специальных средств, определенные в Законе «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», а также условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне, крайней необходимости или задержании лица, совершившего преступление.

Положения статей 37 и 38 УК РФ распространяются на частных охранников, которые в связи с исполнением своих обязанностей могут принимать участие в пресечении общественно опасных посягательств или в задержании лица, совершившего преступление. При этом, если в результате превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, частный охранник совершит убийство или умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, содеянное им при наличии соответствующих признаков подлежит квалификации по статье 108 или по статье 114 УК РФ.

17. По смыслу уголовного закона превышение полномочий частным детективом или частным охранником, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием оружия или специальных средств, не повлекшее тяжкие последствия, охватывается частью 1 статьи 203 УК РФ. Если при этом виновное лицо умышленно причинило потерпевшему средней тяжести вред здоровью, содеянное следует дополнительно квалифицировать по соответствующей части статьи 112 УК РФ.

Ответственность по части 2 статьи 203 УК РФ наступает только при условии, что превышение полномочий частным детективом или частным охранником повлекло тяжкие последствия, заключающиеся, в частности, в причинении потерпевшему смерти по неосторожности. В случаях, когда превышение полномочий частным детективом или частным охранником было сопряжено с убийством или умышленным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 203 УК РФ и соответствующей статьей главы 16 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Под угрозой применения насилия в статье 203 УК РФ следует понимать высказывания или иные действия частного детектива или частного охранника, свидетельствующие о его намерении применить к потерпевшему любое физическое насилие, когда такая угроза воспринималась потерпевшим как реальная.

18. В отличие от хищения чужого имущества с использованием служебного положения злоупотребление полномочиями или злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, совершенные с целью извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, образуют такие деяния лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества (например, получение имущественной выгоды от использования имущества не по назначению), либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества.

Если использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается частью 3 статьи 159 УК РФ или частью 3 статьи 160 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 201 или статье 201.1 УК РФ не требует.

В тех случаях, когда лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, используя свои полномочия, наряду с хищением чужого имущества, совершило другие незаконные действия, связанные со злоупотреблением полномочиями с целью извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, содеянное им надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений.

19. Разрешая уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 201, 201.1, 202, 203 УК РФ, суды должны выяснять, какими нормативными правовыми актами, а также иными документами установлены права и обязанности (служебные полномочия) обвиняемого лица, с приведением их в приговоре, и указывать, злоупотребление какими из этих прав и обязанностей или превышение каких из них вменяется ему в вину, со ссылкой на конкретные нормы (пункт, часть, статью). Кроме того, судам надлежит, наряду с другими обстоятельствами дела, отражать в приговоре, какие именно права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества или государства были нарушены и находится ли причиненный этим правам и интересам вред в причинной связи с допущенным лицом нарушением своих полномочий.

20. При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьями 201, 202, 203 УК РФ, судам следует проверять соблюдение требований статьи 23 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), согласно которым уголовное преследование за такие преступления, причинившие вред исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования, может осуществляться лишь по заявлению либо с согласия руководителя данной организации.

С учетом того, что в соответствии с частью 1 статьи 201.1 УК РФ общественно опасные последствия противоправных действий лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, при выполнении государственного оборонного заказа заключаются в причинении существенного вреда только охраняемым законом интересам общества или государства, уголовное преследование лица, совершившего преступление, предусмотренное статьей 201.1 УК РФ, осуществляется на общих основаниях, то есть без ограничений, установленных статьей 23 УПК РФ.

21. Обратить внимание судов на необходимость исполнять требования закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания лицам, совершившим преступления, предусмотренные статьями 201, 201.1, 202, 203 УК РФ, учитывая при оценке степени общественной опасности содеянного содержание мотивов и целей, значимость обязанностей, которые были нарушены, продолжительность преступных действий (бездействия), характер и тяжесть причиненного вреда, количество потерпевших, наличие вреда охраняемым законом интересам государства, другие фактические обстоятельства и данные о личности виновного.

22. При наличии условий, указанных в части 3 статьи 47 УК РФ, судам следует обсуждать вопрос о необходимости назначения лицу, виновному в совершении преступления, предусмотренного статьями 201, 201.1, 202, 203 УК РФ, дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, имея в виду, что такой вид наказания может быть назначен независимо от того, предусмотрен ли он санкцией уголовного закона, по которому квалифицированы действия осужденного.

23. Рекомендовать судам при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 201, 201.1, 202, 203 УК РФ, выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению данных преступлений, нарушению прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве предварительного расследования или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, и в соответствии с частью 4 статьи 29 УПК РФ частными определениями (постановлениями) обращать на них внимание соответствующих организаций и должностных лиц.

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

В связи с изменением законодательства, а также имеющимися в судебной практике вопросами принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 23 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

В целях единообразного применения судами положений законодательства о досудебном урегулировании споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства, принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

В целях обеспечения единообразного применения и толкования судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции, принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». Признано утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 года № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в судах апелляционной инстанции принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции». Признано утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 года № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

В связи с вопросами, возникающими в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2021 № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей».

В целях обеспечения единства практики применения судами антимонопольного законодательства принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства».

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ от 24 июня 2021 г. № 1352-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы
гражданина Агафонова Сергея Байрамовича на нарушение его конституционных
прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федера-
ции, а также частями 6 и 7 статьи 2 Федерального закона от 11 октября 2018 года
№ 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской
Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорь-
кина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева,
С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова,
Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы гражданина С.Б. Агафоно-
ва к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации,

установил:

1. В ходе рассмотрения областным судом с участием коллегии присяжных за-
седателей уголовного дела в том числе в отношении гражданина С.Б. Агафонова
председательствующий удалился в совещательную комнату для изучения вопросно-
го листа с внесенными в него ответами присяжных и, вернувшись, указал на невоз-
можность оглашения вердикта ввиду его неясности и противоречивости, предло-
жив коллегии присяжных заседателей возвратиться в совещательную комнату для
устранения недостатков и внесения уточнений в вопросный лист.

Позднее постановлением председательствующего один из присяжных заседа-
телей был отстранен от дальнейшего участия в рассмотрении уголовного дела в связи
с уклонением от явки в судебное заседание без уважительных причин, высказы-
ванием своего мнения по рассматриваемому уголовному делу, нарушением тайны
совещания присяжных по поставленным перед ними вопросам. В данной связи,
поскольку количество выбывших присяжных заседателей превысило количество
запасных, состоявшееся судебное разбирательство признано недействительным,
в результате чего суд приступил к новому отбору присяжных заседателей.

Впоследствии приговором областного суда от 25 января 2019 года, частично из-
мененным апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам
Верховного Суда Российской Федерации от 6 мая 2019 года, С.Б. Агафонов оправ-

дан в совершении ряда преступлений и одновременно признан виновным в совершении ряда других.

В передаче надзорной жалобы в защиту интересов С.Б. Агафонова для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации отказано постановлением судьи этого суда от 19 августа 2019 года, с чем, в свою очередь, согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 11 июня 2020 года).

Кассационная жалоба стороны защиты на вынесенные судебные решения возвращена без рассмотрения письмом судьи областного суда от 25 декабря 2019 года как поданная с нарушением установленных правил подсудности. Последующая жалоба, также поименованная кассационной, возвращена письмом судьи Верховного Суда Российской Федерации от 30 января 2020 года с разъяснением, что вступившие в законную силу приговоры областных судов, вынесенные ими при рассмотрении уголовного дела в первой инстанции – если указанные судебные решения были предметом апелляционного рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации – обжалуются в Президиум Верховного Суда Российской Федерации и рассматриваются в порядке надзора.

Письмом судьи Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2020 года возвращена без рассмотрения очередная жалоба в защиту интересов С.Б. Агафонова. Указано, что ответы заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации не обжалуются самому Председателю этого суда, равно как ответы судей Верховного Суда Российской Федерации не относятся к судебным решениям, подлежащим обжалованию в суд надзорной инстанции.

В данной связи заявитель просит признать не соответствующими статьям 18, 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации следующие законоположения:

части первую и третью статьи 329 «Замена присяжного заседателя запасным», часть четвертую статьи 333 «Права присяжных заседателей» УПК Российской Федерации, как позволяющие председательствующему судье возвратить коллегия присяжных заседателей в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист; затем на стадии технического оформления вердикта произвольно отстранить присяжного заседателя от участия в деле без проверки обстоятельств его тенденциозности и невозможности участия в вынесении вердикта, а впоследствии произвести по собственной инициативе протокольным решением без удаления в совещательную комнату роспуск коллегии присяжных заседателей без выяснения мнения сторон по этому вопросу и без вынесения отдельного постановления в целях возможности его оспаривания;

части 6 и 7 статьи 2 Федерального закона от 11 октября 2018 года № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», часть третью статьи 401.3 «Порядок и сроки подачи кассационных жалобы, представления, порядок восстановления срока кассационного обжалования» и часть третью статьи 412.1 «Пересмотр судебных решений в порядке надзора» УПК Российской Федерации, поскольку данные нормы, по утверждению заявителя, устанавливают необоснованную дифференциацию прав осужденных, исключая возможность обжалования вступившего в законную силу до 1 октября 2019 года приговора областного суда, основанного на вердикте присяжных заседателей, в соответствующий кассационный суд общей юрисдикции в порядке сплошной кассации;

часть третью статьи 412.5 «Рассмотрение надзорных жалобы, представления» УПК Российской Федерации, поскольку данная норма позволяет заместителю Председателя Верховного Суда Российской Федерации возвратить надзорную жалобу с иными, ранее не изучавшимися судом доводами решением в непроцессуальной форме, не предполагая возможности его обжалования Председателю Верховного Суда Российской Федерации.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

2.1. В соответствии с частью четвертой статьи 333 УПК Российской Федерации председательствующий предупреждает присяжных заседателей о том, что в случае нарушения требований, предусмотренных частью второй данной статьи, присяжный заседатель может быть отстранен от дальнейшего участия в рассмотрении уголовного дела по инициативе судьи или по ходатайству сторон. В этом случае отстраненный присяжный заседатель заменяется запасным.

Статьей 329 УПК Российской Федерации предусмотрено, что если в ходе судебного разбирательства, но до удаления присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта выяснится, что кто-либо из присяжных заседателей не может продолжать участвовать в судебном заседании или отстраняется судьей от участия в судебном заседании, то он заменяется запасным присяжным заседателем в последовательности, указанной в списке при формировании коллегии присяжных заседателей по уголовному делу (часть первая). Если невозможность участия в судебном заседании кого-либо из присяжных заседателей выявится во время вынесения вердикта, то присяжные заседатели должны выйти в зал судебного заседания, произвести доукомплектование коллегии из числа запасных присяжных заседателей и удалиться для дальнейшего обсуждения вердикта (часть четвертая). Если количество выбывших присяжных заседателей превышает количество запасных, то состоявшееся судебное разбирательство признается недействительным; в этом случае в соответствии со статьей 328 данного Кодекса председательствующий приступает к отбору присяжных заседателей, в котором могут принимать участие и присяжные заседатели, освободившиеся в связи с роспуском коллегии (часть третья).

Приведенные законоположения направлены на формирование коллегии присяжных заседателей, отвечающей требованиям независимости и беспристрастности, и тем самым не только не нарушают права участников уголовного судопроизводства, а, напротив, преследуют цель их обеспечения.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, согласно части десятой статьи 328 УПК Российской Федерации при формировании коллегии присяжных заседателей ходатайства об отводах кандидатов в присяжные заседатели разрешаются судьей без удаления в совещательную комнату. Аналогичным образом разрешается вопрос и об отстранении от дальнейшего участия в рассмотрении дела как по инициативе судьи, так и по ходатайству сторон принявшего присягу присяжного заседателя при нарушении им требований части второй статьи 333 УПК Российской Федерации (пункт 15 постановления от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»).

Кроме того, как следует из представленных материалов, решение председательствующего судьи суда первой инстанции об отстранении конкретного присяжного заседателя и о признании в этой связи судебного разбирательства недействитель-

ным было оспорено стороной защиты и выступило предметом проверки суда вышестоящей инстанции.

Соответственно, оспариваемые положения статей 329 и 333 УПК Российской Федерации, не имея предметом своего регулирования порядок провозглашения вердикта и действуя в нормативном единстве с частью четвертой статьи 7 того же Кодекса, в силу которой любое процессуальное решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным, не могут расцениваться в качестве нарушающих конституционные права С.Б. Агафонова обозначенным им образом.

2.2. Статьи 46 (части 1 и 2) и 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации, гарантирующие каждому право на судебную защиту и на обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц, а каждому осужденному за преступление – право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, не предполагают возможности выбора гражданином по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты (в том числе обжалования судебных решений, вступивших в законную силу), особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из статей 46–53, 118, 120, 123 и 125–128 Конституции Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 13 января 2000 года № 6-О, от 8 ноября 2005 года № 399-О, от 29 сентября 2011 года № 1185-О-О, от 16 июля 2013 года № 1160-О, от 26 апреля 2016 года № 735-О, от 19 декабря 2017 года № 2834-О, от 29 мая 2018 года № 1360-О, от 27 сентября 2019 года № 2292-О и др.).

Так, в соответствии с Федеральным законом от 11 октября 2018 года № 361-ФЗ, изложившим в новой редакции в том числе отдельные положения глав 47.1 и 48.1 УПК Российской Федерации, обжалуются в Президиум Верховного Суда Российской Федерации и рассматриваются по правилам, предусмотренным главой 48.1 УПК Российской Федерации, вступившие в законную силу судебные решения областного или иного равного ему по уровню суда, вынесенные при рассмотрении уголовного дела в первой инстанции, если указанные судебные решения были предметом апелляционного рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации (часть 7 статьи 2).

Как следует из представленных С.Б. Агафоновым материалов, он воспользовался правом обжалования вынесенного в его отношении приговора областного суда с участием коллегии присяжных заседателей в судах как апелляционной, так и надзорной инстанций.

Тем самым часть 7 статьи 2 Федерального закона от 11 октября 2018 года № 361-ФЗ направлена не на ограничение прав участников уголовного судопроизводства, а на обеспечение правовой определенности и стабильности закона, препятствует смещению или подмене прежнего и ныне действующего порядка пересмотра судебных решений, притом что Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации как судебная инстанция, в том числе в адрес которой была подана кассационная жалоба в защиту интересов С.Б. Агафонова, уже рассматривала его уголовное дело в качестве суда апелляционной инстанции.

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, внося изменения в правовое регулирование апелляционного, кассационного и надзорного производства по уголовным делам и устанавливая порядок вступления в силу Федерального закона

от 11 октября 2018 года № 361-ФЗ, федеральный законодатель не вышел за пределы своих полномочий (определения от 19 декабря 2019 года № 3345-О и № 3350-О, от 27 февраля 2020 года № 289-О, от 28 мая 2020 года № 1322-О, от 25 ноября 2020 года № 2646-О и др.). При этом введение нового правового регулирования само по себе не может рассматриваться как нарушающее правовое равенство между теми лицами, которые были участниками правоотношений по ранее действовавшему законодательству, и лицами, являющимися участниками правоотношений, регламентированных вновь принятыми правовыми нормами. Иное исключало бы возможность реализации закрепленного в статье 71 (пункты «а», «о») Конституции Российской Федерации полномочия федерального законодателя по изменению законов, в том числе в области уголовно-процессуального законодательства (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2013 года № 2016-О, от 22 января 2014 года № 120-О, от 20 февраля 2014 года № 415-О, от 25 сентября 2014 года № 2069-О и др.).

Соответственно, также отсутствуют основания утверждать, что оспариваемые положения Федерального закона от 11 октября 2018 года № 361-ФЗ, как и статей 401.3 и 412.1 УПК Российской Федерации, регламентирующих порядок подачи кассационных и надзорных жалоб в соответствующий суд, нарушают конституционные права С.Б. Агафонова в обозначенном им аспекте.

2.3. Часть третья статьи 412.5 УПК Российской Федерации закрепляет дополнительный механизм возбуждения производства в суде надзорной инстанции Председателем Верховного Суда Российской Федерации либо его заместителем, который является процессуальной гарантией обеспечения законности и обоснованности выносимого в предварительном порядке судьей Верховного Суда Российской Федерации постановления и направлен на обеспечение реализации права граждан на судебную защиту (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2014 года № 2919-О, от 22 декабря 2015 года № 3012-О, от 25 февраля 2016 года № 279-О, от 28 марта 2017 года № 539-О, от 25 октября 2018 года № 2756-О, от 23 июля 2020 года № 1877-О и др.). Тем самым уголовно-процессуальный закон позволяет заместителю Председателя Верховного Суда Российской Федерации наравне с Председателем Верховного Суда Российской Федерации оценивать законность и обоснованность постановления судьи этого суда об отказе в передаче поданных жалобы, представления для рассмотрения в коллегиальном составе (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2015 года № 428-О, от 23 июня 2015 года № 1527-О, от 25 октября 2018 года № 2753-О, от 29 сентября 2020 года № 1991-О и др.).

Кроме того, из статей 46 (часть 3), 71 (пункт «о») и 128 Конституции Российской Федерации следует, что законодатель, устанавливая институт пересмотра судебных актов вышестоящими судами, вправе определить судебную инстанцию, решения которой в правовой системе Российской Федерации не подлежат обжалованию, что не противоречит конституционной обязанности государства обеспечивать каждому доступ к правосудию, в том числе для исправления судебной ошибки (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 октября 2000 года № 218-О, от 20 февраля 2003 года № 56-О, от 19 июля 2016 года № 1620-О, от 26 октября 2017 года № 2294-О, от 28 февраля 2019 года № 491-О и др.).

Таким образом, данная жалоба, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агафонова Сергея Байрамовича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 17 июня 2021 г. № 29-П

по делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2
Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой
гражданина С.А. Филиппова

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.А. Филиппова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д. Рудкина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Статья 106 УПК Российской Федерации предусматривает залог как меру пресечения, в том числе устанавливает, что в случае нарушения подозреваемым либо обвиняемым обязательств, связанных с внесенным залогом, залог обращается в доход государства по судебному решению, выносимому в соответствии со статьей 118 данного Кодекса (часть девятая); в остальных случаях суд при постановлении приговора или вынесении определения либо постановления о прекращении уголовного дела решает вопрос о возвращении залога залогодателю (часть десятая).

Согласно статье 110 этого Кодекса мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные статьями 97 и 99 данного Кодекса (часть первая); отмена или изменение меры пресечения производится по постановлению дознавателя, следователя или судьи либо по определению суда (часть вторая).

В соответствии со статьей 389.2 УПК Российской Федерации определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и другие судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу, за исключением судебных решений, указанных в части третьей данной статьи (часть вторая); до вынесения итогового судебного решения апелляционному обжалованию подлежат в том числе судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия и другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела (часть третья).

1.1. Конституционность названных норм оспаривает гражданин С.А. Филиппов, которому инкриминируются преступления, предусмотренные частью четвертой статьи 159 УК Российской Федерации (приобретение путем обмана права на чужое имущество – два земельных участка стоимостью свыше 48 млн. руб., т.е. мошенничество в особо крупном размере, за совершение которого предусмотрена возможность назначения дополнительного наказания, в том числе в виде штрафа в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет), а также частью первой статьи 303 этого Кодекса (фальсификация доказательств по гражданскому делу, за совершение которой предусмотрено основное наказание в том числе в виде штрафа в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет).

Как следует из письма Генеральной прокуратуры Российской Федерации, судебной коллегией по уголовным делам Московского областного суда 19 марта 2013 года в отношении С.А. Филиппова мера пресечения в виде заключения под стражу заменена на залог в размере 15 млн. руб., а 23 апреля 2013 года этим же судом сумма залога снижена до 8 млн. руб., которая внесена защитником заявителя.

Неоднократные обращения С.А. Филиппова к органу предварительного расследования и суду об отмене, изменении залога оставлены без удовлетворения. В частности, постановлением судьи Балашихинского городского суда Московской области от 1 декабря 2016 года заявителю было отказано в удовлетворении жалобы о признании незаконным и необоснованным постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства об изменении ранее избранной меры пресечения в виде залога на любую иную. Это решение отменено апелляционным постановлением Московского областного суда от 16 февраля 2017 года, а производство по жалобе прекращено. Суд апелляционной инстанции исходил из того, что вопросы, касающиеся избрания и применения к подозреваемому, обвиняемому залога, не могут служить предметом проверки и оценки суда в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации. С данным постановлением согласился судья Московского областного суда (постановление от 26 мая 2017 года), изучивший кассационную жалобу заявителя.

С.А. Филиппов обратился с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации, который в Определении от 18 июля 2017 года № 1538-О со ссылкой на ранее выраженные им позиции указал, что законность и обоснованность постановления дознавателя, следователя об отказе в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога может быть обжалована в установленном порядке (часть третья статьи 101 и статьи 123–125 УПК Российской Федерации). Кроме того, в этом решении было отмечено, что права заявителя могут быть восстановлены при его повторном обращении в определенном законом порядке с ходатайством об отмене или изменении залога, а также при обжаловании в суд отказа в удовлетворении такого ходатайства.

Постановлением президиума Московского областного суда от 13 декабря 2017 года апелляционное постановление этого же суда от 16 февраля 2017 года отменено, материал направлен на новое рассмотрение суда апелляционной инстанции, по результатам которого постановление судьи Балашихинского городского суда Московской области от 1 декабря 2016 года оставлено без изменения (апелляционное постановление Московского областного суда от 30 января 2018 года). В передаче кассационной жалобы С.А. Филиппова для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано постановлением судьи Московского областного суда от 31 мая 2018 года. Отвергая доводы, содержащиеся в жалобе, судья отметил, что факт внесения в качестве залога заемных денежных средств не может иметь определяющего значения при разрешении вопроса о законности, обоснованности и справедливости отказа следователя в удовлетворении ходатайства об изменении данной меры пресечения.

Как утверждается в обращении, поданном в Конституционный Суд Российской Федерации, с апреля 2013 года С.А. Филиппов вынужден выплачивать проценты за пользование денежными средствами, предоставленными по договору займа для внесения залога, их размер уже превысил 15 млн. руб., а реальная стоимость заложенной суммы существенно снизилась в связи с инфляцией.

В настоящее время уголовное дело в отношении С.А. Филиппова рассматривается по существу Раменским городским судом Московской области. Постановлением этого суда от 20 декабря 2019 года оставлено без удовлетворения ходатайство об изменении подсудимому меры пресечения с залога на подписку о невыезде и надлежащем поведении. В резолютивной части постановления указано на возможность его обжалования в Московский областной суд в течение 10 суток со дня провозглашения. Однако производство по апелляционным жалобам на данное постановление прекращено судьей апелляционной инстанции Московского областного суда (постановление от 23 января 2020 года) в связи с тем, что по смыслу частей второй и третьей статьи 389.2 УПК Российской Федерации такие постановления, вынесенные в ходе судебного следствия, самостоятельному апелляционному обжалованию не подлежат. Кассационная жалоба на указанные судебные решения возвращена без рассмотрения (письмо судьи Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 ноября 2020 года).

1.2. По мнению С.А. Филиппова, статьи 106 и 110 УПК Российской Федерации не соответствуют статьям 35, 46 и 55 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они предполагают возможность применения меры пресечения в виде залога без установления определенного срока ее действия и порядка (возможности) ее продления, а также приводят к неопределенности срока ее действия и ограничению конституционных прав.

Кроме того, заявитель просит признать статьи 106, 110 и 389.2 данного Кодекса противоречащими статьям 35 и 46 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они исключают на стадии рассмотрения уголовного дела по существу до вынесения итогового судебного решения возможность обжаловать в апелляционном порядке судебное решение, которым было отказано в удовлетворении ходатайства об изменении меры пресечения в виде залога (на более мягкую).

Таким образом, с учетом предписаний статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения статей 106, 110 и 389.2 УПК Российской Федерации в той мере, в какой на их основании решается вопрос о применении меры пресечения в виде залога, о ее отмене, изменении и о возможности апелляционного обжалования отказа в удовлетворении ходатайства о ее отмене или изменении на более мягкую на стадии рассмотрения уголовного дела по существу до вынесения итогового судебного решения.

...

5. ...

Впредь до внесения в законодательство необходимых изменений Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», устанавливает следующий порядок исполнения настоящего Постановления в части обжалования судебного постановления или определения, которым было отказано в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога или изменении ее на более мягкую: указанное решение суда подлежит самостоятельному апелляционному обжалованию до вынесения итогового судебного решения по делу.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать положения статей 106 и 110 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что:

отсутствие нарушения обязательств, связанных с внесенным залогом, исключаящее разрешение судом вопроса о его обращении в доход государства, позволяет залогодателю обратиться к дознавателю, следователю или в суд с ходатайством об отмене или изменении меры пресечения в виде залога и возврате ему имущества;

указанное ходатайство подлежит разрешению дознавателем, следователем или судом при отсутствии на момент его рассмотрения нарушения обязательств, связанных с внесенным залогом, и удовлетворению при наличии уважительных обстоятельств (при наступлении исключительных жизненных обстоятельств), когда сохранение залога существенно затрагивает права залогодателя, а также ввиду существенного превышения ординарных сроков предварительного расследования или судебного разбирательства;

разрешая по ходатайству залогодателя вопрос об отмене меры пресечения в виде залога, дознаватель, следователь или суд, исходя из наличия на то оснований, при

соблюдении условий и в установленном законом порядке вправе избрать другую меру пресечения, в рамках применения которой могут быть достигнуты ее цели;

если дознавателем, следователем или судом в отношении подозреваемого, обвиняемого после удовлетворения ходатайства залогодателя об отмене залога избрана иная мера пресечения, действие залога сохраняется до применения вновь избранной меры пресечения.

2. Конституционно-правовой смысл положений статей 106 и 110 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Признать положения статьи 389.2 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статей 106 и 110 данного Кодекса не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 35 (часть 2), 46 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой они исключают возможность обжалования в апелляционном порядке судебного решения, принятого в ходе рассмотрения уголовного дела по существу, которым было отказано в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога или изменении ее на более мягкую, до вынесения итогового судебного решения.

4. Правоприменительные решения по делу гражданина Филиппова Сергея Анатольевича, основанные на положениях статей 106 и 110 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, а равно вынесенные на основании положений статьи 389.2 данного Кодекса в той мере, в какой они признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Федеральному законодателю надлежит – исходя из предписаний Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование изменения в части обжалования в апелляционном порядке решения суда об отказе в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога или изменении ее на более мягкую.

6. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

7. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 15 июня 2021 г. № 28-П

по делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24
Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи
с жалобой гражданина Д.К. Михайлова

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Д.К. Михайлова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В. Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Пункт 2 части первой статьи 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела» УПК Российской Федерации закрепляет такое основание для отказа в возбуждении уголовного дела или для его прекращения, как отсутствие в деянии состава преступления.

1.1. Конституционность приведенной нормы оспаривает гражданин Д.К. Михайлов, занимавший должность заместителя начальника полиции по охране общественного порядка ОМВД России по району Марьино Роща города Москвы. По результатам проверки поступивших заявлений о злоупотреблении сотрудниками этого отдела

своими должностными полномочиями следователь Следственного комитета Российской Федерации, руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации, 18 апреля 2018 года вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в частности в отношении Д.К. Михайлова – за отсутствием в его действиях состава преступлений, предусмотренных частью первой статьи 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» и частью третьей статьи 290 «Получение взятки» УК Российской Федерации.

Д.К. Михайлов, посчитав, что при вынесении постановления имело место неправильное применение уголовно-процессуального закона и отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава, а не события преступления (пункт 1 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации) косвенно указывает на наличие в его действиях дисциплинарного проступка, обжаловал это решение в суд. При рассмотрении жалобы Останкинским районным судом города Москвы 29 апреля 2019 года (как видно из представленного протокола судебного заседания) следователь, принявший обжалуемое решение, отвечая на вопросы адвоката, сообщил, что проверкой заявлений не были подтверждены не только доводы лиц, с ними обратившихся, и наличие состава преступления, но и наличие самого события преступления. Тем не менее суд оставил жалобу без удовлетворения, отметив, что при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации судья не вправе давать правовую оценку действиям лица, проверяемого в связи с заявлением о преступлении, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы разрешаются в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства по существу уголовного дела. С этим согласился Московский городской суд, мотивировав апелляционное постановление от 19 июня 2019 года тем, что обжалование решений должностных лиц органов предварительного расследования по правилам данной статьи не предполагает переоценку уже рассмотренных ими обстоятельств, установление новых обстоятельств и их оценку, а постановление следователя исследуется с точки зрения соблюдения им регламентированных статьями 144, 145, 148 и 151 УПК Российской Федерации процедуры доследственной проверки. С такой позицией судов первой и второй инстанций согласились и судьи, изучившие кассационные жалобы Д.К. Михайлова (постановление судьи Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 марта 2020 года и постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 2020 года).

1.2. Заявитель утверждает, что оспариваемая норма противоречит статьям 2, 15, 17 (часть 1), 18, 21, 45, 46, 48, 49, 55, 123 (части 1 и 3) и 133 Конституции Российской Федерации, поскольку допускает отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления в случае, когда отсутствовало само деяние (событие преступления), и не позволяет восстановить нарушенные этим права в суде.

Таким образом, с учетом предписаний статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» пункт 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на его основании принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления без предварительного разрешения вопроса о наличии события преступления, а также осуществляется

проверка судом законности и обоснованности решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

...

5. ...

Признание пункта 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации не исключает права федерального законодателя – исходя из предписаний Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления, касающиеся уточнения содержания понятия события преступления в качестве основания для отказа в возбуждении уголовного дела.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать пункт 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – он предполагает, что:

отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления возможен только при условии предварительного установления наличия и совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления;

законность и обоснованность выбора основания для отказа в возбуждении уголовного дела подлежат судебной проверке по жалобе заинтересованного лица в предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации порядке с учетом всех имеющихся в материалах фактов, на основании которых принималось соответствующее решение, обстоятельств, влияющих на вывод о наличии фактических и правовых оснований для отказа в возбуждении уголовного дела по тому или иному основанию, и позиций сторон.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл пункта 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Михайлова Давида Карэновича, вынесенные на основании пункта 2 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет других препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 8 июня 2021 г. № 27-П

по делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта «в» части первой статьи 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Яковлева

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А.В. Яковлева. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д. Рудкина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В соответствии с частью первой статьи 74 УИК Российской Федерации исправительными учреждениями являются исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения; следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, осужденных, в отношении

которых приговор суда вступил в законную силу и которые подлежат направлению в исправительные учреждения для отбывания наказания, осужденных, перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, осужденных, оставленных в следственном изоляторе или переведенных в следственный изолятор для участия в следственных действиях либо в судебном разбирательстве, а также в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в следственных изоляторах с их согласия. В силу части восьмой той же статьи в лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях отбывают наказание осужденные, указанные в части второй статьи 101 данного Кодекса; лечебно-профилактические учреждения выполняют функции исправительных учреждений в отношении находящихся в них осужденных; в лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях могут создаваться изолированные участки, функционирующие как колонии-поселения, а порядок их создания, функционирования и ликвидации определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Согласно же части второй статьи 101 данного Кодекса в уголовно-исполнительной системе для медицинского обслуживания осужденных организуются лечебно-профилактические учреждения (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы) и медицинские части, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, – лечебные исправительные учреждения. За нарушение установленного порядка отбывания наказания к осужденным могут применяться меры взыскания, в том числе предусмотренная пунктом «в» части первой статьи 115 данного Кодекса – водворение осужденных, содержащихся в исправительных колониях или тюрьмах, в штрафной изолятор на срок до 15 суток.

1.1. Конституционность приведенных законоположений оспаривает гражданин А.В. Яковлев, который осужден к лишению свободы и на которого в период его нахождения в стационарном отделении лечебного исправительного учреждения было наложено – за нарушение установленного порядка отбывания наказания, выразившееся в хранении запрещенного предмета, – дисциплинарное взыскание в виде водворения в штрафной изолятор на 14 суток. В связи с данным обстоятельством он также признан злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

А.В. Яковлев обратился с административным иском о признании действий администрации лечебного исправительного учреждения незаконными. В удовлетворении иска отказано решением Серовского районного суда Свердловской области от 18 апреля 2019 года, в том числе ввиду пропуска истцом срока для обращения в суд. Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Свердловского областного суда от 30 октября 2019 года отклонены доводы жалобы А.В. Яковлева о том, что такой вид дисциплинарного взыскания, как водворение в штрафной изолятор, применим лишь к осужденным, содержащимся в исправительных колониях и тюрьмах. Суд пришел к выводу, что осужденные, отбывающие наказание в лечебных исправительных учреждениях, могут водворяться в штрафной изолятор, при этом учитывается состояние здоровья осужденного и ему предоставляется необходимое лечение. Также суд отметил, что фактически взыскание в отношении А.В. Яковлева не было исполнено в связи с медицинским заключением о наличии противопоказаний для его водворения в штрафной изолятор. По оценке

суда, это тоже свидетельствует об отсутствии нарушений прав истца. Кассационная жалоба А.В. Яковлева оставлена без удовлетворения определением судебной коллегии по административным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2020 года, признавшей обоснованным вывод нижестоящих судов о том, что хранение запрещенного предмета и пользование им является нарушением установленного порядка отбывания наказания, а избранная мера взыскания предусмотрена статьей 115 УИК Российской Федерации.

Кроме того, А.В. Яковлев обратился с административным иском с заявлением о признании недействующими пунктов 137 и 143 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (утверждены приказом Минюста России от 16 декабря 2016 года № 295), указав, что взыскания, предусмотренные пунктами «в», «г», «д» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации, могут применяться только к осужденным, содержащимся в исправительных колониях и тюрьмах, но не в лечебно-профилактических или лечебных исправительных учреждениях, предназначенных для оказания специализированной медицинской помощи. Решением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2020 года в удовлетворении иска отказано. В обоснование решения отмечено, что осужденные, находясь в лечебно-профилактических или лечебных исправительных учреждениях, отбывают наказание в виде лишения свободы и одновременно получают необходимое лечение, а потому не исключено применение к ним – при нарушении установленного порядка отбывания наказания – мер взыскания, предусмотренных данной статьей. Это решение оставлено без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2020 года, согласившейся с выводом о возможности применения мер взыскания, предусмотренных данной статьей, к осужденным, находящимся в лечебно-профилактическом или лечебном исправительном учреждении, поскольку оно выполняет функции исправительных учреждений для содержащихся в нем осужденных, оказывая им медицинскую помощь.

1.2. По мнению А.В. Яковлева, оспариваемые нормы противоречат статьям 19 (часть 1), 21 (часть 1) и 41 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой и официальным толкованием, позволяют в нарушение буквы закона, а именно пункта «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации, водворять в штрафной изолятор больного осужденного, не содержащегося в исправительной колонии или тюрьме.

Таким образом, с учетом предписаний статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» части первая и восьмая статьи 74, часть вторая статьи 101 и пункт «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос о возможности применения меры взыскания в виде водворения в штрафной изолятор в отношении осужденных, допустивших нарушение установленного порядка отбывания лишения свободы в период нахождения в лечебном исправительном учреждении.

...

7. ...

Принимая во внимание то обстоятельство, что оспариваемые А.В. Яковлевым законоположения не признаны неконституционными, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 10.1 части первой статьи 75 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», приходит к выводу, что отсутствуют основания для пересмотра дела заявителя, поскольку, как следует из представленных им материалов, дисциплинарное взыскание в его отношении не было исполнено в связи с наличием медицинских противопоказаний, а приложенные к жалобе судебные решения не свидетельствуют о применении оспариваемых норм в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать части первую и восьмую статьи 74, часть вторую статьи 101 и пункт «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они:

допускают водворять осужденного, отбывающего на основании судебного решения лишение свободы в исправительной колонии или тюрьме, временно направленного в лечебное исправительное учреждение и допустившего в нем нарушение установленного порядка отбывания наказания, в штрафной изолятор;

дозволяют применение данной меры взыскания с учетом не только обстоятельств допущенного осужденным нарушения, но и состояния его здоровья, предусматривают обеспечение при ее исполнении амбулаторного лечения, необходимого по характеру заболевания;

исключают при этом возможность исполнения данной меры взыскания в отношении осужденного к лишению свободы, нуждающегося в оказании медицинской помощи в стационарных условиях, что не препятствует признанию его злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

2. Конституционно-правовой смысл частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта «в» части первой статьи 115 УИК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 24 мая 2021 г. № 21-П

по делу о проверке конституционности
части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации
в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 293 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Р.В. Величенко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К.В. Арановского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно части первой статьи 293 УК Российской Федерации уголовная ответственность наступает за халатность, т.е. неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества

или государства. Крупным ущербом примечание к той же статье признает тот, сумма которого превышает один миллион пятьсот тысяч рублей.

1.1. Органы предварительного расследования осуществляли уголовное преследование гражданина Е.В. Величенко, замещавшего должность государственного регистратора в территориальном органе Росреестра. Согласно обвинению, из-за ненадлежащего исполнения своих должностных обязанностей, небрежного и недобросовестного отношения к службе он не провел должным образом правовую экспертизу, не удостоверился, что лицо, ошибочно полагающее себя собственником земельного участка, является лишь полным тезкой настоящего собственника, и произвел в отсутствие законных на то оснований государственную регистрацию договора купли-продажи этого участка и перехода права собственности на него, чем были существенно нарушены права и законные интересы потерпевшего.

Судья Гвардейского районного суда Калининградской области установил причастность обвиняемого к преступлению, предусмотренному частью первой статьи 293 УК Российской Федерации, не нашел поводов к его реабилитации и постановлением от 23 апреля 2019 года прекратил уголовное дело на основании пункта 4 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации – в связи со смертью Е.В. Величенко 24 марта 2018 года. Такое решение оставлено в соответствующей части без изменений апелляционным постановлением Калининградского областного суда от 9 августа 2019 года. При этом суды усмотрели существенное нарушение прав и законных интересов потерпевшего в том, что тот лишен права собственности на земельный участок, права владеть, пользоваться и распоряжаться землей.

Постановлением от 16 декабря 2019 года судья Третьего кассационного суда общей юрисдикции отказал в передаче жалобы адвоката в защиту Е.В. Величенко для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, отметив, что по смыслу уголовного закона под существенным нарушением прав граждан и организаций в результате совершения должностных преступлений понимается нарушение их прав и свобод, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации. Судья Верховного Суда Российской Федерации также отказал в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции с вынесением о том постановления 10 июня 2020 года.

1.2. Заявитель по настоящему делу Р.В. Величенко участвовал в производстве по уголовному делу в целях реабилитации своего брата Е.В. Величенко и возражал на досудебной и судебной стадиях против его прекращения за истечением срока давности уголовного преследования (пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации), как и в связи со смертью обвиняемого (пункт 4 части первой той же статьи). По мнению заявителя, часть первой статьи 293 УК Российской Федерации противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 17, 19, 21, 45 и 123 (часть 3), поскольку в системе действующего правового регулирования позволяет привлечь должностное лицо к уголовной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, когда причиненный материальный ущерб не достигает одного миллиона пятисот тысяч рублей.

Таким образом, принимая во внимание требования статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», часть первая статьи 293 УК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку

на ее основании решается вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе в случаях, когда это деяние причиняет материальный ущерб, в зависимости от его соответствия установленному примечанием к той же статье критерию крупного ущерба.

...

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть первую статьи 293 УК Российской Федерации в ее взаимосвязи с примечанием к этой статье не противоречащей Конституции Российской Федерации постольку, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она исключает квалификацию деяния, повлекшего утрату либо снижение стоимости имущества или имущественного права в размере, не превышающем установленную действующим правовым регулированием для целей этой статьи сумму крупного ущерба, в качестве халатности, влекущей уголовную ответственность по признаку причинения содеянным существенного вреда правам и охраняемым законом интересам, если не доказано в надлежащем порядке, что соответствующее имущество или имущественное право, помимо денежной стоимости, обладает неэкономической ценностью, применительно к которой имело место существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

2. Конституционно-правовой смысл части первой статьи 293 УК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, вынесенные по делу с участием гражданина Величенко Романа Васильевича с применением части первой статьи 293 УК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 17 мая 2021 г. № 19-П

по делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки И.А. Никифоровой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявительницей законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.Д. Князева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Гражданка И.А. Никифорова оспаривает конституционность следующих законоположений:

части 1.1 статьи 7 Федерального закона от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 497-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях

и пикетированиях)), согласно которой уведомление о пикетировании, осуществляемом одним участником, не требуется, за исключением случая, если этот участник предполагает использовать быстровозводимую сборно-разборную конструкцию; минимальное допустимое расстояние между лицами, осуществляющими указанное пикетирование, определяется законом субъекта Российской Федерации; указанное минимальное расстояние не может быть более пятидесяти метров; совокупность актов пикетирования, осуществляемого одним участником, объединенных единым замыслом и общей организацией, может быть признана решением суда по конкретному гражданскому, административному или уголовному делу одним публичным мероприятием;

части 2 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации, в соответствии с которой организация либо проведение публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления о проведении публичного мероприятия, за исключением случаев, предусмотренных частью 7 данной статьи, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей, или обязательные работы на срок до пятидесяти часов, или административный арест на срок до десяти суток; на должностных лиц – от двадцати тысяч до сорока тысяч рублей; на юридических лиц – от семидесяти тысяч до двухсот тысяч рублей.

1.1. 18 марта 2020 года в отношении И.А. Никифоровой был составлен протокол об административном правонарушении за то, что она организовала не согласованное с уполномоченным органом местного самоуправления публичное мероприятие (пикетирование), проведенное в период с 3 февраля по 26 февраля 2020 года напротив здания Кабинета Министров Республики Татарстан, целью которого являлось выражение несогласия со строительством завода по термическому обезвреживанию твердых коммунальных отходов.

Данное публичное мероприятие состояло из серии пикетов, формально подпадавших под признаки одиночного. В то же время отраженные в протоколе об административном правонарушении обстоятельства их проведения, по мнению составившего его должностного лица, свидетельствовали, что хотя в каждый из дней проводился одиночный пикет, длившийся не более одного часа, указанные пикеты характеризовались единством целей и общей организацией, а также территориально тяготели друг к другу, а потому И.А. Никифорова в нарушение установленного законом порядка организовала коллективное пикетирование, требовавшее предварительного направления уведомления в уполномоченный орган местного самоуправления.

Постановлением судьи Вахитовского районного суда города Казани от 18 марта 2020 года (оставлено без изменения решением судьи Верховного Суда Республики Татарстан от 27 мая 2020 года и постановлением судьи Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 7 октября 2020 года) заявительница была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20.2 «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» КоАП Российской Федерации, и ей было назначено наказание в виде обязательных работ на срок 30 часов. При этом наличие в деянии И.А. Никифоровой признаков состава административного правонарушения было аргументировано судами тем, что она своими действиями координировала проведение объединенной единой целью серии одиночных пикетов (распространяла на своей интернет-странице в социальной сети «ВКонтакте» информацию об организации соответствующего пикетирования, призывала неопределенный круг лиц поочередно участвовать в нем, согласовывала возможность получения необходимых средств на-

глядной агитации, оставляла для обратной связи с желающими принять участие в пикетировании абонентский номер своего мобильного телефона и т. п.), чем фактически организовала коллективное публичное мероприятие без предварительного направления уведомления о его проведении в компетентный орган местного самоуправления.

По мнению заявительницы, оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 29 (часть 1) и 31 Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют признавать одиночные пикеты, проводимые различными лицами в одном месте, но в разное время, единым публичным мероприятием, требующим предварительной подачи уведомления, вследствие чего допускают привлечение к административной ответственности за нарушение установленного порядка организации такого публичного мероприятия.

1.2. В силу статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого нормативного акта в конкретном деле с его участием, при разрешении которого исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли оспариваемый нормативный акт Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов, не будучи связанным основаниями и доводами, изложенными в обращении.

Если после вступления в законную силу судебного решения, основанного на оспариваемой норме, в нее вносятся изменения (дополнения), тем более когда по смыслу статьи 54 (часть 1) Конституции Российской Федерации они не подлежат применению в деле заявителя (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2015 года № 2735-О и от 27 сентября 2016 года № 2017-О), такие изменения (дополнения) не могут являться предметом проверки на соответствие Конституции Российской Федерации.

Следовательно, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу не является оценка конституционности внесенного Федеральным законом от 30 декабря 2020 года № 497-ФЗ в часть 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» дополнения, в соответствии с которым она была изложена в новой редакции, предусматривающей, что совокупность актов пикетирования, осуществляемого одним участником, объединенных единым замыслом и общей организацией, в том числе участие нескольких лиц в таких актах пикетирования поочередно, может быть признана решением суда по конкретному гражданскому, административному или уголовному делу одним публичным мероприятием. При этом учитывая, что статьей 4.6 КоАП Российской Федерации установлен годичный срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях, проверка конституционно-

сти примененной в деле заявительницы нормы в оспариваемой редакции не лишена практического конституционно-правового значения не только в ее отношении, но и в отношении неопределенного круга лиц, к которым она может быть применена в указанный срок, в том числе при их привлечении к административной ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу взаимосвязанные положения части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 497-ФЗ) и части 2 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации являются постольку, поскольку на их основании в системе действующего правового регулирования разрешается вопрос о возможности признания совокупности актов пикетирования, осуществляемого одним участником, одним публичным мероприятием в случае, когда такие акты пикетирования организуются одним и тем же лицом и проводятся в течение нескольких дней посредством ежедневного участия в них не более одного гражданина, и привлечения их организатора к административной ответственности за проведение такого пикетирования без подачи в установленном порядке уведомления.

...

На основании изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать взаимосвязанные положения части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 497-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях») и части 2 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 2), 19 (часть 1), 31 и 55 (часть 3), в той мере, в какой они по смыслу, приданному им судебным толкованием в решениях по конкретному делу, допускают возможность признания совокупности актов пикетирования, осуществляемого одним участником, объединенных единым замыслом и общей организацией, одним публичным мероприятием в случае, когда такие акты пикетирования организуются одним и тем же лицом и осуществляются в течение нескольких дней посредством ежедневного участия в них не более одного гражданина, и привлечения их организатора к административной ответственности за проведение такого пикетирования без подачи в установленном порядке уведомления.

2. Правоприменительные решения по делу гражданки Никифоровой Ирины Анатольевны, принятые на основании законоположений, признанных в настоящем Постановлении не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 13 мая 2021 г. № 18-П

по делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 УПК Российской Федерации, а также пункта 30 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Э.Р. Юровских. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявительницей положения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М. Казанцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Гражданка Э.Р. Юровских, обратившаяся в Конституционный Суд Российской Федерации в своих интересах и в интересах своей несовершеннолетней дочери, оспаривает конституционность:

части третьей статьи 131 УПК Российской Федерации, согласно которой суммы процессуальных издержек, указанные в ее части второй, выплачиваются по постановлению дознавателя, следователя, прокурора или судьи либо по определению суда;

статьи 132 того же Кодекса, устанавливающей, что процессуальные издержки взыскиваются с осужденных или возмещаются за счет средств федерального бюджета (часть первая), и регулирующей особенности их взыскания и возмещения применительно к различным ситуациям (часть вторая – девятая);

пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240) (далее также – Положение; Положение, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240), в силу которого иные, помимо названных в Положении, понесенные в ходе производства по уголовному делу и предусмотренные тем же Кодексом расходы, непосредственно связанные с собиранием и исследованием доказательств, возмещаются за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации в пределах бюджетных ассигнований, предусматриваемых на соответствующий год судам и государственным органам, наделенным полномочиями по производству дознания и предварительного следствия.

1.1. 15 июня 2012 года Э.Р. Юровских обратилась в прокуратуру Кировского района города Астрахани, требуя привлечь к уголовной ответственности лиц, действия (бездействие) которых привели при родоразрешении к гибели двух ее детей, а также причинили вред здоровью ее новорожденной дочери. В результате ее неоднократных обращений в правоохранительные органы 11 апреля 2014 года возбуждено уголовное дело о халатности, по которому заявительница признана потерпевшей. Для защиты своих прав и прав дочери в тот же день Э.Р. Юровских заключила соглашение об оказании юридической помощи с адвокатским бюро, а 9 апреля 2017 года – договор с адвокатом. Уголовное дело окончательно прекращено 30 января 2018 года в связи со смертью подозреваемого.

Э.Р. Юровских подала в Ленинский районный суд города Астрахани заявление к Министерству финансов Российской Федерации о возмещении процессуальных издержек в виде расходов, понесенных ею на оплату труда представителей. Отказывая 9 июня 2018 года в принятии заявления на основании пункта 1 части первой статьи 134 ГПК Российской Федерации, суд указал, что оно не подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а заявительнице следует обратиться с ее требованием к следователю в порядке статьи 131 УПК Российской Федерации.

В ответ на ходатайство о возмещении процессуальных издержек руководитель следственного отдела по Советскому району города Астрахани следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Астраханской области сообщил заявительнице, что оснований для такого возмещения не имеется. Постановлением Советского районного суда города Астрахани от 3 июля 2018 года ей отказано в принятии к рассмотрению по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации жалобы на бездействие следователя, в чьем производстве находилось уголовное дело, в части невынесения постановления по ходатайству. Судом апелля-

ционной инстанции это решение отменено, а материал направлен на новое рассмотрение. Последовавшее решение суда первой инстанции – об отказе в удовлетворении жалобы – вновь отменено судом апелляционной инстанции, который, признав незаконными бездействие следователя и ответ руководителя следственного отдела, обязал последнего устранить допущенное нарушение. 13 января 2019 года следователь вынес постановление о соответствующей выплате, но оно отменено руководителем следственного отдела.

26 февраля 2019 года следователем вынесено новое постановление – о выплате 7 840 рублей из расчета 980 рублей за один день участия адвокатов в производстве следственных и иных процессуальных действий. Данная сумма выплачена потерпевшей. Тем не менее 6 мая 2019 года суд, рассмотрев ее жалобу, признал постановление следователя незаконным и необоснованным, поскольку, в частности, Э.Р. Юровских понесены расходы на представителей, связанные не только с участием в следственных действиях, но и с реализацией иных прав, принадлежащих ей как потерпевшей, а следователь не учел объем и сложность дела и не привел мотивов, по которым решение о выплате в размере, определенном заявительницей, не принято. 29 ноября 2019 года отказ следователя в удовлетворении соответствующего ходатайства Э.Р. Юровских опять признан судом неправомерным.

20 января 2020 года следователем вынесено постановление о возмещении процессуальных издержек в сумме 37800 рублей, которая выплачена потерпевшей 11 февраля, а 18 мая суд вновь нашел данное решение незаконным и необоснованным, сославшись на то, что следователь при расчете издержек ошибочно руководствовался положениями, регламентирующими порядок расчета вознаграждения адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве в качестве защитника по назначению. 3 июля 2020 года следователь постановил выплатить заявительнице 35 840 рублей, но это решение, по ее утверждению, исполнено не было, а, напротив, 8 сентября 2020 года признано незаконным и необоснованным Советским районным судом города Астрахани, обязавшим следователя устранить допущенное нарушение. Требование же об индексации сумм процессуальных издержек, заявленное Э.Р. Юровских, судом не было разрешено.

Кроме того, заявительница обращалась в Ленинский районный суд города Астрахани с ходатайством о возмещении процессуальных издержек в порядке статей 131 и 132 УПК Российской Федерации, полагая, что решение о том должно быть принято в судебном, а не в досудебном порядке. В принятии ходатайства отказано постановлением от 28 июня 2019 года, с чем согласились вышестоящие суды (апелляционное постановление Астраханского областного суда от 8 августа 2019 года, постановления судьи Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 августа 2020 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2020 года об отказе в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции).

1.2. Э.Р. Юровских просит признать оспариваемые ею нормы противоречащими статьям 2, 15 (часть 4), 17, 18, 19, 45, 46 (части 1 и 2) и 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они в случае прекращения уголовного дела на досудебной стадии по нереабилитирующему основанию исключают для потерпевшего возможность обратиться непосредственно в суд за возмещением понесенных в ходе предварительного расследования процессуаль-

ных издержек, не предусматривают индексации сумм этих издержек и не закрепляют предельных сроков рассмотрения ходатайства потерпевшего об их возмещении.

Между тем, как видно из представленных материалов, заявительница фактически оспаривает конституционность не всей статьи 132 УПК Российской Федерации, а лишь ее части первой о взыскании процессуальных издержек с осужденных или их возмещении за счет средств федерального бюджета. Следовательно, в том, что касается проверки конституционности ее частей второй – девятой, производство по настоящему делу подлежит прекращению в силу статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, часть третья статьи 131 и часть первая статьи 132 УПК Российской Федерации, а также пункт 30 Положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240, являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку в случае прекращения уголовного дела на досудебной стадии по нереабилитирующим основаниям на их основе решаются вопросы:

о порядке и размере возмещения за счет средств федерального бюджета процессуальных издержек в виде расходов, понесенных потерпевшим на вознаграждение его представителя;

об индексации сумм таких процессуальных издержек;

о сроках рассмотрения ходатайства потерпевшего о возмещении процессуальных издержек.

...

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть третью статьи 131 и часть первую статьи 132 УПК Российской Федерации, а также пункт 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240) не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 46 (часть 1), 48 (часть 1), 52, 53 и 55 (часть 3), в той мере, в какой они не обеспечивают надлежащего уровня правовой определенности применительно к порядку и размерам возмещения процессуальных издержек при вынесении следователем (дознателем, прокурором) постановления о возмещении расходов потерпевшего на выплату вознаграждения его представителю по уголовному делу, прекращенному по нереабилитирующему основанию, а равно не позволяют обеспечить эффективную судебную защиту права потерпевшего на получение такого возмещения в установленный срок и не предусматривают правового механизма индексации сумм такого возмещения.

2. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности частей второй – девятой статьи 132 УПК Российской Федерации.

3. Федеральному законодателю и Правительству Российской Федерации надлежит – руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, – в соответствии со своей компетенцией внести необходимые изменения в действующее правовое регулирование.

До введения необходимого регулирования возмещение расходов потерпевшего на выплату вознаграждения его представителю по уголовному делу, прекращенному на досудебной стадии по нереабилитирующему основанию, осуществляется, принимая во внимание следующее:

при определении размеров возмещения надо исходить из того, что возмещению подлежат в полном объеме все необходимые и оправданные расходы на выплату вознаграждения представителю потерпевшего (в том числе до формального получения статуса потерпевшего), которые должны быть подтверждены документами, в том числе расходы, связанные с обжалованием отказа в возбуждении уголовного дела, поскольку оно в дальнейшем было возбуждено, и с обжалованием прекращения уголовного дела, поскольку решение о том было отменено;

указанные расходы возмещаются за счет средств федерального бюджета независимо от вины должностных лиц органов, осуществляющих уголовное судопроизводство;

возмещение производится с учетом уровня инфляции;

вопрос о необходимости, оправданности и размере расходов потерпевшего на выплату вознаграждения его представителю, если потерпевший обжаловал в суд соответствующее решение, принятое следователем (дознавателем, прокурором), разрешается непосредственно судом.

4. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданки Юровских Эльвиры Рашидовны на основании части третьей статьи 131 и части первой статьи 132 УПК Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 года № 1240), признанных настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 12 мая 2021 г. № 17-П

по делу о проверке конституционности статьи 1.5, части 1 статьи 2.1, части 1 статьи 15.6, пункта 1 части 1, части 3 статьи 28.1 и примечания к этой статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки Н.Н. Корецкой

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 1.5, части 1 статьи 2.1, части 1 статьи 15.6, пункта 1 части 1, части 3 статьи 28.1 и примечания к этой статье КоАП Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Н.Н. Корецкой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем положения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К.В. Арановского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Гражданка Н.Н. Корецкая оспаривает конституционность следующих положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях:

статьи 1.5, определяющей условия и правила действия презумпции невиновности в области административной ответственности;

части 1 статьи 2.1, закрепляющей, что административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое этим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность;

части 1 статьи 15.6, согласно которой непредставление в установленный законодательством о налогах и сборах срок либо отказ от представления в налоговые органы, таможенные органы оформленных в установленном порядке документов и (или) иных сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, а равно представление таких сведений в неполном объеме или в искаженном виде влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от ста до трехсот рублей, а на должностных лиц – от трехсот до пятисот рублей;

пункта 1 части 1, части 3 статьи 28.1 и примечания к этой статье, в соответствии с которыми в случае непосредственного обнаружения должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, в ходе проведения проверки при осуществлении государственного контроля (надзора) или муниципального контроля дело об административном правонарушении может быть возбуждено после оформления акта о проведении такой проверки.

1.1. По результатам мероприятий налогового контроля налоговый орган пришел к выводу, что ОАО «Соликамский магниевый завод» (далее также – организация), будучи налоговым агентом, не выполнило обязанность по представлению в установленный срок сведений о доходах физического лица за 2017 год, чем допустило правонарушение, которое не позволило налоговому органу эффективно осуществить контроль за соблюдением налогового законодательства. В связи с этим 22 октября 2018 года налоговым органом был составлен акт, а 11 декабря 2018 года – принято решение о привлечении организации к ответственности в виде штрафа за совершение налогового правонарушения, предусмотренного пунктом 1 статьи 126 Налогового кодекса Российской Федерации, с чем согласился вышестоящий налоговый орган.

Это решение признал недействительным Арбитражный суд Пермского края решением от 29 апреля 2019 года, которое суд апелляционной инстанции оставил без изменения. Суды посчитали, что представление налоговому органу в установленный срок справки по форме 2-НДФЛ с признаком «2» в соответствии с пунктом 5 статьи 226 Налогового кодекса Российской Федерации не освобождало организацию как налогового агента от обязанности своевременно представить также и справку по форме 2-НДФЛ с признаком «1» в отношении того же физического лица во исполнение пункта 2 статьи 230 этого Кодекса. Вместе с тем справка с признаком «2» содержала все необходимые сведения, подлежащие указанию в справке с признаком «1», при том что и с этим признаком справка впоследствии была представлена организацией по предложению налогового органа – хотя и за пределами установленного срока, но с тем же содержанием, как и ранее представленная справка с признаком «2», т.е. без новых сведений в отношении налогоплательщика. Имея это в виду, суды заключили, что представление требуемых сведений в действительности состоялось и что оно в таком виде не препятствовало налоговому органу сопоставить полученные данные с информацией, указанной в декларации по форме 6-НДФЛ за 2017 год.

Применительно к тем же обстоятельствам 29 ноября 2018 года в отношении начальника бюро главной бухгалтерии ОАО «Соликамский магниевый завод» Н.Н. Корецкой составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 15.6 КоАП Российской Федерации. Мировой судья, исследовав в том числе названные выше акт, составленный по итогам мероприятий налогового контроля, и решение о привлечении организации к ответственности за налоговое правонарушение, посчитал установленным, что Н.Н. Корецкая, обязанная по должностной инструкции представлять в налоговые органы сведения о доходах и удержаниях налога на доходы физических лиц с работников организации, не представила в нарушение пункта 2 статьи 230 Налогового кодекса Российской Федерации в надлежащий срок налоговому органу сведения, необходимые для осуществления налогового контроля, а именно справку по форме 2-НДФЛ с признаком «1». Постановлением от 15 февраля 2019 года мировой судья признал Н.Н. Корецкую виновной в административном правонарушении и наложил штраф в размере трехсот рублей, с чем 26 марта 2019 года согласился судья Соликамского городского суда Пермского края.

Заместитель председателя Пермского краевого суда постановлением от 27 мая 2019 года оставил оба судебных акта без изменения, полагая, что направление справки о доходах физического лица за 2017 год с признаком «2» во исполнение пункта 5 статьи 226 Налогового кодекса Российской Федерации не освобождало Н.Н. Корецкую от обязанности, закрепленной пунктом 2 статьи 230 этого Кодекса, представить в установленный срок аналогичную справку с признаком «1» несмотря на идентичность сведений в обеих справках, поскольку справка с признаком «1» необходима для осуществления налогового контроля за правильностью исчисления, удержания и перечисления налогов налоговыми агентами. Ссылка на признанную арбитражным судом недействительность решения налогового органа о привлечении организации к ответственности за налоговое правонарушение отклонена с указанием на то, что выводы арбитражного суда не имеют преюдициального значения в деле о привлечении Н.Н. Корецкой к ответственности по части 1 статьи 15.6 КоАП Российской Федерации.

Впоследствии судья Верховного Суда Российской Федерации постановлением от 28 октября 2019 года также отказал в пересмотре судебных актов в отношении Н.Н. Корецкой, отметив, что возможность освобождения от налоговой ответственности, предусмотренной пунктом 1 статьи 126 Налогового кодекса Российской Федерации за непредставление в установленный срок налоговым агентом в налоговые органы документов и сведений, требуемых этим Кодексом и иными актами законодательства о налогах и сборах, не исключает правомерного привлечения должностного лица к административной ответственности по части 1 статьи 15.6 КоАП Российской Федерации за непредставление в установленный законодательством о налогах и сборах срок в налоговые органы оформленных в надлежащем порядке документов и сведений, необходимых для осуществления налогового контроля. Судья подчеркнул и то, что основанием возбуждения дела об административном правонарушении в отношении Н.Н. Корецкой явилось, вопреки ее доводам, не решение налогового органа, а непосредственное обнаружение данных о событии административного правонарушения должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях (пункт 1 части 1 статьи 28.1 КоАП Российской Федерации).

1.2. По мнению Н.Н. Корецкой, оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 49, 50 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку допускают возможность привлечения к административной ответственности в отсутствие допустимых доказательств и достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, а также при недоказанности вины в таком правонарушении.

Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение прав и свобод граждан проверяет конституционность положений нормативного акта, если имеются признаки нарушения прав и свобод заявителя в результате применения оспариваемых норм в деле с его участием. Между тем статья 1.5, часть 1 статьи 2.1, пункт 1 части 1, часть 3 статьи 28.1 и примечание к ней КоАП Российской Федерации, закрепляя принцип презумпции невиновности, понятие административного правонарушения, поводы и порядок возбуждения дела об административном правонарушении, носят гарантийный характер, не предполагают произвольного применения и сами по себе не могут расцениваться как нарушающие конституционные права и свободы Н.Н. Корецкой. Следовательно, ее жалоба в части оспаривания их конституционности не отвечает критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, а потому в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению.

Таким образом, часть 1 статьи 15.6 КоАП Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования и в истолковании правоприменительной практикой эта норма допускает привлечение должностного лица организации – налогового агента к административной ответственности за непредставление в установленный законодательством о налогах и сборах срок в налоговые органы документов и сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, если во вступившем в законную силу решении арбитражного суда действия (бездействие) организации – налогового агента, обусловленные действиями (бездействием) ее должностного лица, не получили правовую квалификацию в качестве налогового правонарушения в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации.

...

4. ... Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным и обоснованным по итогам судебного исследования постановить в защиту и во избежание нарушений Конституции Российской Федерации, ее статей 1 (часть 1), 10, 18, 46 (часть 1) и 49 (часть 3), что при истолковании и применении части 1 статьи 15.6 КоАП Российской Федерации в отношении ответственных должностных лиц организаций, имеющих статус налоговых агентов, суды должны обеспечивать надлежащую оценку и учет всех обстоятельств конкретного дела, поскольку из них может следовать отсутствие достаточных оснований для привлечения такого лица к административной ответственности, в том числе в случае, когда необходимые для осуществления налогового контроля сведения фактически были представлены налоговому органу. Это предполагает, что, если во вступившем в законную силу судебном акте действия (бездействие) организации – налогового агента, обусловленные соответствующими действиями (бездействием) ее должностного лица, не получили правовую квалифи-

кацию в качестве налогового правонарушения в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, правоприменительные органы обязаны при наличии на то причин специально обосновать возможность применения этой нормы – с учетом указанного обстоятельства – в отношении такого должностного лица.

Федеральный законодатель, однако, не лишен возможности внести в действующее правовое регулирование уточнения применительно к порядку привлечения организаций – налоговых агентов, а также должностных лиц – работников таких организаций к налоговой и административной ответственности с учетом задач и реального назначения соответствующего законодательства, призванного обеспечивать исполнение одной публичной обязанности, а именно обязанности по представлению нормативно определенных документов и сведений для целей исчисления и уплаты законно установленных налогов и сборов.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть 1 статьи 15.6 КоАП Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку, закрепляя основания административной ответственности за предусмотренные ею деяния в виде непредставления в определенный законодательством о налогах и сборах срок либо отказ от представления в налоговые органы оформленных в установленном порядке документов и (или) иных сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, а равно за представление таких сведений в неполном объеме или в искаженном виде, эта норма по своему конституционно-правовому смыслу предполагает, что, если во вступившем в законную силу судебном акте действия (бездействия) организации – налогового агента, обусловленные соответствующими действиями (бездействием) ее должностного лица, не получили правовую квалификацию в качестве налогового правонарушения в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, правоприменительные органы обязаны при наличии на то причин специально обосновать возможность применения этой нормы – с учетом указанного обстоятельства – в отношении такого должностного лица.

2. Конституционно-правовой смысл части 1 статьи 15.6 КоАП Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные акты по делу гражданки Корецкой Натальи Николаевны, вынесенные на основании части 1 статьи 15.6 КоАП Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности статьи 1.5, части 1 статьи 2.1, пункта 1 части 1, части 3 статьи 28.1 и примечания к этой статье КоАП Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 13 апреля 2021 г. № 13-П

по делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки А.И. Тихомоловой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем положения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В. Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Часть третья статьи 249 «Участие потерпевшего» УПК Российской Федерации устанавливает, что по уголовным делам частного обвинения неявка потерпевшего в суд без уважительных причин влечет за собой прекращение уголовного дела по

основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой его статьи 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела», т.е. за отсутствием в деянии состава преступления. Согласно пункту 2 статьи 254 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в судебном заседании» данного Кодекса, если обвинитель отказывается от обвинения в соответствии с частью третьей его статьи 249, суд прекращает уголовное дело в судебном заседании. Часть же вторая статьи 27 «Основания прекращения уголовного преследования» данного Кодекса не обязывает учитывать возражения обвиняемого для прекращения уголовного преследования за отсутствием в деянии состава преступления.

Конституционность приведенных норм в числе других положений данного Кодекса, а именно статьи 22, части третьей статьи 246, статьи 256 и части четвертой статьи 321, оспаривает гражданка А.И. Тихомолова, производство по уголовному делу которой возобновлено постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2018 года ввиду нового обстоятельства – вынесения по ее жалобе Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2018 года № 36-П; ранее принятые судебные решения отменены, дело направлено на новое судебное рассмотрение. Постановлением мирового судьи от 20 сентября 2019 года уголовное дело по обвинению А.И. Тихомоловой в преступлении, предусмотренном частью первой статьи 116 «Побои» УК Российской Федерации, прекращено за отсутствием в деянии состава преступления в связи с неявкой без уважительных причин частного обвинителя. С таким решением согласились вышестоящие суды (апелляционное постановление районного суда от 11 февраля 2020 года, кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 сентября 2020 года и постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2020 года). При этом суды не сочли заслуживающими внимания доводы заявительницы о том, что в ее деле отсутствует само событие преступления и что производство по делу должно быть продолжено вплоть до постановления оправдательного приговора.

Заявительница утверждает, что оспариваемые ею нормы противоречат статьям 15, 17–19, 21, 23, 45, 46, 49, 52, 55, 118 и 123 Конституции Российской Федерации, поскольку позволяют в связи с неявкой частного обвинителя прекратить уголовное дело за отсутствием в деянии состава преступления без рассмотрения по существу доводов подсудимого об отсутствии события преступления и нарушают тем самым ее право на судебную защиту. Между тем статья 22, часть третья статьи 246, статья 256 и часть четвертая статьи 321 УПК Российской Федерации регламентируют право потерпевшего на участие в уголовном преследовании, на поддержание обвинения в судебном разбирательстве по уголовным делам частного обвинения, регулируют порядок вынесения определения и постановления суда и как таковые не могут расцениваться в качестве нарушающих права заявительницы в указанном ею аспекте. Соответственно, жалоба А.И. Тихомоловой в части оспаривания их конституционности не отвечает условиям допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, а потому производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, с учетом предписаний статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» пункт 2 части

первой статьи 24, часть вторая статьи 27, часть третья статьи 249 и пункт 2 статьи 254 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на основании этих норм в правоприменительной практике принимается решение о прекращении уголовного дела по такому основанию, как отсутствие в деянии состава преступления, при неявке частного обвинителя в суд без уважительных причин.

...

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать пункт 2 части первой статьи 24, часть вторую статьи 27, часть третью статьи 249 и пункт 2 статьи 254 УПК Российской Федерации не соответствующими статьям 17 (часть 3), 19 (часть 1), 46 (часть 1), 49 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой на их основании в системе действующего правового регулирования неявка частного обвинителя в суд без уважительных причин влечет применение такого основания для прекращения уголовного дела, как отсутствие в деянии состава преступления.

2. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности статьи 22, части третьей статьи 246, статьи 256 и части четвертой статьи 321 УПК Российской Федерации.

3. Федеральному законодателю надлежит – исходя из предписаний Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Впредь до внесения в законодательство необходимых изменений неявка потерпевшего по делу частного обвинения в суд без уважительных причин является основанием для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отсутствием события преступления (пункт 1 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации).

4. Правоприменительные решения по делу гражданки Тихомоловой Анны Ильиничны, вынесенные на основании пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 249 и пункта 2 статьи 254 УПК Российской Федерации, признанных настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке в соответствии с абзацем вторым пункта 3 резолютивной части настоящего Постановления.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 8 апреля 2021 г. № 11-П

по делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса
Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 116.1 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Л.Ф. Саковой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В. Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В соответствии со статьей 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» УК Российской Федерации нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в его статье 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного его статьей 116 «Побои», лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за пери-

од до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо арестом на срок до трех месяцев.

1.1. Конституционность приведенной нормы оспаривает гражданка Л.Ф. Сакова, которой, согласно представленным материалам, неоднократно наносил побои ее брат С., проживающий с ней в одном доме.

Так, за нанесение 10 марта 2018 года побоев Л.Ф. Саковой Оренбургский районный суд Оренбургской области постановлением от 17 сентября 2018 года (вступило в силу 12 октября 2018 года) привлек С. к административной ответственности по статье 6.1.1 «Побои» КоАП Российской Федерации, назначив наказание в виде штрафа в размере пять тысяч рублей. Приговором того же суда от 28 мая 2019 года (вступил в силу 8 июня 2019 года) С. признан виновным в совершении одного преступления, предусмотренного частью первой статьи 115 УК Российской Федерации, и двух преступлений, предусмотренных его статьей 116.1. По совокупности преступлений назначено наказание в виде трехсот часов обязательных работ. Суд, среди прочего, установил, что 10 марта 2019 года С. вновь нанес Л.Ф. Саковой побои, которые причинили ей физическую боль, но не повлекли вреда здоровью.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 4 Оренбургского района Оренбургской области от 28 февраля 2020 года С. снова признан виновным в нанесении 16 октября 2019 года побоев Л.Ф. Саковой, что квалифицировано как административное правонарушение, предусмотренное статьей 6.1.1 КоАП Российской Федерации; назначено наказание в виде обязательных работ на срок сто часов. Принимая решение о привлечении к административной, а не уголовной ответственности, судья исходил из факта уплаты виновным административного штрафа, назначенного в 2018 году, 3 октября того же года, т.е. нанесение побоев 16 октября 2019 года имело место после истечения периода, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Представитель потерпевшей, считая необходимым привлечь С. к уголовной ответственности в связи с наличием неснятой и непогашенной судимости за аналогичные деяния, подал на постановление мирового судьи жалобу. Оставляя ее без удовлетворения, Оренбургский районный суд Оренбургской области в решении от 26 июня 2020 года указал, что действия С. не содержат признаков уголовно наказуемого деяния и не подлежат квалификации по статье 116.1 УК Российской Федерации, в том числе поскольку к моменту их совершения 16 октября 2019 года он еще не был привлечен к административной ответственности за нанесение побоев, учиненное 5 октября 2019 года.

1.2. По мнению Л.Ф. Саковой, статья 116.1 УК Российской Федерации противоречит статьям 19, 21 и 52 Конституции Российской Федерации, поскольку не обеспечивает эффективной защиты от домашнего насилия и не позволяет привлечь к уголовной ответственности за побои (при отсутствии признаков, указанных в статье 116 данного Кодекса) лицо, имеющее неснятую и непогашенную судимость по оспариваемой статье.

Согласно статье 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пункту 3 части первой статьи 3, статьям 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе на нарушение конституционных прав и свобод проверяет конституционность в том числе федерального закона, примененного в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства су-

дебной защиты. Причем они могут быть признаны исчерпанными и в случае, если наличествуют указанные в пункте 3 статьи 97 данного Федерального конституционного закона свидетельства того, что иное применение оспариваемого нормативного акта, чем имевшее место в конкретном деле, не предполагается.

Хотя Л.Ф. Сакова представила только решения судов первой и второй инстанций, однако статья 116.1 УК Российской Федерации ни по своему буквальному смыслу, ни по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, не допускает возложения уголовной ответственности на лицо, совершившее описанное в ней деяние после того, как истек установленный статьей 4.6 КоАП Российской Федерации срок, в течение которого такое лицо считалось подвергнутым административному наказанию, даже при наличии у него неснятой и непогашенной судимости за аналогичные деяния. Принимая это во внимание, Конституционный Суд Российской Федерации полагает исчерпанными внутригосударственные средства судебной защиты прав заявительницы как потерпевшей, поскольку иное применение названной статьи уголовного закона, нежели имевшее место в ее деле, не предполагается.

Следовательно, с учетом предписаний Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» статья 116.1 УК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос об ответственности за нанесение побоев лицом, имеющим судимость за предусмотренное в ней деяние.

6. ...

Вместе с тем, по смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 11 декабря 2014 года № 32-П и от 25 апреля 2018 года № 17-П, непосредственное включение его решением в текст уголовного закона положений, определяющих преступность и наказуемость деяния или усиливающих ответственность, противоречило бы природе Конституционного Суда Российской Федерации. Потому отнесение к субъектам преступления, предусмотренного статьей 116.1 УК Российской Федерации, лиц, имеющих судимость за это или аналогичное по объективным признакам преступление, требует законодательного решения во исполнение настоящего Постановления.

Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом настоящего Постановления – внести в Уголовный кодекс Российской Федерации изменения, обеспечивающие устранение выявленных в настоящем Постановлении неконституционных аспектов правового регулирования уголовной ответственности за побои. Этим не исключается правомочие федерального законодателя устанавливать – с соблюдением вытекающих из принципов равенства и справедливости требований соразмерности уголовно-правовых и иных последствий совершенного преступного деяния, его тяжести, учитывая как повторность совершения преступления, так и общественную опасность ранее совершенного преступления, – особенности составов преступлений, где побои выступают составообразующим признаком.

Поскольку признание статьи 116.1 УК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации в обозначенном аспекте касается ответственности за предусмотренное в ней преступление специальных субъектов – лиц, совершивших аналогичные деяния и имеющих неснятую и непогашенную судимость за них, такое решение не означает декриминализации предусмотренно-

го в ней преступления настоящим Постановлением и не предполагает утраты ею юридической силы. В качестве последствия принятия настоящего Постановления невозможность до внесения необходимых изменений в данный Кодекс привлечь к уголовной ответственности лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, если и способствовала бы реализации принципов справедливости и равенства в применимых правоотношениях, но в то же время снизила бы достигнутый уровень уголовно-правовой превенции насилия, охраны жизни и здоровья граждан.

Осуществляя правовое регулирование ответственности за побои с учетом настоящего Постановления, федеральный законодатель обязан также установить дополнительный компенсаторный механизм для потерпевших, в делах которых – с момента вступления в силу настоящего Постановления и до введения в действие вытекающих из него законодательных изменений – статья 116.1 УК Российской Федерации будет применена в том аспекте, в котором она была предметом оценки Конституционного Суда Российской Федерации и признана не соответствующей Конституции Российской Федерации.

Поскольку – исходя из конституционного принципа недопустимости придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность, – настоящее Постановление не может быть использовано для пересмотра дела заявительницы, Конституционный Суд Российской Федерации считает возможным, руководствуясь частью четвертой статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», постановить, что Л.Ф. Сакова имеет право на применение компенсаторных механизмов в связи с правоприменительными решениями, основанными в ее деле на статье 116.1 УК Российской Федерации. Форма и размер справедливой компенсации (принимая во внимание в том числе характер и степень ущемления прав заявительницы), а также основания для ее применения определяются мировым судьей судебного участка № 4 Оренбургского района Оренбургской области как рассмотревшим в первой инстанции конкретное дело, в котором применено оспоренное в Конституционном Суде Российской Федерации законоположение.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать статью 116.1 УК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 21, 45 (часть 1), 52 и 55 (часть 3), в той мере, в какой она не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту права на личную неприкосновенность и права на охрану достоинства личности от насилия в случае, когда побои нанесены или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, совершены лицом, имеющим судимость за предусмотренное в этой статье или аналогичное по объективным признакам преступление, ведет к неоправданным различиям между пострадавшими от противоправных посягательств, ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее законодательство необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

3. Впредь до внесения федеральным законодателем в правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, сохраняет силу действующая редакция статьи 116.1 УК Российской Федерации.

4. Гражданка Сакова Людмила Федоровна имеет право на обращение в суд за применением компенсаторных механизмов в связи с принятыми в ее деле правоприменительными решениями, основанными на статье 116.1 УК Российской Федерации. Форма и размер компенсации, а также наличие оснований для ее применения, в соответствии с пунктом 6 мотивировочной части настоящего Постановления, определяются мировым судьей судебного участка № 4 Оренбургского района Оренбургской области как рассмотревшим в первой инстанции конкретное дело, в котором применено оспоренное в Конституционном Суде Российской Федерации законоположение.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 6 апреля 2021 г. № 10-П

по делу о проверке конституционности части 4 статьи 14.13
Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях
в связи с жалобой гражданина В.А. Вострикова

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 4 статьи 14.13 КоАП Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.А. Вострикова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.Д. Князева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно части 4 статьи 14.13 «Неправомерные действия при банкротстве» КоАП Российской Федерации незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего, конкурсного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации, в том числе несвоевременное предоставление, уклонение или отказ от передачи арбитражному управляющему, конкурсному управляющему либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации сведений и (или) документов, необходимых для испол-

нения возложенных на них обязанностей, и (или) имущества, принадлежащего юридическому лицу, в том числе кредитной или иной финансовой организации, в случаях, когда функции руководителя юридического лица, в том числе кредитной или иной финансовой организации, возложены соответственно на арбитражного управляющего, конкурсного управляющего и руководителя временной администрации кредитной или иной финансовой организации, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемых деяний, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок от шести месяцев до одного года.

1.1. Конституционность данной нормы оспаривается гражданином В.А. Востриковым, являвшимся директором ООО «Зеясервис», в отношении которого определением Арбитражного суда Амурской области от 21 января 2019 года была введена процедура наблюдения сроком до 20 мая 2019 года. Этим же судебным актом утвержден временный управляющий, а на В.А. Вострикова возложена обязанность не позднее пятнадцати дней с даты утверждения временного управляющего предоставить ему бухгалтерские и иные документы, отражающие экономическую деятельность должника за три года до введения наблюдения.

8 апреля 2019 года временный управляющий ООО «Зеясервис» обратился в Арбитражный суд Амурской области с заявлением о наложении на В.А. Вострикова судебного штрафа за неисполнение судебного акта арбитражного суда, выразившееся в непредоставлении временному управляющему необходимых документов, т.е. невыполнении в установленные законом сроки обязанности, предусмотренной пунктом 3.2 статьи 64 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и возложенной на него определением Арбитражного суда Амурской области от 21 января 2019 года. По результатам рассмотрения указанного заявления определением Арбитражного суда Амурской области от 23 мая 2019 года в соответствии со статьями 119, 120 и 332 АПК Российской Федерации на В.А. Вострикова был наложен судебный штраф в размере двух тысяч пятисот рублей.

23 мая 2019 года в отношении В.А. Вострикова прокурором Зейского района Амурской области за уклонение от предоставления временному управляющему ООО «Зеясервис» бухгалтерских и иных документов, отражающих экономическую деятельность должника за три года до введения наблюдения, было возбуждено производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 14.13 КоАП Российской Федерации. Решением Арбитражного суда Амурской области от 9 июля 2019 года (оставлено без изменения постановлением Шестого арбитражного апелляционного суда от 16 сентября 2019 года и постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29 января 2020 года) были удовлетворены требования районного прокурора, заявитель был признан виновным в совершении вмененного ему административного правонарушения с назначением административного наказания в виде административного штрафа в размере сорока тысяч рублей. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2020 года в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано.

Вывод о наличии в действиях (бездействии) В.А. Вострикова состава административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 14.13 КоАП Рос-

сийской Федерации, был обоснован тем, что, вопреки требованиям, содержащимся в пункте 3.2 статьи 64 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и воспроизведенным в определении Арбитражного суда Амурской области от 21 января 2019 года, которым в отношении ООО «Зеясервис» была введена процедура наблюдения, он в установленный законом и определением суда срок не предоставил временному управляющему необходимых бухгалтерских и иных документов, чем незаконно воспрепятствовал деятельности арбитражного управляющего. При этом арбитражным судом был отвергнут довод заявителя о невозможности привлечения его к административной ответственности, поскольку за непредоставление указанных документов ему уже был назначен судебный штраф, что исключало в отношении него назначение административного наказания. Суды, в частности, указали, что наложение судебного штрафа за неисполнение судебного акта арбитражного суда не является административной ответственностью и не препятствует возможности ее наступления; противоправное бездействие В.А. Вострикова посягает не только на отношения, связанные с соблюдением требований законодательства о банкротстве (административная ответственность), но и на отношения, связанные с обязанностью исполнения судебного акта арбитражного суда (ответственность, предусмотренная Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации); заявителем совершены два самостоятельных правонарушения, отличающиеся объектом посягательства и имеющие разные признаки объективной стороны правонарушения.

1.2. В силу статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого нормативного акта в конкретном деле с его участием, при разрешении которого исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли оспариваемый нормативный акт Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов.

По мнению В.А. Вострикова, действующее правовое регулирование не содержит специальных норм, определяющих соотношение мер ответственности, предусмотренных статьей 332 АПК Российской Федерации и частью 4 статьи 14.13 КоАП Российской Федерации, чем не исключает возможности привлечения к административной ответственности, установленной частью 4 статьи 14.13 КоАП Российской Федерации, должностного лица, ранее уже подвергнутого ответственности по статье 332 АПК Российской Федерации за неисполнение в установленный законом срок обязанности, предусмотренной пунктом 3.2 статьи 64 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», несмотря на то, что основанием обоих видов ответственности выступает одно деяние, совершенное при одних и тех

же фактических обстоятельствах. В связи с этим он просит признать часть 4 статьи 14.13 КоАП Российской Федерации противоречащей статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой данное законоположение по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, позволяет привлекать к административной ответственности должностных лиц, ранее подвергнутых за нарушение обязанности, предусмотренной пунктом 3.2 статьи 64 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», судебному штрафу за неисполнение судебного акта арбитражного суда в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации.

Не будучи связанным основаниями и доводами, изложенными в обращении (часть третья статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), Конституционный Суд Российской Федерации тем не менее рассматривает дело в порядке конкретного нормоконтроля именно в связи с применением оспариваемой нормы в конкретном деле, которым по смыслу положений статей 96 и 97 названного Федерального конституционного закона является то дело, в котором судом в установленной процедуре разрешается вопрос о правах и свободах заявителя на основе положений соответствующего закона (иного нормативного акта), устанавливаются и (или) исследуются фактические обстоятельства, и в результате его применения имеются признаки нарушения прав и свобод заявителя. Исходя из презумпции конституционности правовых актов и с учетом того, что, как следует из представленных судебных решений, в правоприменительной ситуации заявителя правовой спор, по существу, касался только возможности назначения административного штрафа, предусмотренного Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, после предшествующего применения судебного штрафа, установленного Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу не может служить решение вопроса о наличии в деянии, выразившемся в непредоставлении временному управляющему в установленный срок соответствующих документов, состава административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 14.13 КоАП Российской Федерации.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу часть 4 статьи 14.13 КоАП Российской Федерации является постольку, поскольку в системе действующего правового регулирования, прежде всего во взаимосвязи с положениями статей 119, 120 и 332 АПК Российской Федерации, на ее основании разрешается вопрос о возможности привлечения руководителя должника к административной ответственности за незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего и наложения на него судебного штрафа за неисполнение судебного акта арбитражного суда в случае неисполнения им установленной законом и воспроизведенной в определении арбитражного суда о введении наблюдения обязанности предоставить временному управляющему бухгалтерские и иные документы, отражающие экономическую деятельность должника за три года до введения наблюдения.

...

На основании изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть 4 статьи 14.13 КоАП Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в ней положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, прежде всего во взаимосвязи с положениями статей 119, 120 и 332 АПК Российской Федерации, во всяком случае не предполагают за неисполнение руководителем должника установленной законом и воспроизведенной в определении арбитражного суда о введении наблюдения обязанности предоставить временному управляющему бухгалтерские и иные документы, отражающие экономическую деятельность должника за три года до введения наблюдения, применения к нему в связи с одним и тем же деянием и административной ответственности за незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего, и судебного штрафа за неисполнение судебного акта арбитражного суда.

2. Выявленный конституционно-правовой смысл части 4 статьи 14.13 КоАП Российской Федерации является общеобязательным, что исключает ее применение либо реализацию каким-либо иным способом в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении истолкованием.

3. Определение Арбитражного суда Амурской области о наложении на гражданина Вострикова Владимира Алексеевича судебного штрафа за неисполнение судебного акта арбитражного суда подлежит пересмотру в установленном порядке, поскольку при его вынесении и последующем привлечении заявителя к административной ответственности в соответствии с частью 4 статьи 14.13 КоАП Российской Федерации данной норме было придано значение, расходящееся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня его официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 4 марта 2021 г. № 5-П

по делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова

(Извлечение)

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 159 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.В. Калугарова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М. Казанцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В части первой статьи 159 УК Российской Федерации установлена уголовная ответственность за мошенничество, т.е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

1.1. Конституционность приведенного законоположения оспаривает гражданин В.В. Калугаров, который обвинялся в мошенничестве, а именно в хищении чужого имущества путем обмана. Ему инкриминировалось, что, приобретя квартиру за счет средств федерального бюджета, он (через своего представителя по доверенности) представил в инспекцию ФНС России по городу Волжскому Волгоградской области две налоговые декларации по налогу на доходы физических лиц (форма 3-НДФЛ) за

2015 и 2016 годы с заявлением о предоставлении имущественных налоговых вычетов в общей сумме 94241 руб., на получение которых он не имел права, будучи участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

Приговором Волгоградского гарнизонного военного суда от 16 октября 2018 года В.В. Калугаров по предъявленному обвинению осужден и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 50 тыс. руб. Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда от 24 декабря 2018 года приговор оставлен без изменения. Установлено, что подсудимый действительно представил договор купли-продажи, кредитный договор и сообщил, что жилое помещение приобретено «по военной ипотеке», однако не уточнил, что расходов из личных сбережений он не понес. По мнению судов, он не мог заблуждаться относительно правомерности своих действий с учетом положения пункта 5 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации, в силу которого ему не положен имущественный налоговый вычет, поскольку жилое помещение приобретено им за счет средств бюджетной системы Российской Федерации, а не за счет собственных средств. Утверждение же, что он 3 мая 2018 года добровольно, до возбуждения уголовного дела возместил незаконно полученные денежные средства в полном объеме, также не повлияло на решения судов, поскольку рассматриваемые мошеннические действия были установлены в апреле 2018 года, после его объяснений прокурору в ходе проводившейся проверки.

По тем же мотивам судья Северо-Кавказского окружного военного суда отказал в передаче кассационной жалобы стороны защиты на указанные решения для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (постановление от 18 апреля 2019 года). Нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов при вынесении приговора не нашел и судья Верховного Суда Российской Федерации (постановление от 2 августа 2019 года), с чем согласился заместитель Председателя того же суда (письмо от 23 декабря 2019 года).

1.2. По мнению В.В. Калугарова, часть первая статьи 159 УК Российской Федерации противоречит статьям 18 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку позволяет привлечь действовавшего добросовестно налогоплательщика к уголовной ответственности, возлагая лишь на него одного, не имеющего специального образования, ответственность за ошибочные решения налоговых органов о предоставлении ему налогового вычета.

В силу статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод гражданина в результате применения оспариваемого нормативного акта в конкретном деле с его участием, рассмотрение которого завершено в суде, и что обнаружилась неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации. При этом Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Таким образом, часть первая статьи 159 УК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на ее основании решается вопрос о признании уголовно наказуемыми (мошенничеством) деяний, связанных с подачей налогоплательщиком налоговой декларации по налогу на доходы физических лиц в налоговые органы для получения имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, когда налоговым органом подтверждено, но в дальнейшем опровергнуто наличие у налогоплательщика права на такой вычет.

...

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть первую статьи 159 УК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не предполагает возложения уголовной ответственности за необоснованное обращение налогоплательщика в налоговый орган с целью реализации права на получение имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, в случае когда налоговым органом подтверждено, а в дальнейшем опровергнуто у него право на такой вычет, если налогоплательщик представил в налоговый орган предусмотренные законодательством документы, не содержащие признаков подделки или подлога, достаточные при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа для отказа в предоставлении соответствующего налогового вычета, и не совершил каких-либо других действий (бездействия), специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом неверного решения в пользу налогоплательщика.

2. Конституционно-правовой смысл части первой статьи 159 УК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении применительно к уголовной ответственности за деяния, сопряженные с обращением в налоговый орган для получения имущественного налогового вычета в связи с приобретением жилого помещения, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Калугарова Владислава Викторовича, основанные на части первой статьи 159 УК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Информация по делу № 33а-2549/2021

Уникальный идентификатор дела: 77RS0007-02-2020-005526-57

Номер дела: 33а-2549/2021

Стороны: Административный истец: Трунов И.Л.

Административный ответчик: Министерство юстиции Российской Федерации

Дата поступления дела в апелляционную инстанцию: 18.06.2021

Дата окончания: 23.06.2021

Номер судебного состава: 2

Номер дела в суде нижестоящей инстанции: 02а-1638/2020

Суд: первой инстанции, судья Замоскворецкий районный суд (Рубцова Н.В.)

Категория дела: 201 – Прочие (возникающие из административных и иных публичных правоотношений)

Результат рассмотрения: Оставить судебное постановление без изменения, жалобу без удовлетворения, 23.06.2021

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СУД

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 23 июня 2021 года по делу № 33а-2549/2021

Судья: (ф.и.о).

Судебная коллегия по административным делам Московского городского суда в составе председательствующего В.В. Ставича,

судей (ф.и.о., ф.и.о.),

при секретаре А.А. Аликсиной, рассмотрела в открытом судебном заседании по докладу судьи В.В. Ставича дело по апелляционной жалобе административно-го истца ф.и.о. на решение Замоскворецкого районного суда адрес от 25 декабря 2020 года, которым отказано в удовлетворении административного иска (ф.и.о.) к Министерству юстиции Российской Федерации о признании незаконным отказа в государственной регистрации профсоюзной организации,

УСТАНОВИЛА:

И.Л. Трунов обратился в суд с административным иском заявлением о признании незаконным решения Министерства юстиции России от 20 ноября 2020 года об отказе в государственной регистрации Всероссийского независимого профессионального союза адвокатов, полагая незаконным вывод Министерства о том, что Устав профсоюза и другие представленные документы противоречат законодательству Российской Федерации, целям и задачам профессиональных союзов.

Требования мотивированы тем, что регистрация профсоюза носит уведомительный характер, поэтому Министерство не могло отказать в его регистрации.

Судом постановлено указанное выше решение, об отмене которого просит административный истец И.Л. Трунов, ссылаясь на международный опыт создания и функционирования профессиональных союзов адвокатов, на допущенную в отношении адвокатов дискриминацию.

В заседании судебной коллегии представитель административного истца (ф.и.о.) – адвокат (ф.и.о.) доводы апелляционной жалобы поддержала.

Судебная коллегия на основании ст. 150, ст. 152 КАС РФ сочла возможным рассмотреть дело в отсутствие административного ответчика, извещённого о времени и месте судебного заседания.

Проверив материалы дела, выслушав представителя административного истца, обсудив доводы жалобы, судебная коллегия не находит оснований к изменению или отмене обжалуемого решения, постановленного в соответствии с фактическими обстоятельствами дела и требованиями действующего законодательства.

Частями 9, 11 ст. 226 КАС РФ установлено, что если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, при рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, суд выясняет:

1) нарушены ли права, свободы и законные интересы административного истца или лиц, в защиту прав, свобод и законных интересов которых подано соответствующее административное исковое заявление;

2) соблюдены ли сроки обращения в суд;

3) соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих:

а) полномочия органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, на принятие оспариваемого решения, совершение оспариваемого действия (бездействия);

б) порядок принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) в случае, если такой порядок установлен;

в) основания для принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия), если такие основания предусмотрены нормативными правовыми актами;

4) соответствует ли содержание оспариваемого решения, совершенного оспариваемого действия (бездействия) нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения.

Обязанность доказывания обстоятельств, указанных в пунктах 1 и 2 части 9 настоящей статьи, возлагается на лицо, обратившееся в суд, а обстоятельств, указанных в пунктах 3 и 4 части 9 и в части 10 настоящей статьи, – на орган, организацию, лицо, наделенные государственными или иными публичными полномочиями и принявшие оспариваемые решения либо совершившие оспариваемые действия (бездействие).

Как следует из материалов дела и установлено судом первой инстанции, 21 октября 2020 года в Министерство юстиции России поступили документы для государственной регистрации в качестве юридического лица Всероссийского независимого профессионального союза адвокатов.

20 ноября 2020 года И.Л. Трунов был уведомлен об отказе в государственной регистрации названного профсоюза на основании статьи 23 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», поскольку сведения, изложенные в Уставе организации, не позволяют сделать вывод о том, что данная организация является профсоюзом.

Разрешая спор по существу, суд первой инстанции пришел к выводу о законности отказа в государственной регистрации Всероссийского независимого профессионального союза адвокатов и поэтому в удовлетворении административного искового заявления отказал в полном объеме.

Данные выводы суда мотивированы, подтверждаются имеющимися в материалах дела доказательствами и оснований для признания их незаконными по доводам апелляционной жалобы не имеется.

Согласно п. 1 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 13 октября 2004 года № 1313, Министерство юстиции Российской Федерации (Минюст России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции регистрации некоммерческих организаций.

В силу статьи 23 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» в государственной регистрации общественного объединения может быть отказано по следующим основаниям:

1) если устав общественного объединения противоречит Конституции Российской Федерации и законодательству Российской Федерации;

2) если необходимые для государственной регистрации документы, предусмотренные настоящим Федеральным законом, представлены не полностью, либо оформлены в ненадлежащем порядке, либо представлены в ненадлежащий орган;

3) если выступившее в качестве учредителя общественного объединения лицо не может быть учредителем в соответствии с частью третьей статьи 19 настоящего Федерального закона;

4) если ранее зарегистрированное общественное объединение с тем же наименованием осуществляет свою деятельность в пределах той же территории;

5) если установлено, что в представленных учредительных документах общественного объединения содержится недостоверная информация;

6) если наименование общественного объединения оскорбляет нравственность, национальные и религиозные чувства граждан.

Отказ в государственной регистрации общественного объединения по мотивам нецелесообразности его создания не допускается.

В случае отказа в государственной регистрации общественного объединения заявителю сообщается об этом в письменной форме с указанием конкретных положений Конституции Российской Федерации и законодательства Российской Федерации, нарушение которых повлекло за собой отказ в государственной регистрации данного объединения.

Правовые основы создания профсоюзов, их права и гарантии деятельности являются предметом регулирования Федерального закона от 12 января 1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности».

Согласно п. 1 ст. 2 этого же Закона профсоюз – добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов.

В ходе правовой экспертизы представленных документов выявлено, что представленный на регистрацию Устав Всероссийского независимого профессионального союза адвокатов, который противоречит законодательству Российской Федерации.

Так, изложенные в пп. 2.1.1, 2.2 Устава цели деятельности профсоюза по защите законных социально-трудовых прав и интересов адвокатов противоречит цели деятельности профсоюза, изложенной в статье 2 Федерального закона от 12 января 1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», а также установленному статьей 2 Федерального закона от 31 мая 2002 года

№ 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» запрету для адвокатов вступать в трудовые отношения в качестве работника. Такие цели не связаны с защитой социально-трудовых прав и интересов работников.

Подобное регулирование предопределено особым статусом адвоката как независимого профессионального советника по правовым вопросам (пункт 1 статьи 2 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), в то время как трудовые отношения возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (статья 16 ТК РФ).

Ссылка в апелляционной жалобе на статью 39 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», предусматривающую право адвокатов создавать общественные объединения адвокатов и (или) быть членами (участниками) общественных объединений адвокатов, вышеизложенной правовой позиции Министерства юстиции России не противоречит, так как профсоюзы являются отдельным видом общественных объединений, имеют особенности создания, которые предусмотрены специальным законом.

В то же время норма статьи 39 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не содержит условий, при которых адвокаты вправе создавать профессиональные союзы. Поэтому довод жалобы о дискриминации адвокатов по профессиональному признаку является несостоятельным.

Доводы апелляционной жалобы о том, что адвокаты, помимо своей профессиональной деятельности, имеют право заниматься преподавательской, научной или творческой деятельностью, также не свидетельствуют о неправильном применении судом норм материального права, поскольку И.Л. Труновым не испрашивалась регистрация профсоюза работников преподавательской, научной или творческой области.

Довод жалобы о том, что труд адвокатов подлежит оплате, в том числе и со стороны государства из средств федерального бюджета, по мнению судебной коллегии, не свидетельствует о возникновении трудовых отношений, даже не смотря на то, что законодатель упоминает слово «труд», исходя из статуса адвоката и характера поручения.

Другие доводы апелляционной жалобы не опровергают выводов суда, были предметом исследования судом первой инстанции и необоснованность их отражена в судебном решении с изложением соответствующих мотивов.

Поскольку решение принято судом при правильном применении норм материального права и с соблюдением норм процессуального права, оно является законным и обоснованным и отмене не подлежит.

Руководствуясь ст. 311 КАС РФ, судебная коллегия по административным делам Московского городского суда

ОПРЕДЕЛИЛА:

решение Замоскворецкого районного суда адрес от 25 декабря 2020 года оставить без изменения, апелляционную жалобу без удовлетворения.

Кассационная жалоба может быть подана через суд первой инстанции в течение шести месяцев во Второй кассационный суд общей юрисдикции и Верховный Суд России.

Председательствующий
Судьи

Международное право

Рекомендация Комитета Министров Совета Европы государствам-членам № R(2000)21

«О свободе осуществления профессии адвоката»

(принята на 727-м заседании представителей Министров
25 октября 2000 г.)

Комитет Министров Совета Европы в соответствии со статьей 15.b Устава Совета Европы,

принимая во внимание положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод,

принимая во внимание Основные принципы Организации Объединенных Наций о роли адвокатуры, утвержденные Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в декабре 1990 года,

принимая во внимание Рекомендацию Комитета Министров Совета Европы государствам-членам № R(94)12 «О независимости, эффективности и роли судей», принятую 13 октября 1994 г.,

подчеркивая основополагающую роль, которую адвокаты и профессиональные ассоциации адвокатов играют в обеспечении защиты прав человека и основных свобод,

стремясь содействовать свободе осуществления профессии адвоката для того, чтобы укрепить верховенство закона, в чем принимают участие адвокаты, в частности, защищая личные свободы,

сознавая необходимость создания справедливой системы правосудия, гарантирующей независимость адвокатов при исполнении ими своих профессиональных обязанностей без каких-либо неоправданных ограничений, влияния, побуждения, давления или угроз либо вмешательства, прямого или косвенного, со стороны любого лица и по любой причине,

сознавая желательность обеспечения надлежащего осуществления адвокатами их обязанностей и, в частности, необходимость получения адвокатами достаточной профессиональной подготовки и нахождения адвокатами соответствующего баланса между их обязанностями перед судами и по отношению к их клиентам,

учитывая, что доступ к правосудию может потребовать представления услуг адвокатов лицам, не имеющим достаточных средств,

рекомендует властям государств – членом Совета Европы принимать или усиливать, в зависимости от конкретных обстоятельств, все меры, которые они считают необходимыми для претворения в жизнь принципов, изложенных в настоящей Рекомендации.

Для целей настоящей Рекомендации «адвокат» означает лицо, квалифицированное и уполномоченное в соответствии с внутригосударственным законодательством, выступать в суде, действовать от имени своих клиентов, осуществлять юридическую практику, иметь доступ к суду или давать консультации и представлять своих клиентов в правовых вопросах.

Принцип I. Принципы, касающиеся свободы осуществления профессии адвоката

1. Следует принимать все необходимые меры для соблюдения, защиты и содействия развитию свободы осуществления профессии адвоката без дискриминации и какого-либо неоправданного вмешательства со стороны властей или общественности, в частности, с учетом соответствующих положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2. Решения, связанные с разрешением осуществлять профессию адвоката или иметь к ней доступ, должны приниматься независимым органом. В отношении данных решений были они приняты таким органом или нет, должна быть предусмотрена возможность их обжалования в независимом и беспристрастном суде.

3. Адвокатам должна быть предоставлена возможность пользоваться правами на свободу убеждения, свободу выражения своего мнения, перемещения, объединения в ассоциации и правом на свободу собраний и, в частности, иметь право участвовать в общественных дискуссиях по вопросам, относящимся к праву и отправлению правосудия, и предлагать реформы в области законодательства.

4. Адвокаты не должны подвергаться санкциям или угрозам применения санкций либо подвергаться какому-либо давлению, если они действуют в соответствии с их профессиональными кодексами поведения.

5. Адвокаты должны иметь доступ к своим клиентам, особенно к лицам, лишенным свободы, чтобы иметь возможность давать им консультации в ходе личной беседы и представлять их интересы в соответствии с их профессиональными кодексами поведения.

6. Следует принимать все необходимые меры для обеспечения соблюдения профессиональной тайны отношений между адвокатами и их клиентами. Исключения из данного правила могут быть допустимы только в том случае, если они совместимы с верховенством закона.

7. Адвокатам не может быть отказано в доступе в суд, где они привыкли работать, и они должны иметь доступ ко всем соответствующим делам, когда они защищают права и интересы своих клиентов в соответствии с их профессиональными кодексами поведения.

8. Все адвокаты, участвующие в одном и том же деле, должны пользоваться равным уважением со стороны суда.

Принцип II. Юридическое образование, повышение квалификации и доступ к профессии адвоката

1. Никому не должно быть отказано в получении юридического образования, в повышении квалификации и в доступе к профессии адвоката, в частности, по мотивам пола или сексуальной ориентации, расы, цвета кожи, религии, политических

или иных убеждений, этнического или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, благосостояния, рождения или физических недостатков.

2. Следует принимать все необходимые меры для того, чтобы гарантировать, что профессиональное юридическое образование и высокие моральные качества являются предварительными условиями для доступа к адвокатской профессии и повышения квалификации адвокатов.

3. Профессиональное юридическое образование, включая программы повышения квалификации, должны быть направлены на совершенствование правовых знаний, повышение знаний в области этических вопросов и прав человека и на подготовку адвокатов к соблюдению, защите и обеспечению прав и интересов их клиентов, а также способствовать надлежащему отправлению правосудия.

Принцип III. Роль и обязанности адвокатов

1. Ассоциации адвокатских палат или другие профессиональные объединения адвокатов должны разрабатывать профессиональные стандарты и кодексы поведения и обязаны гарантировать, что, защищая законные права и интересы своих клиентов, адвокаты будут действовать независимо, добросовестно и справедливо.

2. Адвокаты должны соблюдать профессиональную тайну в соответствии с внутригосударственным законодательством, регламентами и профессиональными стандартами. Любое нарушение этой тайны без согласия клиента должно влечь применение соответствующих санкций.

3. По отношению к своим клиентам адвокаты должны иметь следующие обязанности:

- a) консультировать их по поводу законных прав и обязанностей, а также вероятного исхода и последствий их дела, включая финансовые расходы;
- b) стремиться прежде всего разрешать дела по согласию сторон;
- c) принимать необходимые правовые меры для защиты, соблюдения и осуществления прав и интересов своих клиентов;
- d) предотвращать возникновение конфликтов интересов;
- e) не принимать на себя объем работы больший, чем они в состоянии выполнить.

4. Адвокаты должны уважать судебную власть и осуществлять свои обязанности в судах в соответствии с законодательством, иными нормами внутригосударственного права и профессиональными стандартами. Любой отказ адвоката от исполнения своих профессиональных обязанностей не должен причинять ущерба интересам клиентов или других лиц, нуждающихся в их помощи.

Принцип IV. Доступ любого лица к адвокату

1. Следует принимать все необходимые меры для обеспечения того, чтобы любое лицо имело реальный доступ к правовой помощи со стороны независимых адвокатов.

2. Адвокатов следует поощрять в оказании правовой помощи лицам, не имеющим необходимых финансовых средств.

3. Власти государств-членов обязаны, когда это необходимо для обеспечения реального доступа к правосудию, следить за тем, чтобы правовая помощь была до-

ступна лицам, не имеющим необходимых финансовых средств, в частности, лишенным свободы.

4. На обязанностях адвокатов по отношению к их клиентам не должно отражаться то обстоятельство, что они полностью или частично получают вознаграждение из публичных фондов.

Принцип V. Ассоциации адвокатов

1. Необходимо разрешать адвокатам и содействовать им в том, чтобы они создавали региональные, национальные или международные профессиональные ассоциации и становились их членами. Эти ассоциации должны в индивидуальном порядке, либо объединяясь, решать задачи по совершенствованию профессиональных стандартов и защите независимости и интересов адвокатов.

2. Адвокатские палаты или иные профессиональные ассоциации адвокатов должны быть автономными и независимыми от властей и общественности.

3. К роли адвокатских палат или иных профессиональных ассоциаций адвокатов в защите их членов и отстаивании их независимости от любых ограничений или неоправданных вмешательств необходимо относиться с уважением.

4. Адвокатские палаты или другие профессиональные ассоциации адвокатов должны поощряться к обеспечению независимости адвокатов, *inter alia*, посредством:

а) оказания поддержки и содействия защите интересов правосудия без каких-либо препятствий;

б) защиты роли адвокатов в обществе и, в частности, обеспечения уважения их чести, достоинства и неприкосновенности;

в) содействия участию адвокатов в системах, гарантирующих доступ к правосудию малоимущих лиц, в частности, путем оказания им судебной помощи и юридических консультаций;

г) развития и поддержки реформы права и дискуссий о действующем или предполагаемом законодательстве;

д) развития социальной защиты членов профессии и помощи им, а также их семьям, если этого требуют обстоятельства;

е) сотрудничества с адвокатами других стран для развития роли адвокатов, в частности, с учетом работы международных организаций адвокатов, а также международных межправительственных и неправительственных организаций;

ж) содействия достижению адвокатами максимально высокого уровня знаний и контроля за соблюдением ими профессиональных стандартов и дисциплины.

5. Адвокатские палаты или другие профессиональные ассоциации адвокатов должны принимать все необходимые меры, включая меры по защите интересов адвокатов в соответствующих органах, в случаях:

а) ареста или задержания адвоката;

б) принятия любого решения о возбуждении процедуры, ставящей под сомнение добросовестность адвоката;

в) любого личного обыска адвоката или принадлежащего ему имущества;

г) любого изъятия документов или предметов, находящихся у адвоката;

д) публикации в средствах массовой информации материалов, требующих реакции со стороны адвокатов.

Принцип VI. Дисциплинарные меры

1. Если кто-либо из адвокатов не соблюдает профессиональные стандарты своей профессии, содержащиеся в кодексах поведения, разработанных адвокатскими палатами или другими профессиональными ассоциациями адвокатов или в законодательстве, необходимо принимать соответствующие меры, в том числе возбуждать дисциплинарные разбирательства.

2. Адвокатские палаты и другие профессиональные ассоциации адвокатов должны нести ответственность за применение дисциплинарных мер к адвокатам или при необходимости иметь право участвовать в них.

3. Дисциплинарные разбирательства должны проводиться при полном соблюдении принципов и норм, содержащихся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе права адвоката на участие в соответствующем разбирательстве и на возможность обжаловать его результаты в суде.

4. При применении санкций за дисциплинарные проступки, совершенные адвокатом, должен соблюдаться принцип соразмерности.

Последствия недобросовестности действий представителя заявителя

Решение Европейского Суда по делу «Дмитрий Сергеевич Павлов против Российской Федерации» (Dmitriy Sergeevich Pavlov v. Russia) от 8 апреля 2021 г., жалоба № 15573/18

*Д. Гурин,
юрист Секретариата Европейского Суда (2016–2020),
эксперт Совета Европы*

В соответствии с правилом 44D Регламента Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, Суд) представитель несет особую ответственность за направление в Суд заведомо ложной информации. Последствия такого поведения, во-первых, могут иметь процессуальный характер: согласно подпункту «b» пункта 4 правила 36 и правилу 44D Регламента Суда Председатель Палаты может отстранить представителя от участия в деле, отказаться принимать все или часть поданных им процессуальных документов или «сделать иное распоряжение, которое он или она считает надлежащим, без ущерба для пункта 3 статьи 35 Конвенции» (часть критериев приемлемости). Во-вторых, последствия недобросовестного поведения представителя могут отразиться на самой жалобе и ее приемлемости для рассмотрения по существу.

Дело Дмитрия Павлова, касавшееся условий содержания в местах лишения свободы, изначально было рассмотрено Европейским Судом в 2020 году в составе группы аналогичных жалоб (Решение Европейского Суда по делу «Кириллов и другие против Российской Федерации» (Kirillov and Others v. Russia) от 30 апреля 2020 г., жалоба № 77369/17 и 12 других жалоб). Его жалоба была исключена из списка дел, рассматриваемых Судом, на основании заключения сторонами мирового соглашения. Бланк мирового соглашения, собственноручно подписанный заявителем, был датирован 6 марта 2019 г.

За выплатой причитающейся компенсации в Министерство юстиции России обратилась мать заявителя, сообщившая, что он скончался 26 февраля 2019 г., то есть за восемь дней до даты подписания им бланка мирового соглашения. Эта информация стала поводом для обращения властей Российской Федерации в Европейский Суд с ходатайством о восстановлении жалобы в списке рассматриваемых дел.

Сам подписанный бланк был направлен в Европейский Суд представительницей заявителя О. Стасюк (впоследствии изменившей фамилию на Арко), которая являлась членом коллегии адвокатов «Северная Столица» г. Санкт-Петербурга. Адвокат О. Стасюк не ответила на запрос Суда с просьбой прокомментировать ситуацию.

Европейский Суд пришел к выводу, что бланк не мог быть подписан заявителем, а адвокат не могла не знать о смерти клиента и что, следовательно, подпись на бланке была подделана. Умолчав о смерти заявителя и предоставив документ с его поддельной подписью, адвокат Арко (Стасюк) намеревалась ввести Суд в заблуждение, тем самым злоупотребив правом на подачу индивидуальной жалобы по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, в связи с чем жалоба была объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу.

Примечательно, что адвокат О. Стасюк (Арко) ранее уже уличалась Европейским Судом в фальсификации документов. Так, жалобы заявителей (Большакова и Гилани) в деле «Александр Юрьевич Большаков против Российской Федерации» (Aleksandr Yuryevich Bolshakov v. Russia) (Решение Европейского Суда от 9 февраля 2021 г., жалобы №№ 25723/20, 28213/20 и 28727/20) были аналогичным образом признаны неприемлемыми для рассмотрения по существу в связи с подделкой адвокатом почтовых штампов на конвертах с целью создать видимость соблюдения правила шестимесячного срока для подачи жалоб.

Очевидно, что расчет представителя или заявителя в подобных случаях состоит в том, что недостоверная информация или поддельные документы затеряются среди многочисленных однотипных жалоб, поступающих в Европейский Суд. Однако рассмотренные Решения свидетельствуют о том, что Суд действительно реагирует на подозрительные несовпадения даже в потоковых жалобах. Другой вопрос, насколько суровым подобный подход является с точки зрения заявителя или его наследников, которые могут и не знать о недобросовестных действиях его представителя. В данном случае Европейский Суд однозначно дает понять, что отвечать за действия представителя по сути придется самому заявителю, чья жалоба в случае обмана будет объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу, даже если она содержит реальные признаки нарушения Конвенции.

Дело «Дмитрий Сергеевич Павлов (Dmitriy Sergeevich Pavlov) против Российской Федерации»¹

(Жалоба № 15573/18)

РЕШЕНИЕ О ПРИЕМЛЕМОСТИ ЖАЛОБЫ

г. Страсбург, 8 апреля 2021 г.

По делу «Дмитрий Сергеевич Павлов против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая 8 апреля 2021 г. Комитетом в составе:

Дариана Павли, *Председателя Комитета Суда,*

Дмитрия Дедова,

Пеетера Роосма, *судей,*

а также при участии Виктории Марадудиной, исполняющей обязанности *заместителя Секретаря Секции Суда,*

рассмотрев указанную выше жалобу, поданную 29 марта 2018 г.,

принял следующее Решение:

ФАКТЫ И ПРОЦЕДУРА

Заявитель Дмитрий Сергеевич Павлов, гражданин Российской Федерации, родился в 1981 году и содержался под стражей в г. Санкт-Петербурге. Его интересы в Европейском Суде представляла адвокат О. Стасюк (которая впоследствии сменила фамилию на Арко), практикующая в г. Санкт-Петербурге.

Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде М.Л. Гальпериным.

30 апреля 2020 г. Европейский Суд (Третья Секция), заседая Комитетом, вынес решение по ряду дел, которые включали в себя настоящую жалобу и касались ненадлежащих условий содержания под стражей (см. Решение Европейского Суда по делу «Кириллов и другие против Российской Федерации» (Kirillov and Others v. Russia) от 30 апреля 2020 г., жалоба № 77369/17 и 12 других жалоб). Европейский Суд принял к сведению мировое соглашение, достигнутое сторонами, и решил прекратить производство по настоящей жалобе в соответствии со статьей 39 Конвенции на основании согласия заявителя с условиями односторонней декларации, которая была представлена властями Российской Федерации и содержала предложение выплатить заявителю 6 750 евро в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда, а также судебных расходов и издержек.

Формальное согласие заявителя с условиями односторонней декларации (бланк для ответа), собственноручно подписанное им и датированное 6 марта 2019 г., поступило в Европейский Суд 15 марта 2019 г. На конверте отсутствовал штамп исправительного учреждения, а в поле для обратного адреса был указан адрес коллегии адвокатов («Северная Столица»), членом которой являлась представительница заявителя.

22 сентября 2020 г. власти Российской Федерации обратились в Европейский Суд с ходатайством о возобновлении производства по настоящей жалобе после того, как мать заявителя уведомила их о его смерти 26 февраля 2019 г. Они представили копию ее письма с просьбой перечислить присужденную Европейским Судом компенсацию на ее банковский счет, а также копию свидетельства о смерти заявителя. Власти Российской Федерации отметили, что заявитель скончался до вынесения Решения по упомянутому выше делу «Кириллов и другие против Российской Федерации» (Kirillov and Others v. Russia) и до даты, когда он предположительно подписал и отправил свой ответ на одностороннюю декларацию властей Российской Федерации. Они также указали, что ни один законный наследник не выразил намерения вступить в производство по делу вместо заявителя.

¹ Перевод с английского языка предоставлен ООО «Развитие правовых систем».

19 ноября 2020 г. Европейский Суд в соответствии с пунктом 5 правила 43 своего Регламента принял решение выделить настоящую жалобу из других жалоб, по которым он вынес Решение в упомянутом выше деле «Кириллов и другие против Российской Федерации» (Kirillov and Others v. Russia), и возобновить производство по ней. Стороны были уведомлены об этом решении Европейского Суда.

20 ноября 2020 г. представительнице заявителя было предложено представить пояснения относительно подписи заявителя на бланке для ответа не позднее 4 января 2021 г. Она не предоставила каких-либо комментариев в этом отношении.

ПРАВО

Европейский Суд не считает необходимым рассматривать вопрос относительно *locus standi* матери заявителя в производстве по делу в Европейском Суде, поскольку жалоба в любом случае является неприемлемой для рассмотрения по существу по нижеследующим основаниям.

Европейский Суд повторяет, что жалоба может быть отклонена как представляющая собой злоупотребление правом на подачу жалобы в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, если в основу такой жалобы были умышленно положены явно недостоверные факты (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гросс против Швейцарии» (Gross v. Switzerland), жалоба № 67810/10, § 28, ECHR 2014) или если Европейскому Суду была предоставлена вводящая в заблуждение информация (см. Решение Европейского Суда по делу «Севрук против Украины» (Sevruk v. Ukraine) от 16 июня 2020 г., жалоба № 2714/11, с дополнительными ссылками). Согласно Регламенту Европейского Суда представитель несет особую ответственность за недопущение вводящих в заблуждение сведений (см. правило 44D Регламента Европейского Суда).

Европейский Суд отмечает, что первоначально производство по жалобе было прекращено 30 апреля 2020 г. на основании бланка для ответа, который заявитель предположительно собственноручно подписал 6 марта 2019 г. Поскольку заявитель скончался 26 февраля 2019 г., очевидно, что он не мог подписать указанный бланк для ответа.

Европейский Суд полагает, что бланк для ответа с подписью, которая якобы принадлежала покойному, но была поставлена только после его смерти, является поддельным.

В отсутствие каких-либо правдоподобных объяснений со стороны представительницы заявителя Европейский Суд исходит из того, что ей должно было быть известно о смерти заявителя. Таким образом, по мнению Европейского Суда, не проинформировав его о смерти заявителя и представив бланк для ответа с поддельной подписью заявителя, О. Стасюк (Арко) намеревалась ввести Европейский Суд в заблуждение по вопросу, который имел особое значение для исхода рассмотрения дела заявителя.

Таким образом, Европейский Суд приходит к выводу о том, что действия представительницы заявителя являлись злоупотреблением правом на подачу жалобы по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

объявил жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу.

Совершено на английском языке, уведомление о Решении направлено в письменном виде 29 апреля 2021 г.

Виктория МАРАДУДИНА
Исполняющая обязанности
заместителя Секретаря

Дариан ПАВЛИ
Председатель
Комитета Суда

Дело «Александр Юрьевич Большаков (Aleksandr Yuryevich Bolshakov) против Российской Федерации»¹

(Жалоба № 25723/20 и две другие жалобы, см. Приложение)

РЕШЕНИЕ О ПРИЕМЛЕМОСТИ ЖАЛОБЫ

г. Страсбург, 9 февраля 2021 г.

По делу «Александр Юрьевич Большаков против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая 9 февраля 2021 г. Комитетом в составе: Дариана Павли, *Председателя Комитета Суда*, Дмитрия Дедова, *Пеэтера Роосма, судей*, а также при участии Ольги Чернышовой, *заместителя Секретаря Секции Суда*, принимая во внимание три жалобы, поданные в различные даты, указанные в Приложении, проведя совещание, вынес следующее Решение:

ФАКТЫ И ПРОЦЕДУРА

Заявители, двое граждан Российской Федерации, Александр Юрьевич Большаков и Евгений Русланович Гилани, 1982 и 1978 годов рождения соответственно, содержатся под стражей: Большаков – в Республике Коми, Гилани – в Архангельской области.

Большаков подал в Европейский Суд две жалобы. Согласно почтовым отметкам на конвертах жалобы были отправлены 19 апреля и 12 октября 2019 г. из одного и того же почтового отделения в г. Санкт-Петербурге. Эти жалобы поступили в Европейский Суд 9 июля и 30 июня 2020 г. соответственно и были зарегистрированы под №№ 28213/20 и 25723/20.

Бланк жалобы от имени Гилани был также отправлен из г. Санкт-Петербурга. Почтовая отметка на конверте была датирована 31 августа 2019 г. Европейский Суд получил жалобу 9 июля 2020 г., зарегистрировал ее под № 28727/20 (подробную информацию об отправлении жалоб см. в Приложении).

Жалобы №№ 28213/20 и 28727/20 были подписаны и отправлены Ольгой Андреевной Стасюк, членом коллегии адвокатов «Северная Столица», практикующей в г. Санкт-Петербурге и действующей от имени заявителей. В жалобе № 25723/20 в качестве представительницы указана Ольга Андреевна Арко. В связи с тем, что остальные личные данные и контакты О. Арко совпадали с данными и контактами О. Стасюк, Европейский Суд сделал вывод, что это была одна и та же женщина. На данном этапе Секретариат Европейского Суда не связывался ни с представительницей, ни с заявителями.

На конвертах в качестве обратного адреса был указан адрес упомянутой выше коллегии адвокатов. Ни на одном из конвертов не было наклеек со штрих-кодами, которые использует Почта России для отслеживания международных отправлений.

В каждом бланке жалобы (в разделе G, касающемся вопроса об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты и соблюдения правила шестимесячного срока) были прямо указаны даты их отправления, подтвержденные почтовыми отметками на конвертах, а также отмечался тот факт, что заявители, соответственно, выполнили правило шестимесячного срока, установленное для подачи жалобы.

Все три бланка жалоб были отправлены в бумажных конвертах формата А4. На каждом конверте была напечатана информация о том, что заказ на разработку дизайна и печать конвертов был получен компанией, изготовившей их, в 2020 году. Также на конвертах было указано, что они были напечатаны в 2020 году.

3 июля 2020 г. Стасюк направила в Европейский Суд запросы о движении дела по жалобам № 25723/20 по делу «Большаков против Российской Федерации» и № 28727/20 по делу

¹ Перевод с английского языка предоставлен ООО «Развитие правовых систем».

«Гилани против Российской Федерации». По ее словам, она отправила бланки жалоб 12 октября и 31 августа 2019 г. соответственно, и даты отправления подтверждались почтовыми отметками на конвертах. Копии конвертов прилагались. Письма с запросами о предоставлении информации о движении дел были получены Европейским Судом 30 июля 2020 г.

Письмом от 15 сентября 2020 г., направленным как по обычной, так и по электронной почте, Европейский Суд задал Стасюк вопрос о том, меняла ли она фамилию, и попросил ее предоставить копии документов, подтверждающих смену фамилии.

18 сентября 2020 г. представительница заявителей подтвердила, что она изменила фамилию Стасюк на Арко в августе 2019 года, и предоставила копии паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверения адвоката и свидетельства о заключении брака. Представительница заявителей отметила также, что жалобы №№ 28213/20 и 25723/20 от имени Большакова были направлены 19 апреля и 12 октября 2019 г. соответственно.

21 октября 2020 г. Европейский Суд попросил представительницу заявителей объяснить причины длительной доставки писем, предположительно отправленных в 2019 году, указав также на то обстоятельство, что согласно почтовым отметкам на конвертах жалобы были отправлены в 2019 году, в то время как конверты были изготовлены в 2020 году. Европейский Суд обратил внимание представительницы на положения подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, в соответствии с которым жалоба может быть отклонена как злоупотребляющая правом на подачу индивидуальной жалобы, если она, среди прочих причин, явным образом основана на недостоверных фактах (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гросс против Швейцарии» (*Gross v. Switzerland*), жалоба № 67810/10, § 28, ECHR 2014). Письмо было отправлено как по обычной, так и по электронной почте.

В соответствии с системой отслеживания Почты России Стасюк получила заказное письмо Европейского Суда 2 ноября 2020 г., но до сих пор не ответила на него.

ПРАВО

Принимая во внимание схожесть предмета жалоб и идентичность затронутых в них вопросов о приемлемости, Европейский Суд решил объединить рассмотрение жалоб в одном производстве.

Заявители жаловались на ненадлежащие условия содержания под стражей в следственных изоляторах, а также на их содержание в металлических клетках и стеклянных боксах во время судебных заседаний, то есть на делящиеся ситуации предполагаемых нарушений статьи 3 Конвенции, завершившиеся, по их словам, 17 апреля 2019 г. (жалоба № 25723/20 по делу «Большаков против Российской Федерации»), 3 марта 2019 г. (жалоба № 28727/20 по делу «Гилани против Российской Федерации») и 22 октября 2018 г. (жалоба № 28213/20 по делу «Большаков против Российской Федерации»), после того, как заявители были переведены из следственных изоляторов, в которых они содержались под стражей, или после завершения судебного разбирательства. Они также утверждали, что в их распоряжении отсутствовали эффективные средства правовой защиты в отношении обстоятельств, изложенных в их жалобах.

В трех жалобах содержались идентичные пункты, в которых заявители упоминали непосредственно даты отправления бланков жалоб и делали вывод о соблюдении ими критериев приемлемости, а именно о подаче жалобы в течение шестимесячного срока с момента завершения ситуации, в отношении которой подана жалоба.

Европейский Суд повторяет, что, если заявитель отправил в Европейский Суд надлежащим образом заполненный бланк жалобы, датой подачи жалобы является дата почтовой отметки (подпункт «а» пункта 6 правила 47 Регламента Европейского Суда, см. также Постановление Европейского Суда по делу «Брежец против Хорватии» (*Brežec v. Croatia*) от 18 июля 2013 г., жалоба № 7177/10, § 29, и Решение Европейского Суда по делу «Абдулрахман против Нидерландов» (*Abdulrahman v. Netherlands*) от 5 февраля 2013 г., жалоба № 66994/12). Иной подход может быть оправдан лишь при наличии особых обстоятельств, таких как невозможность установления даты, когда сообщение было отправлено почтой (см. Решение Европейского Суда по делу «Флорика против Румынии» (*Florică v. Romania*) от 29 июня 2004 г., жалоба № 49781/99, и Постановление Европейского Суда по делу «ООД “Булинвар”

и Хрусанов против Болгарии» (Bulinwar OOD and Hrusanov v. Bulgaria) от 12 апреля 2007 г., жалоба № 66455/01, §§ 30–32). Далее Европейский Суд подчеркивает, что дата подачи жалобы имеет ключевое значение при исчислении шестимесячного срока, установленного пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

В настоящем деле в соответствии с почтовыми отметками жалобы были отправлены в Европейский Суд из почтового отделения в г. Санкт-Петербурге 19 апреля, 31 августа и 12 октября 2019 г. и получены Европейским Судом 30 июня и 9 июля 2020 г., то есть по прошествии от девяти до 14 месяцев после предполагаемой даты их отправления.

Европейский Суд отмечает, что три конверта, в которых были направлены бланки жалоб, имели идентичные выходные сведения, сообщающие технические данные об изготовителе, типе конверта, номере и дате заказа и т.п. Из этой информации ясно следовало, что конверты были заказаны и изготовлены в 2020 году. Без дополнительных пояснений невозможно устранить противоречия между предполагаемыми датами отправления в 2019 году и отметками на конвертах об их изготовлении в 2020 году. С учетом чрезвычайно длительных сроков доставки рассматриваемых трех писем это противоречие следует рассматривать также в контексте того, что даты отправления играют решающую роль при исчислении шестимесячного срока.

Можно с уверенностью предположить, что бланки жалоб не могли быть отправлены в 2019 году, до того, как были изготовлены конверты. Соответственно, сложно избежать вывода о том, что почтовые отметки на конвертах не отражали реальную дату их отправления. Это позволяет объяснить необычайно долгие сроки доставки трех жалоб в Европейский Суд, в то время как все остальные письма по рассматриваемым делам были доставлены в разумные сроки. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что представительница заявителей должна была осознавать проблемы с датами отправления и ее запросы о предоставлении информации о движении дела, датированные 3 июля 2020 г. (см. выше), содержали ссылки на даты отправления, которые являлись очевидно ложными. Европейский Суд не упускает из виду и тот факт, что представительница заявителей не ответила на письмо Европейского Суда от 21 октября 2020 г., в котором он просил предоставить ему пояснения относительно противоречий между датами почтовых отметок и датами изготовления конвертов. Европейский Суд рассматривает указанные обстоятельства как попытку ввести его в заблуждение относительно соблюдения заявителями требования о шестимесячном сроке для подачи индивидуальной жалобы.

В этой связи Европейский Суд напоминает, что в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции жалоба может быть отклонена как злоупотребляющая правом на подачу индивидуальной жалобы, если она, среди прочих причин, явным образом основана на недостоверных фактах (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гросс против Швейцарии» (Gross v. Switzerland), § 28, и многочисленные примеры, содержащиеся в указанном параграфе), например в случае, если имела место фальсификация каких-либо документов в материалах дела (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Жиан против Румынии» (Jian v. Romania) от 30 марта 2004 г., жалоба № 46640/99).

Кроме того, любые упущения со стороны представителя заявителя, как правило, относятся к вине самого заявителя или самой заявительницы и могут привести к отклонению жалобы как злоупотребляющей правом на подачу индивидуальной жалобы (см., *mutatis mutandis*, Решение Европейского Суда по делу «Мильоре и другие против Италии» (Migliore and Others v. Italy) от 12 ноября 2013 г., жалоба № 58511/13 и другие жалобы, §§ 32–40, и Решение Европейского Суда по делу «Мартинш Алвеш против Португалии» (Martins Alves v. Portugal) от 21 января 2014 г., жалоба № 56297/11, §§ 11–17).

Европейский Суд считает, что в настоящем деле установлено достаточно доказательств для вывода о том, что имела место попытка ввести Европейский Суд в заблуждение по важному вопросу, касающемуся даты подачи жалоб. Принимая во внимание важность этой информации для надлежащего рассмотрения настоящих дел, Европейский Суд считает, что такое поведение противоречило цели права на подачу индивидуальной жалобы, предусмотренного статьей 34 Конвенции, и представляло собой злоупотребление этим правом по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Следовательно, эти жалобы должны быть объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

На основании изложенного Европейский Суд единогласно:

объединил рассмотрение жалоб в одном производстве;
объявил жалобы неприемлемыми для рассмотрения по существу.

Совершено на английском языке, уведомление о Решении направлено в письменном виде 11 марта 2021 г.

Ольга ЧЕРНЫШОВА
 Заместитель Секретаря
 Секции Суда

Дариан ПАВЛИ
 Председатель
 Комитета Суда

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ п/п	Номер жалобы	Наименование дела	Дата отправления в соответствии с почтовой отметкой	Дата получения Европейским Судом	Заявитель, дата рождения, место проживания, гражданство	Представительница
1	25723/20	«Большаков против Российской Федерации»	12.10.2019	30.06.2020	Александр Юрьевич Большаков, 1982, пос. Леплей, Российская Федерация	Ольга Андреевна Арко
2	28213/20	«Большаков против Российской Федерации»	19.04.2019	09.07.2020	Александр Юрьевич Большаков, 1982, пос. Леплей, Российская Федерация	Ольга Андреевна Стасюк
3	28727/20	«Гилани против Российской Федерации»	31.08.2019	09.07.2020	Евгений Русланович Гилани, 1978, г. Коряжма, Российская Федерация	–

Дело «Гестюр Йонссон и Рагнар Халлдор Халл (Gestur Jónsson and Ragnar Halldór Hall) против Исландии»¹

(Жалобы №№ 68273/14 и 68271/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 22 декабря 2020 г.

По делу «Гестюр Йонссон и Рагнар Халлдор Халл против Исландии» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Ксени Туркович, *Председателя Большой Палаты Европейского Суда,*

Роберта Спано,

Линос-Александра Сицилианоса,

Ангелики Нуссбергер,

Шиюфры О'Лири,

Йонко Грозева,

Георгия А. Сергидеса,

Бранко Лубарды,

Жоржа Раварани,

Пере Пастор Вилановы,

Алены Полачковой,

Латифа Гусейнова,

Жюльены Шуккинг,

Ладо Чантурии,

Джилберто Феличи,

Дариана Павли,

Раффаэле Сабато, *судей,*

а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря-Канцлера Европейского Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 9 октября 2019 г., 15 июня и 22 октября 2020 г.,

вынес 22 октября 2020 г. следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано двумя жалобами (№№ 68273/14 и 68271/14), поданными 16 октября 2014 г. против Республики Исландия в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) двумя гражданами Исландии, Гестюром Йонссоном и Рагнаром Халлдором Халлом (далее – заявители).

2. Интересы заявителей в Европейском Суде представлял адвокат Гейр Гестссон, практикующий в г. Рейкьявике. Власти Исландии были представлены Уполномоченным Республики Исландия при Европейском Суде по правам человека Рагнхильдурой Хьяльтадоттир, постоянным секретарем министра внутренних дел Исландии.

3. Заявители жаловались в Европейский Суд на то, что суд первой инстанции рассмотрел вопрос о привлечении их к ответственности за неуважение к суду *in absentia*³, и утверждали, что Верховный суд, выступая в качестве суда второй инстанции, не устранил вызванные этим процессуальные нарушения. Кроме того, они жаловались в Суд на то, что их признали

¹ Перевод с английского языка предоставлен ООО «Развитие правовых систем».

² Настоящее Постановление вступило в силу 22 декабря 2020 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

³ *In absentia* (лат.) – в отсутствие подсудимых (*примеч. переводчика*).

виновными в нарушении, которое согласно законодательству Исландии не являлось преступлением, и на то, что назначенное им наказание не было предсказуемым.

4. Жалобы были переданы в производство Первой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 2 и 3 марта 2016 г. соответственно председатель Первой Секции Суда решил коммуницировать жалобы заявителей властям государства-ответчика. Впоследствии жалобы были переданы в производство Второй Секции Суда. 30 октября 2018 г. Палата этой Секции Суда в составе Юлии Лаффранк, Роберта Спано, Ишьль Каракаш, Пауля Лемменса, Йона Фридрика Кьельбро, Стефани Муру-Викстрём, Иваны Йелич, судей, а также при участии Стенли Найсмит, секретаря Секции Суда, вынесла постановление по делу. Палата Суда единогласно объединила жалобы для рассмотрения в одном производстве, пришла к выводу о том, что по делу не было допущено нарушения статей 6 и 7 Конвенции, и признала поданные заявителями жалобы на нарушение статьи 2 Протокола № 7 к Конвенции неприемлемыми для рассмотрения по существу.

5. 25 января 2019 г. заявители ходатайствовали о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда согласно статье 43 Конвенции. 6 мая 2019 г. коллегия судей Большой Палаты Суда удовлетворила это ходатайство.

6. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

7. И заявители, и власти государства-ответчика представили замечания по вопросу о приемлемости жалоб для рассмотрения по существу и по существу дела.

8. Публичное слушание дела состоялось во Дворце прав человека (г. Страсбург) 9 октября 2019 г.

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(а) *от властей государства-ответчика:*

Е.К. Халльвардссон (*E.K. Hallvarðsson*), *Уполномоченный Республики Исландия при Европейском Суде по правам человека,*

Ф.Р. Торстейнсдоттир (*F.R. Þorsteinsdóttir*),

Г.С. Арнардогтир (*G.S. Arnardóttir*),

М. Тейл (*M. Theyll*), *заместители Уполномоченного Республики Исландия при Европейском Суде по правам человека;*

(б) *от заявителей:*

Г. Гестссон (*G. Gestsson*), *адвокат,*

В.Е. Гвюдмюндсдоттир (*V.E. Guðmundsdóttir*), *консультант.*

Европейский Суд заслушал выступления Г. Гестссона и Ф.Р. Торстейнсдоттир и их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

9. Заявители, 1950 и 1948 года рождения соответственно, проживают в г. Рейкьявике. Оба они являются адвокатами, практикующими в г. Рейкьявике.

10. 16 февраля 2012 г. Y, Z и еще двум лицам было предъявлено обвинение в причастности к мошенничеству и манипулированию фондовым рынком. 7 марта 2012 г. согласно статье 31 Уголовно-процессуального кодекса Исландии (Закон № 88/2008) первого и второго заявителя назначили адвокатами Y и Z соответственно.

11. Уголовное преследование Y и Z, как описано в Постановлении Европейского Суда по делу «Сигурдюр Эйнарссон и другие против Исландии» (*Sigurður Einarsson and Others v. Iceland*) от 4 июня 2019 г., жалоба № 39757/15, § 7 и последующие, проходило на фоне тяжелого общемирового финансового кризиса 2008 года, который ударил по финансовому сектору Исландии и привел, в частности, к банкротству крупнейших исландских банков.

12. 7 марта 2012 г. прокуратура направила в Суд округа Рейкьявика обвинительное заключение в отношении, *inter alios*, Y и Z. На предварительном заседании подсудимые отказались признать себя виновными в инкриминируемых им преступлениях. С марта по декабрь 2012 года прокурор и заявители вместе с другими адвокатами, участвующими в разбирательстве, неоднократно представляли доводы на последующих предварительных заседаниях по различным вопросам, в частности, по поводу доказательств, представленных

стороной обвинения, сроков представления доводов защиты и ходатайства защиты о прекращении производства по делу. Рассматривая дело, Верховный суд вынес три постановления по процессуальным вопросам.

13. 19 декабря 2012 г., посоветовавшись со стороной обвинения, заявителями и другими адвокатами, судья окружного суда решил, что судебное разбирательство пройдет с 11 по 23 апреля 2013 г. В тот же день второй заявитель в ответ на электронное письмо судьи указал, что назначение сроков судебного разбирательства целесообразно, но дело не будет готово к рассмотрению в эти предложенные даты, так как сторона обвинения не представила затребованных от нее доказательств и не подготовила списка свидетелей. Вскоре после этого в ответ на указанное сообщение судья написал: «Счастливого Рождества!»

14. На предварительных заседаниях, состоявшихся 24 января и 7 марта 2013 г., сторона обвинения представила дополнительные доказательства. В ходе второго из этих заседаний заявители и еще один адвокат попросили дать им больше времени на ознакомление с доказательствами и ходатайствовали о переносе судебного разбирательства, *inter alia*, на основании того, что представление доказательств по делу еще не завершено. Решением от 7 марта 2013 г. окружной суд оставил это ходатайство без удовлетворения.

15. На предварительном заседании 21 марта 2013 г. прокурор и один из адвокатов представили дополнительные доказательства. Заявители и еще один адвокат ходатайствовали о том, чтобы сторона обвинения предоставила им некоторые документы. На предварительном заседании 25 марта 2013 г. заявители и еще один адвокат вновь ходатайствовали о переносе судебного разбирательства на 6–8 недель, чтобы дать им возможность ознакомиться с новыми доказательствами, представленными стороной обвинения. Решениями от 26 марта 2013 г. окружной суд оставил оба этих ходатайства без удовлетворения. Решением от 4 апреля 2013 г. Верховный суд отклонил жалобу на данные решения.

16. 8 апреля 2013 г. каждый из заявителей написал письмо судье окружного суда, который рассматривал дело, утверждая, что по этическим соображениям они не могут продолжать исполнять обязанности по представлению интересов своих подзащитных. Заявители утверждали, *inter alia*, что им не сообщали о сроке представления их доводов в Верховный суд до того, как тот вынес определение от 4 апреля 2013 г.; что сторона обвинения не стала направлять им копию своих представлений; что у защиты не было достаточных возможностей по ознакомлению с важными документами; что прокуратура прослушивала их телефонные разговоры с их подзащитными и что всё производство по делу в целом привело к нарушению прав их клиентов, предусмотренных Конституцией, УПК Исландии и Конвенцией. Наконец, заявители утверждали, что права их подзащитных были нарушены настолько грубо, что они обязаны были отказаться от дальнейшего участия в рассмотрении дела. Заявители отметили, что они обсуждали этот вопрос со своими подзащитными, и дали понять, что те одобряют их решение. Заявители просили отменить решение о назначении их адвокатами своих подзащитных согласно пункту 6 статьи 21 Закона № 77/1998 «Об адвокатах».

17. В тот же день судья окружного суда в своем ответе на письма заявителей отказался удовлетворить их просьбы. Судья сослался на статью 34 УПК Исландии и пункт 1 статьи 20 Закона «Об адвокатах» (см. ниже §§ 37–38), отметив, что заявители согласились с поручением осуществлять защиту и что это согласие нельзя отозвать, если отказ от защиты может, как в данной ситуации, привести к задержке в рассмотрении дела. Поэтому судья решил, что разбирательство по делу начнется 11 апреля 2013 г., как ранее было установлено в решении от 19 декабря 2012 г. Заявители в тот же день ответили на это письмо, сославшись на свои прежние доводы и отметив, что они не явятся в судебное заседание 11 апреля 2013 г. Из протокола заседания от 11 апреля 2013 г. следует, что первый заявитель в своем ответном письме указал, что его нельзя насильно заставить исполнять обязанности адвоката, и повторил свое прежнее замечание о своем решении отказаться от защиты своего клиента. Второй заявитель указал, что он считает отказ судьи освободить его от защиты незаконным и полагает, что он уже не должен исполнять обязанности адвоката.

18. 11 апреля 2013 г. Y и Z явились в заранее назначенное судебное заседание в сопровождении новых адвокатов. Суд установил неявку заявителей и принял к сведению содержание их первого и второго писем от 8 апреля 2013 г. Согласно протоколу, суду стало понятно, что единственный выход из сложившейся ситуации заключался в том, чтобы освободить адвокатов защиты от участия в деле, несмотря на отказ председателя суда разрешить им отка-

заться от принятой на себя защиты. Затем Y и Z назначили новых адвокатов, и рассмотрение дела было отложено на неопределенный срок. Прокурор отметил, что, отказываясь от участия в рассмотрении дела, заявители, очевидно, преследовали только одну цель – затянуть разбирательство, и выразил мнение, что своим поведением сторона защиты нарушила свои предусмотренные законом обязанности. Поэтому он потребовал оштрафовать заявителей за неуважение к суду.

19. Как утверждали заявители в своих жалобах в Верховный суд и Европейский Суд, опираясь на сообщения в средствах массовой информации, председательствующий на этом этапе прямо отклонил требование прокурора, заявив, что условия для назначения штрафов не соблюдены. Однако власти государства-ответчика утверждали, что в протоколе судебного заседания не отражено, занял ли председательствующий какую-либо позицию по этому вопросу.

20. Разбирательство в окружном суде прошло с 4 по 14 ноября 2013 г. К тому времени председательствующий взял самоотвод и вместо него был назначен новый судья.

21. 12 декабря 2013 г. Y, Z и еще двум обвиняемым был вынесен обвинительный приговор. Гонорары адвокатов всех обвиняемых составили в общей сложности 88 831 252 исландские кроны (ISK) (в то время около 559 000 евро). В частности, вознаграждение первого заявителя составило 10 855 750 исландских крон (около 68 300 евро). Кроме того, суд присудил ему сумму в размере 90 202 исландских крон (около 570 евро) в качестве возмещения судебных расходов, понесенных совместно со вторым адвокатом. Второму адвокату окружной суд присудил в качестве гонорара сумму в размере 5 898 500 исландских крон (около 37 000 евро).

Кроме того, окружной суд, не заслушав доводов заявителей, оштрафовал каждого из них на 1 000 000 исландских крон (около 6 200 евро) за то, что они умышленно вызвали необоснованную задержку в рассмотрении дела (согласно подпункту «а» пункта 1 статьи 223 УПК Исландии), и за то, что они своими действиями проявили неуважение к суду (согласно подпункту «d» того же пункта). Окружной суд заявил, что он счел неизбежным назначить заявителям эти штрафы по следующим причинам. Он отметил, в частности, что заявителям дали достаточно много времени для того, чтобы они как следует подготовились к защите обвиняемых до предварительно назначенной даты основного судебного заседания, то есть до 11 апреля 2013 г., хотя за это время и были внесены дополнительные представления. Решение заявителей о неявке на заседание 11 апреля 2013 г. привело к необоснованной задержке в рассмотрении дела, а значит, причинило ущерб интересам их подзащитных и других подсудимых. Кроме того, учитывая, что судья отклонил их просьбу освободить их от обязательств по защите, поведение адвокатов, не явившихся на основное судебное заседание по делу, по своему характеру представляло собой неуважение к суду.

22. 13 декабря 2013 г. прокурор по просьбе заявителей подал в Верховный суд жалобу на штрафы, которые им назначили. Заявители главным образом просили Верховный суд отменить приговор окружного суда в части, касающейся назначения штрафов. В качестве вспомогательного требования на тот случай, если Верховный суд отклонит их ходатайство об отмене приговора, заявители просили снизить размер этих штрафов.

23. В своих представлениях в Верховный суд заявители утверждали, во-первых, что им назначили наказание, не дав им возможности представить свои доводы в ответ на претензии стороны обвинения, и не сообщили им о намерении суда оштрафовать их. Это нарушило их право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное пунктами 1 и 3 статьи 6 Конвенции и статьей 70 Конституции Исландии. Во-вторых, заявители отмечали, что у них были уважительные причины для отказа от участия в дальнейшем рассмотрении дела и что предусмотренные законом условия для назначения им штрафа соблюдены не были.

24. По первому своему доводу заявители утверждали, что им ни разу не сообщили о намерении суда оштрафовать их и не предложили им самостоятельно осуществлять свою защиту в окружном суде, хотя это является важнейшим элементом права на справедливое судебное разбирательство.

25. По второму своему доводу заявители утверждали, *inter alia*, что назначение им штрафов как адвокатам не соответствовало УПК Исландии, так как на момент вынесения решения окружного суда они таковыми уже не являлись. Они утверждали, что согласно статье 224 УПК Исландии их следовало оштрафовать незамедлительно как «иных лиц». Далее,

заявители отмечали, что действия, за которые они подверглись критике, были совершены не во время судебного заседания, как требует УПК Исландии. Как бы то ни было, их поведение нельзя считать неуважением к суду, поскольку они не присутствовали ни на одном заседании с участием судей, которые назначили штрафы и рассматривали дело по существу. Далее, заявители подчеркивали, что их действия соответствовали интересам их подзащитных и что те поддержали их решения.

26. Заявители представили в Верховный суд документы, подкрепляющие их доводы, в том числе электронную и бумажную переписку между ними (и другими адвокатами), прокуратурой и окружным судом, письмо первого заявителя и еще одного адвоката прокурору об ознакомлении с документами в рамках основного разбирательства и ответ на это письмо, газетную статью под названием «Ходатайство о продлении срока отклонено по ошибке», в которой утверждалось, что требование прокурора оштрафовать заявителей было отклонено судьей на заседании 11 апреля 2013 г. Они не ходатайствовали о допросе свидетелей и не просили, чтобы им дали возможность лично дать показания в Верховном суде.

27. В меморандуме от 26 марта 2014 г. прокурор поддержал решение окружного суда о назначении заявителям штрафов и подчеркнул, что согласно статье 34 УПК Исландии ходатайство адвоката об отказе от участия в рассмотрении дела подлежит удовлетворению за исключением случаев, когда такой отказ, как в случае с заявителями, приводит к задержке в рассмотрении дела. Кроме того, простая неявка в судебное заседание несмотря на отказ судьи удовлетворить ходатайств заявителей об отказе от участия в рассмотрении дела унизила достоинство судьи, а значит, явно свидетельствовала о неуважении к суду. Далее, прокурор отметил, что заявители представляли интересы своих подзащитных с момента начала расследования по основному делу в 2009 году. Обвинительное заключение по тому делу было утверждено 16 февраля 2012 г., после чего 7 марта 2012 г. дело было передано в суд. К тому времени, как заявители отказались от защиты в письме от 8 апреля 2013 г., с момента передачи дела в суд прошло уже больше года и по делу состоялось 14 заседаний. В этих обстоятельствах прокурор согласился с окружным судом в том, что у заявителей были все возможности должным образом подготовиться к защите, хотя за это время и были представлены новые доказательства.

28. Верховный суд провел устное разбирательство, не заслушав ни самих заявителей, ни свидетелей.

29. При рассмотрении дела в Верховном суде интересы заявителей представляли по отдельности два адвоката. Однако в Европейском Суде заявители утверждали, что из-за нехватки времени для подачи жалобы в Верховный суд каждый из этих адвокатов выдвигал доводы в интересах и первого, и второго заявителей.

30. Согласно описанию устного разбирательства в Верховном суде, представленному вторым заявителем, заявители утверждали, *inter alia*, что решение о назначении штрафов было принято соответствующим судом *ex proprio motu*¹, без участия сторон, а значит, отсутствовала возможность отменить данное решение и вернуть дело в суд первой инстанции. На этом этапе направление дела в окружной суд на новое рассмотрение в связи с нарушением УПК Исландии и статьи 6 Конвенции ни при каких обстоятельствах не могло быть законным, так как сроки для наложения взыскания уже истекли. Далее, согласно статьям 223 и 224 УПК Исландии заявителей можно было оштрафовать только как «адвокатов» в приговоре по уголовному делу, возбужденному в отношении их подзащитных или как «иных лиц» в рамках основного разбирательства по уголовному делу, возбужденному в отношении их подзащитных. Наконец, заявители утверждали, что в их случае штраф оказался в десять раз выше, чем штрафы, которые назначались в предыдущих делах, а максимальный размер штрафов в УПК Исландии не установлен. Кроме того, заявители ссылались на принцип законности в уголовном праве (статья 69 Конституции Исландии) и принцип *lex certa*².

31. Решением от 28 мая 2014 г., принятым тремя голосами «за» и двумя голосами «против», Верховный суд оставил решение окружного суда о назначении заявителям штрафов без изменения.

¹ *Ex proprio motu* (лат.) – по собственной инициативе (примеч. переводчика).

² *Lex certa* (лат.) – формальная определенность правовых норм (примеч. переводчика).

32. В своем решении Верховный суд подробно описал обстоятельства дела. Он сослался на статью 20 Закона «Об адвокатах», обязывающую адвокатов соглашаться с поручением осуществлять защиту по уголовным делам, если они удовлетворяют установленным законом требованиям. Далее Верховный суд пришел к выводу, что заявители не могли отказаться от защиты по уголовному делу со ссылкой на пункт 6 статьи 21 Закона «Об адвокатах», так как этот пункт применяется только при рассмотрении гражданских дел. Их решение не являться в судебное заседание несмотря на то, что окружной суд отказался удовлетворить их ходатайство об освобождении от обязательств по защите, не соответствовало закону, нарушало интересы их подзащитных или других подсудимых. Кроме того, их заявления об отказе от защиты представляли собой грубое нарушение их обязанностей адвокатов, предусмотренных пунктом 1 статьи 34 и пунктом 1 статьи 35 УПК Исландии. Заявители совершенно проигнорировали законные решения судьи окружного суда, и у него не было иного выбора, кроме как отменить решение о назначении их адвокатами и назначить других адвокатов, чтобы обеспечить представление интересов обвиняемых.

33. Кроме того, в мотивировочной части решения было сказано следующее:

«Часть V

...
В профессиональные обязанности судьи входит назначение адвокатов, принятие решения об освобождении от их обязательств по защите и обеспечение правильности рассмотрения дела... [Заявители] игнорировали отказ судьи освободить их от обязательств по защите и не явились в суд 11 апреля 2013 г., когда должно было состояться основное судебное заседание по делу, несмотря на то, что решение о назначении их адвокатами всё еще действовало. [Верховный] суд согласен с окружным судом в том, что закон не разрешает им подобное поведение. Они должны были явиться в суд и в установленном порядке заявить о своих процессуальных возражениях в судебном заседании. Их действия не отвечали ни интересам их подзащитных, ни интересам других обвиняемых. Кроме того, заявления [заявителей], содержащиеся в упомянутых выше письмах от 8 апреля 2013 г., согласно которым они уже не являются адвокатами по этому делу, представляли собой грубое неисполнение их профессиональных обязанностей в качестве адвокатов по уголовному делу... Они полностью проигнорировали законные решения судьи, не оставив ему иного выбора, кроме как освободить их от обязательств по защите и назначить вместо них других адвокатов. Это привело к существенной задержке в рассмотрении дела.

Часть VI

(1) В главе XXXV Закона № 88/2008 есть положение о штрафах за неуважение к суду. Подпункт “a” пункта 1 статьи 222 гласит, что судья по своей инициативе принимает решение о назначении штрафов, которые уплачиваются Министерству финансов в порядке, предусмотренном этой главой. Подпункт “b” того же пункта предусматривает возможность возбудить особое разбирательство по делам о нарушениях, карающихся штрафами, о которых говорится в этой главе.

(2) Согласно статье 223 главы XXXV прокурор, подсудимый или адвокат могут быть оштрафованы за нарушения, о которых говорится в подпунктах “a”–“d” этого пункта, в частности, за действия, умышленно причиняющие необоснованную задержку в рассмотрении дела (подпункт “a”) или иным образом оскорбляющие достоинство суда во время судебного заседания (подпункт “d”). Пункт 2 указанной статьи предусматривает возможность оштрафовать подсудимого или иных лиц, дающих в суде показания, за неуважение к суду. Пункт 3 этой статьи предусматривает возможность оштрафовать иных лиц, не указанных в первых двух пунктах, за нарушение запрета, установленного судьей в части подготовки к судебному заседанию, о чём говорится в пунктах 1 и 2 статьи 11 Закона № 88/2008, за неподчинение указаниям судьи по поддержанию порядка во время судебного заседания или за иное неподобающее или неупорядоченное поведение. Далее, как предусматривает пункт 4 статьи 223, если судья считает нарушение пунктов 1–3 незначительным, он может решить сделать нарушителю замечание, а не назначать ему штраф. В пункте 1 статьи 224 говорится, что, когда по такому делу выносится приговор, штраф прокурору, подсудимому, адвокату или юрисконсульту можно назначить в приговоре. Если разбирательство закончилось иным образом, штрафы этим лицам назначаются в постановлении. Пункт 2 той же статьи завершается заявлением о том, что штрафы другим лицам, кроме тех, которые обозначены в пункте 1 этой статьи, назначаются в постановлении сразу же после того, как было совершено нарушение.

¹ Номера пунктов добавлены в текст для того, чтобы можно было делать перекрестные ссылки.

(3) Конкретный максимальный размер штрафа за неуважение к суду, которое определяется согласно главе XXXV Закона № 88/2008, не установлен. [Заявителям] были назначены высокие штрафы. С учетом обоих указанных факторов нужно считать, что эти штрафы по своему характеру являлись наказанием, и в ходе рассмотрения дела в Верховном суде стороны с этим согласились.

(4) Как отмечалось ранее, второе предложение пункта 1 статьи 222 разрешает прокуратуре возбуждать разбирательство по делам о нарушениях, наказывающихся штрафами согласно этой главе. По общему правилу подсудимым после этого следует дать возможность себя защищать. В данном случае такой возможности обеспечено не было. С другой стороны, как отмечалось ранее, судья, рассматривающий соответствующее уголовное дело, мог также назначить штрафы на основании первого предложения [пункта 1 статьи 222]. В этих обстоятельствах не требуется, чтобы прокуратура заявляла отдельное требование. Нет оснований полагать, что [заявители] должны были пользоваться меньшей защитой согласно закону в зависимости от того, какой из указанных выше вариантов был выбран при оценке того, нужно ли назначать им штрафы, которые являются наказанием – см. статью 70 Конституции Исландии и пункты 1 и 3 статьи 6 [Конвенции]...

(5) Когда стало понятно, что [заявители] не исполняют свою обязанность по явке в судебное заседание и суд приступил к обсуждению вопроса о назначении штрафов, их следовало вызвать в особое судебное заседание и дать им возможность изложить свою позицию и представить дополнительные значимые доводы помимо тех, которые в явном виде были заявлены в их переписке с окружным судом. Однако этого сделано не было. [Заявители] были освобождены от их обязательств по защите на заседании 11 апреля 2013 г., а решение оштрафовать их было принято в приговоре, вынесенном 12 декабря 2013 г.

(6) Как указано в части V настоящего постановления, прокурор принес протест на приговор в этой части. Это было сделано по просьбе [заявителей], которые, согласно закону, имели право на пересмотр решения окружного суда о назначении штрафов вышестоящим судом с проведением устного разбирательства. Таким образом, закон не ограничивал права [заявителей] защищать себя в суде второй инстанции. Им была предоставлена возможность заявлять любые доводы на устном слушании дела и при необходимости лично давать показания и вызывать свидетелей (см. пункт 3 статьи 205 [УПК Исландии]) или возбудить особое разбирательство с участием свидетелей (см. пункт 1 статьи 141 [УПК Исландии]). С учетом этих соображений права заявителей не пострадали из-за того, что окружной суд не провел устного разбирательства перед тем, как оштрафовать их. Из этого следует, что порядок рассмотрения дела соответствовал закону и не привел к нарушению их права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное пунктом 1 статьи 70 Конституции Исландии и пунктами 1 и 3 статьи 6 [Конвенции]... Для справки см. Постановления [Европейского Суда по правам человека] по делу “Вебер против Швейцарии” (Weber v. Switzerland) от 22 мая 1990 г. и по делу “Т. против Австрии” (T. v. Austria) от 14 ноября 2000 г. Соответственно, принимая во внимание мотивировочную часть обжалуемого постановления, назначенные [заявителям] штрафы следует оставить в силе.

...»

34. Меньшинство судей согласилось с позицией большинства о том, что заявители, не явившись на рассмотрение уголовного дела, возбужденного в отношении своих подзащитных, нарушили закон и свои обязанности адвокатов. Кроме того, меньшинство согласилось с тем, что поведение заявителей привело к задержке в рассмотрении дела и что назначенные им штрафы являлись уголовным наказанием. Однако далее меньшинство судей отметило:

«Когда стало ясно, что [заявители] не явятся в судебное заседание, нужно было незамедлительно организовать заседание согласно положениям [главы XXXV УПК Исландии], сообщить [заявителям] о предъявленных им обвинениях и дать им возможность заявить возражения против назначения штрафов. Однако этого сделано не было. В судебном заседании 11 апреля 2013 г. [заявителей] освободили от их обязательств по защите и назначили вместо них новых адвокатов. Однако решение о назначении [заявителям] штрафов было принято в приговоре от 12 декабря 2013 г. несмотря на то, что они уже не являлись адвокатами. При этом их не уведомили об этих намерениях и не дали им возможности себя защищать. Это касается и решения о назначении штрафов и их размера.

С учетом указанных выше соображений при рассмотрении дела в окружном суде были допущены нарушения, однако правовые нормы, разрешающие вернуть уголовное дело в этой части в окружной суд на новое рассмотрение, отсутствуют. Принимая во внимание эти обстоятельства... приговор окружного суда в обжалуемой части, касающейся... штрафов, нужно отменить».

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

I. ПРАВОВЫЕ АКТЫ ИСЛАНДИИ

А. Конституция Исландии

35. В части, имеющей отношение к настоящему делу, Конституция Исландии (*Stjórnarskrá lýðveldisins Íslands*) предусматривает следующее:

«Статья 69

Никто не может подвергаться наказанию, если он не признан виновным в совершении действий, которые являлись преступлением согласно закону на момент их совершения или были полностью аналогичны этим действиям. Наказание не может быть более строгим, чем то, которое допускал закон на момент совершения преступления».

Статья 70

1. Любое лицо в случае спора о его правах и обязанностях или при предъявлении ему уголовного обвинения имеет право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом. Судебное разбирательство является открытым, за исключением случаев, когда судья в соответствии с законом принимает решение о рассмотрении дела за закрытыми дверями в интересах морали, общественного порядка, государственной безопасности или в интересах сторон.

2. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным до тех пор, пока не будет установлена его виновность».

В. Общий уголовный кодекс Исландии

36. Соответствующие статьи Общего уголовного кодекса Исландии (Закон № 19/1940), применявшиеся в то время, когда происходили события, о которых идет речь в деле, предусматривали следующее:

«Статья 51

1. При определении размера штрафа необходимо учитывать в соответствующих случаях доход и имущество подсудимых, их финансовое положение, их обязанности по отношению к иждивенцам и другие факторы, влияющие на их платежеспособность, а также финансовую выгоду или экономию, которые проистекали или должны были проистекать из преступления.

2. На решение о замене штрафа лишением свободы... не влияет финансовая состоятельность подсудимых, о которой говорится в пункте 1 настоящей статьи(...).

Статья 70

1. При назначении наказания необходимо прежде всего принимать во внимание следующие факторы:

1. Значимость интересов, на которые посягает преступление.
2. Размер причиненного ущерба.
3. Опасность, которую повлекло за собой преступление, в частности с учетом времени, места и способа его совершения.
4. Возраст преступника.
5. Поведение преступника в последнее время.
6. Умысел преступника.
7. Цель совершения преступления.
8. Поведение преступника после совершения преступления.
9. Сообщил ли преступник информацию, которая внесла существенный вклад в расследование преступления, наличие соучастников или других преступлений.

2. Если преступление совершено в сговоре [с другими лицами], размер наказания по общему правилу должен быть увеличен.

3. Если жертвой преступника стали мужчина, женщина или ребенок, состоящие в близких с ним отношениях, и эти отношения привели к тому, что преступление стало более тяжким, размер наказания, по общему правилу, должен быть увеличен».

С. Уголовно-процессуальный кодекс Исландии (*Lög um meðferð sakamála*) (Закон № 88/2008)

37. Соответствующие положения УПК Исландии, которые действовали в период времени, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривали следующее:

«Статья 31

...
2. Кроме того, подсудимому должен быть назначен адвокат, если основное разбирательство по делу проводится согласно положениям главы XXV, за исключением случаев, когда подсудимый сам выбрал себе адвоката согласно статье 32 и не хочет, чтобы адвоката назначал суд, или когда он изъявил желание самостоятельно представлять свои интересы (см. статью 29).

3. Судья может назначить подсудимому адвоката, даже если подсудимый об этом не просил, если судья считает, что подсудимый не может достаточно эффективно защищать свои интересы в ходе судебного разбирательства(...).

Статья 34

1. Если подсудимый просит отменить решение о назначении адвоката и назначить ему нового адвоката, эта просьба подлежит удовлетворению, за исключением случаев, когда это может привести к задержке в рассмотрении дела(...).

Статья 35

1. Роль адвоката заключается в том, чтобы заявлять обо всех обстоятельствах дела, которые могут служить основанием для вынесения оправдательного приговора или отвечают интересам подсудимого, а также защищать интересы подсудимого во всех отношениях(...).

Статья 140

1. Когда при рассмотрении дела в суде Исландии осуществляется сбор документов согласно указаниям настоящей главы, в соответствующих случаях применяются положения главы II и глав XVIII–XX. Решения и постановления по вопросам сбора документов принимаются судьей, председательствующим при сборе документов.

2. Если этого требуют обстоятельства, в процессе сбора документов в другом суде сторона может ходатайствовать о представлении дополнительных документов по отношению к тем, которые были запрошены изначально. Вопрос об удовлетворении этого ходатайства решается соответствующим судьей.

Статья 141

1. В соответствующих случаях положения статьи 140 применяются при сборе доказательств в окружном суде в связи с рассмотрением дела в Верховном суде.

Статья 171

2. Не имеет значения, на каком этапе производства по делу представляются показания, возражения и доказательства(...).

Статья 196

1. В рамках, вытекающих из прочих положений настоящего Кодекса, жалоба на приговор окружного суда подается в Верховный суд с целью добиться:

- a) пересмотра назначенного наказания;
- b) пересмотра выводов, основанных на толковании или применении правовых норм;
- c) пересмотра выводов, основанных на оценке доказательственной ценности представленных в окружной суд документов, кроме устных показаний;
- d) отмены приговора и передачи дела на новое рассмотрение;
- e) прекращения производства по делу, [изначально] поступившему в окружной суд.

2. При обжаловании приговора можно также ходатайствовать о пересмотре постановлений и решений, вынесенных в ходе рассмотрения дела в окружном суде.

3. При обжаловании приговора окружного суда по какому-либо из оснований, указанных в пункте 1 настоящей статьи, можно также ходатайствовать о пересмотре выводов суда по требованию, заявленному согласно главе XXVI, при условии, что было вынесено решение по существу этого требования, а подсудимый или истец ходатайствовал о его пересмотре. Если приговор окружного суда не обжалуется по одному из указанных выше оснований, обжаловать решение суда по существу этого требования могут и подсудимый, и истец согласно правилам обжалования судебных решений по гражданским делам(...).

Статья 204

1. Верховный суд может вынести решение об отклонении поданной жалобы из-за нарушения порядка ее подачи в Верховный суд без предварительного проведения судебного заседания. Аналогичным образом, Верховный суд может отменить приговор окружного суда, если при рассмотрении дела в окружном суде были допущены серьезные процессуальные нарушения...(...)

Статья 205

3. Верховный суд может принять решение представить доказательства в устной форме, если он сочтет это необходимым и если с учетом обстоятельств дела имеются основания полагать, что представление доказательств в этой форме может повлиять на результат рассмотрения дела(...).

Статья 208

2. Верховный суд не может пересматривать выводы окружного суда о доказательственной ценности устных показаний, за исключением случаев, когда соответствующие свидетели или подсудимый дали устные показания в Верховном суде.

3. Если Верховный суд считает, что вывод окружного суда о доказательственной ценности данных в суде устных показаний может быть неправильным и это оказало существенное влияние на результат рассмотрения дела, а соответствующие свидетели или подсудимый не давали устных показаний в Верховном суде, Верховный суд может отменить приговор окружного суда, а также результаты рассмотрения дела в этом суде в объеме, необходимом для дачи устных показаний в окружном суде и для нового рассмотрения дела. Если приговор окружного суда был отменен таким образом, дело в рамках нового разбирательства рассматривается тремя судьями окружного суда, при этом в состав суда не могут входить судьи, которые занимались этим делом ранее».

38. Статьи 222–224, включенные в главу XXXV УПК Исландии под заголовком «Штрафы за процессуальные нарушения» в редакции, действовавшей в то время, когда происходили обжалуемые по делу события, предусматривали следующее:

«Статья 222

1. Судья по собственной инициативе назначает штрафы согласно правилам настоящей главы. Эти штрафы уплачиваются министерству финансов. Однако по делам о нарушениях, карающихся штрафами согласно этой главе, может быть возбуждено особое разбирательство.

2. Если в других законах предусматривается дополнительное наказание за проступки, попадающие под действие положений настоящей главы, соответствующие требования могут быть заявлены в рамках отдельного разбирательства независимо от постановлений о назначении штрафов за процессуальные нарушения.

Статья 223

1. Прокурор, адвокат или юрисконсульт могут быть оштрафованы за:

- a) умышленное причинение необоснованной задержки в рассмотрении дела;
- b) нарушение запрета, установленного пунктами 1 или 2 статьи 11;
- c) неподобающие письменные или устные замечания в суде, касающиеся судьи или других участников разбирательства;

d) действия во время судебного заседания, иным образом оскорбляющие достоинство суда.

2. Подсудимый или другие участники разбирательства, дающие в суде показания, могут быть оштрафованы за нарушения, указанные выше в подпунктах “b”, “c” и “d”.

3. Другие участники разбирательства, кроме тех, о которых говорится в первых двух пунктах настоящей статьи, могут быть оштрафованы за нарушение запрета, предусмотренного пунктами 1 или 2 статьи 11¹, за несоблюдение указания судьи по поддержанию порядка во время судебного заседания или за иное неподобающее или непорядочное поведение.

4. Если судья считает, что положения первых трех пунктов настоящей статьи были нарушены, но нарушение является незначительным, он может решить сделать нарушителю замечание вместо того, чтобы назначать ему штраф.

5. Верховный суд может оштрафовать прокурора, адвоката или их обоих за подачу безосновательной жалобы. Кроме того, прокурор, адвокат или юрисконсульт могут быть оштрафованы за грубую небрежность или иное ненадлежащее поведение в ходе рассмотрения дела в окружном

¹ Статья 11 УПК Исландии касается особых мер по организации судебного заседания, предпринятых судьей. Она устанавливает общий запрет аудиозаписи и фотосъемки в судебном заседании и в определенных случаях предусматривает возможность исключений (пункт 1). Пункт 2 этой статьи дает судье возможность запретить разглашение информации в случае, если дело рассматривается за закрытыми дверями.

суде, при подготовке к разбирательству в Верховном суде или во время разбирательства в Верховном суде. При рассмотрении дела в Верховном суде в соответствующих случаях применяются положения первых четырех пунктов настоящей статьи.

Статья 224

1. Штрафы прокурору, подсудимому, адвокату или юрисконсультам назначаются при вынесении приговора по делу. Если разбирательство закончилось иным образом, штрафы этим участникам назначаются в постановлении.

2. Штрафы иным лицам, кроме тех, о которых говорится в пункте 1 настоящей статьи, назначаются в постановлении сразу же после того, как было совершено нарушение».

D. Гражданский процессуальный кодекс Исландии (*Lög um meðferð einkamála*) (Закон № 91/1991)

39. Глава XXII Гражданского процессуального кодекса Исландии, которая называется «Штрафы за процессуальные нарушения», в редакции, действовавшей в то время, когда происходили обжалуемые по делу события, предусматривала следующее:

«Статья 134

1. Судья назначает штрафы согласно положениям настоящей главы по своей инициативе; штрафы уплачиваются Министерству финансов.

2. Если наказание за нарушения, которые охватываются настоящей главой, предусмотрено также другими правовыми актами, оно может быть назначено в рамках другого судебного разбирательства вне зависимости от решения о назначении штрафа за процессуальное нарушение.

Статья 135

1. Участники разбирательства могут быть оштрафованы за то, что они:

- (a) подали иск без необходимости,
- (b) поставили противные стороны без уважительной причины в положение, в котором им было необходимо подать иск,
- (c) умышленно вызвали необоснованную задержку в рассмотрении дела,
- (d) сознательно заявляли некорректные требования, утверждения или возражения,
- (e) делали в суде неподобающие письменные или устные замечания о судьбе, противной стороне, представителе противной стороны или иных лицах,
- (f) во время судебного заседания совершали действия, иным образом свидетельствующие о неуважении к суду.

2. Представители сторон, виновные в нарушениях, указанных в подпунктах “с”–“f” пункта 1, могут быть оштрафованы лично или совместно со сторонами.

3. Лицо, дающее в суде показания, может быть оштрафовано за нарушения пунктов “e” или “f” пункта 1.

4. Иные лица, кроме тех, которые указаны в пунктах 1, 2 и 3, могут быть оштрафованы за несоблюдение указаний судьи по поддержанию порядка в судебном заседании или за иное предосудительное или непорядочное поведение.

5. Вышестоящий суд может оштрафовать стороны, их представителей или и тех, и других за подачу жалобы без надлежащих оснований.

Статья 136

1. Если по делу выносится решение, штрафы стороне или представителю стороны назначаются в этом решении. Если выносится определение об оставлении иска без рассмотрения, штрафы им назначаются в этом определении. Если сторона отказывается от иска, выносится особое определение о назначении штрафов стороне или ее представителю.

2. Штрафы иным лицам назначаются в определении сразу же после того, как было совершено нарушение».

E. Закон № 77/1998 «Об адвокатах» (*Lög um lögmenn*)

«Статья 20

1. Юрист обязан принять назначение или поручение и стать адвокатом или защитником законных прав по уголовному делу при условии, что он соответствует общим квалификационным требованиям, а у него самого, его родственников или других его подзащитных отсутствуют интересы, несовместимые с этой ролью(…).

Статья 21

(...)

6. Адвокат может отказаться от осуществления взятой им на себя задачи в любое время, но обязан удостовериться, что это не повредит интересам его подзащитного».

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РЕШЕНИЯ СУДОВ ИСЛАНДИИ

40. Соответствующие решения судов Исландии, на которые ссылались заявители (см. ниже § 105), можно кратко изложить следующим образом:

А. Дело № 487/2014 – «Прокуратура против Стефана Карла Кристьянссона» (The Prosecution v. Stefán Karl Kristjánsson) (далее – дело Стефана Карла Кристьянссона)

41. Решением от 31 марта 2015 г. Верховный суд оставил без изменения решение окружного суда о назначении штрафа подсудимому (адвокату) за неуважение к суду на основании подпунктов «а» и «d» пункта 1 статьи 223 УПК Исландии. Сумма штрафа была снижена с 300 000 исландских крон (около 2 000 евро) до 164 762 исландских крон (около 1 100 евро).

42. Основное разбирательство, в котором подсудимый выступал в качестве адвоката, касалось обвинения в продаже и выращивании конопли.

43. Верховный суд пришел к выводу, в частности, что штраф не был ограничен конкретным максимальным размером и составлял существенную сумму, следовательно, можно считать, что он имел характер наказания. Далее Верховный суд отметил: то, что окружной суд не провел отдельного заседания, прежде чем вынести это решение, не нарушало принцип справедливости судебного разбирательства, так как закон не ограничивал права подсудимого заявлять доводы в свою защиту при рассмотрении жалобы судом второй инстанции, а в ходе разбирательства в Верховном суде он мог представить все свои аргументы.

44. Кроме того, отмечалось, что подсудимого извещали о датах рассмотрения дела окружным судом, но он дважды не являлся в судебное заседание и не обеспечил явку другого лица, уполномоченного представлять его интересы, а значит, нарушил свои обязанности адвоката и без необходимости вызвал задержку в рассмотрении дела. Поэтому решение окружного суда сделать подсудимому замечание согласно пункту 4 статьи 223 УПК Исландии было обоснованным. Не явившись в основное заседание по делу, адвокат проявил неуважение к суду, и решение окружного суда о назначении ему штрафа на основании подпунктов «а» и «b» пункта 1 статьи 223 УПК Исландии было признано правильным.

В. Прочие решения Верховного суда о назначении штрафов за неуважение к суду

1. Решение 1954 года, с. 603

45. В рамках уголовного дела о нарушениях правил продажи алкогольных напитков адвокат был оштрафован за неподобающие замечания, содержащиеся в его письменных представлениях в окружной суд, по поводу, *inter alia*, некоторых свидетелей. Штраф, назначенный окружным судом на основании статьи 160 прежнего Уголовно-процессуального кодекса Исландии (Закон № 27/1951), составил 200 исландских крон, впоследствии Верховный суд увеличил его до 500 исландских крон (по состоянию на май 2014 года¹ это составляло около 18 271 исландской кроны, или около 119 евро). В случае неуплаты штрафа в течение четырех недель он подлежал замене лишением свободы сроком на четыре дня.

2. Решение 1958 года, с. 602

46. В рамках уголовного дела о нарушениях правил дорожного движения адвокат был оштрафован на основании статьи 160 (см. статью 159) прежнего Уголовно-процессуального кодекса Исландии (Закон № 27/1951) за крайне неподобающие и оскорбительные за-

¹ В мае 2014 года было вынесено решение Верховного суда по делу заявителей.

мечания, содержащиеся в его письменных представлениях в окружной суд, в отношении двух сотрудников полиции, которые давали показания по делу, и председательствующего. Штраф в размере 500 исландских крон (по состоянию на май 2014 года это составляло около 14 266 исландских крон, или около 93 евро) был оставлен без изменения Верховным судом.

3. Решение № 42/1959, с. 634

47. В рамках гражданского дела о разводе суд пришел к выводу, что адвокат в своих письменных представлениях сделал оскорбительные замечания в адрес одной из сторон. Окружной суд признал эти замечания недействительными. Кроме того, Верховный суд оштрафовал ответчика на 500 исландских крон (по состоянию на май 2014 года это составляло около 14 358 исландских крон, или около 93 евро) на основании пункта 5 статьи 188 прежнего Гражданского процессуального кодекса Исландии (Закон № 85/1936). В случае неуплаты штрафа в течение четырех недель он подлежал замене лишением свободы сроком на два дня.

4. Решение № 86/1959, с. 289

48. В рамках уголовного дела о нарушении правил дорожного движения суд пришел к выводу, что обвиняемый в своих письменных представлениях сделал оскорбительные и необоснованные замечания обвинительного характера в адрес проводивших расследование сотрудников полиции. Суд признал эти замечания недействительными и оштрафовал обвиняемого на 400 исландских крон (по состоянию на май 2014 года это составляло около 11 457 исландских крон, или около 74 евро) на основании статьи 160 (ср. статью 159) прежнего Уголовно-процессуального кодекса Исландии (Закон № 27/1951). В случае неуплаты штрафа в течение четырех недель он подлежал замене лишением свободы сроком на три дня.

5. Решение 1975 года, с. 989

49. В рамках гражданского дела о взыскании долга истец по апелляции был оштрафован на 5 000 исландских крон (по состоянию на май 2014 года это составляло около 13 539 исландских крон, или около 88 евро) за то, что он подал в Верховный суд совершенно необоснованную жалобу. В случае неуплаты штрафа, назначенного на основании пунктов 1 и 2 статьи 188 прежнего Гражданского процессуального кодекса Исландии (Закон № 85/1936) и статьи 58 прежнего Закона № 75/1973 «О Верховном суде», в течение четырех недель он подлежал замене лишением свободы сроком на два дня.

6. Решение № 318/2004

50. В рамках уголовного дела о причинении телесных повреждений суд счел, что адвокат вел себя предосудительно и проявил чрезвычайное неуважение к окружному суду. Он игнорировал указания судьи, неоднократно перебивал свидетелей и судью, приписывал судье слова, которые тот не говорил, и перебивал прокурора, когда тот допрашивал свидетелей. Штраф в размере 40 000 исландских крон (по состоянию на май 2014 года это составляло около 70 293 исландских крон, или около 494 евро), назначенный окружным судом на основании пункта 1 статьи 11 (см. пункт 3 статьи 11) прежнего Уголовно-процессуального кодекса Исландии (Закон № 19/1991), был оставлен Верховным судом без изменения.

7. Решение № 352/2010

51. В рамках гражданского спора между соседями суд пришел к выводу, что истец ненадлежащим образом оскорбил и ответчика, обвинив его в повестке в воровстве, и первого председательствующего судью, обвинив его в нарушении Кодекса поведения для судей. Требование ответчика о признании этих замечаний недействительными не было удовлетворено по формальным основаниям, однако истец был оштрафован на 80 000 исландских крон (по состоянию на май 2014 года это составляло около 92 945 исландских крон, или около 521 евро) на основании пункта «е» статьи 135 Гражданского процессуального кодекса

Исландии (Закон № 91/1991). Впоследствии этот штраф был оставлен без изменения Верховным судом.

8. Решение № 292/2012

52. В рамках гражданского дела о возмещении ущерба, причиненного вооруженным нападением, адвокат ответчика, который передразнивал истца и высмеивал его, был оштрафован за нарушение правил поведения в зале суда. На основании пункта «f» статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Исландии (Закон № 91/1991) окружной суд оштрафовал его на 100 000 исландских крон (по состоянию на май 2014 года это составляло около 104 464 исландских крон, или около 582 евро). Впоследствии этот штраф был оставлен без изменения Верховным судом.

9. Решение № 710/2012

53. В деле о причинении особо тяжких телесных повреждений в Верховный суд была подана жалоба на постановление окружного суда об избрании в отношении подсудимого меры пресечения в виде предварительного содержания под стражей. В отсутствие новых доказательств и фактов и с учетом предыдущих предупреждений о бесполезности обжалования прежних постановлений Верховный суд признал жалобу совершенно необоснованной. Затем суд оштрафовал адвоката защиты на 100 000 исландских крон (по состоянию на май 2014 года это составляло около 104 812 исландских крон, или около 612 евро) согласно пункту 5 статьи 223 Уголовно-процессуального кодекса Исландии (Закон № 88/2008).

III. МАТЕРИАЛЫ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

54. Европейский Суд счел целесообразным провести сравнительно-правовое исследование законодательства государств-участников о применении санкций за действия адвокатов, препятствующие нормальному рассмотрению дела.

55. В исследовании рассматривается внутреннее законодательство 43 государств – участников Конвенции (Австрии, Азербайджана, Албании, Андорры, Армении, Бельгии, Боснии и Герцеговины, Венгрии, Германии, Греции, Грузии, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Латвии, Литвы, Лихтенштейна, Люксембурга, Северной Македонии, Мальты, Республики Молдова, Монако, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, Российской Федерации, Румынии, Сан-Марино, Сербии, Словакии, Словении, Соединенного Королевства, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии, Черногории, Чешской Республики, Швейцарии, Швеции и Эстонии).

56. По-видимому, возможность назначить адвокату наказание за отсутствие в заранее назначенном судебном заседании по уголовному делу существует в 41 государстве-участнике, принявшем участие в исследовании (за исключением Сан-Марино и Северной Македонии, где привлечь адвоката за это к ответственности невозможно).

57. Что касается органа, который принимает решение о применении санкций, в 27 государствах-участниках, охваченных исследованием, наказание адвокату за неявку в заранее назначенное судебное заседание может быть назначено судами, а в 33 государствах-участниках – соответствующей коллегией адвокатов или иными аналогичными специализированными контролирующими органами. В некоторых из этих стран наказание может быть назначено как по решению суда, так и по решению коллегии адвокатов.

58. В двадцати трех государствах-участниках соответствующие суды (при рассмотрении того же дела или в рамках отдельного разбирательства) могут назначить адвокату штраф в качестве наказания за неявку в заранее назначенное судебное заседание.

59. В большей части этих стран (в 20 государствах-участниках) закон устанавливает максимальный размер взыскания, которое может быть в связи с этим наложено. Такие ограничения размера штрафов отсутствуют в правовых системах двух государств-участников (Ирландии и Норвегии), хотя в этих случаях ограничения вытекают из других источников, например из судебной практики. В Соединенном Королевстве закон не предусматривает

максимальный размер штрафов при рассмотрении дел в апелляционных судах или судах короны, но ограничивает их размер при рассмотрении дел в магистратских судах.

60. В правовых системах 17 государств-участников штраф в качестве наказания может быть назначен коллегией адвокатов или иными аналогичными специализированными контролирующими органами. В некоторых из указанных стран штраф может быть назначен как по решению суда, так и по решению коллегии адвокатов. В большей части данных стран (в 15 государствах-участниках) предусмотрены ограничения размера взысканий, которые могут быть при этом наложены. В этой связи верхний размер штрафов не ограничивается в правовой системе одного государства-участника (Швейцарии). Еще в одном государстве-участнике (Ирландии) установлен максимальный размер штрафов для солиситоров¹, но не для барристеров.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

61. Заявители жаловались в Европейский Суд на то, что Суд округа Рейкьявик рассмотрел их дело и назначил им наказание *in absentia*. По их мнению, это привело к нарушению пунктов 1 и 3 статьи 6 Конвенции. Далее, они утверждали, что Верховный суд не исправил процессуальных нарушений, допущенных при рассмотрении дела окружным судом, и согласно положениям законодательства Исландии не имел возможности этого сделать.

62. Статья 6 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

a) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

e) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке».

По вопросу о применимости статьи 6 Конвенции

1. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

63. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что в настоящем деле применима статья 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте. Она подчеркнула, что в правовой системе Исландии правила назначения штрафов закреплены в Уголовно-процессуальном

¹ Солиситор (англ. *solicitor*) – категория адвокатов в Соединенном Королевстве, ведущих подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами – адвокатами высшего ранга (*примеч. переводчика*).

кодексе. Палата Суда отметила, что законодательство Исландии не устанавливает максимальный размер назначаемых судом штрафов и что в данном случае штраф был довольно большим.

64. Кроме того, Палата Европейского Суда придала значение выводу Верховного суда о том, что назначенные заявителям штрафы являлись уголовным наказанием и что стороны этого не оспаривали. Приняв во внимание, в частности, первый критерий Энгеля, то есть правовую квалификацию нарушения по внутреннему законодательству (см. Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (Engel and Others v. Netherlands) от 8 июня 1976 г., §§ 82–83, Series A, № 22), Палата Суда не усмотрела оснований не соглашаться с позицией Верховного суда по данному вопросу.

2. Представления сторон

(а) Доводы заявителей

65. Заявители утверждали, что в настоящем деле применима статья 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте, в частности, с учетом того, что УПК Исландии, регулирующий данный вопрос, применяется к рассмотрению только уголовных, а не гражданских дел. Они отмечали, что требования уголовно-процессуального законодательства Исландии, в частности, пункта 1 статьи 198, пункта 2 статьи 199 и пункта 1 статьи 200 УПК Исландии, были соблюдены. Соответствующие нормы предусматривали, что штрафы, назначенные судом первой инстанции за неуважение к суду, должны достигать определенного размера, чтобы их можно было обжаловать в Верховный суд, а ходатайство об обжаловании должно подаваться в Государственную прокуратуру.

66. Кроме того, заявители подчеркивали вывод Верховного суда о том, что назначенные им штрафы «по своему характеру» являлись наказанием ввиду отсутствия установленных законом ограничений размера этих штрафов и величины штрафа, о котором идет речь в настоящем деле.

67. Наконец, заявители ссылались на дела, в которых Европейский Суд признавал статью 6 Конвенции применимой в уголовно-процессуальном аспекте (в частности, на Постановление Европейского Суда по делу «Вебер против Швейцарии» (Weber v. Switzerland) от 22 мая 1990 г., Series A, № 177, и Постановление Европейского Суда по делу «Т. против Австрии» (T. v. Austria), жалоба № 27783/95, ECHR 2000-XII), а также из практики исландских судов, на дело Стефана Карла Кристьянссона (см. выше § 41 и последующие).

(b) Доводы властей государства-ответчика

68. При рассмотрении дела в Палате Европейского Суда власти государства-ответчика исходили из того, что к обстоятельствам настоящего дела применима статья 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте. Однако в своих представлениях в Большую Палату Суда власти государства-ответчика поменяли свою позицию по данному вопросу и предложили Суду прийти к выводу о том, что статья 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте неприменима. В связи с этим они утверждали, что Верховный суд не стал конкретно рассматривать вопрос о соблюдении критериев Энгеля (см. ниже § 75).

69. По первому критерию (правовая квалификация нарушения по законодательству Исландии) власти государства-ответчика подчеркивали, что глава XXXV УПК Исландии, которая называется «Штрафы за процессуальные нарушения», содержит конкретные процессуальные нормы, которые имеют очень мало общего с уголовным правом. Эта глава касается исключительно нарушений порядка проведения судебных заседаний, тогда как неподобающее поведение более серьезного характера можно считать преступлением согласно соответствующим статьям Общего уголовного кодекса Исландии (Закон № 19/1940).

70. На то, что положения главы XXXV не следует соотносить с уголовным правом, указывает целый ряд факторов. Эти положения не только не входят в общую часть уголовного права (соответствующие нормы закреплены в Общем уголовном кодексе Исландии) или в особенную часть уголовного права (соответствующие нормы закреплены в других законах), но и очень схожи с положениями главы XXII Гражданского процессуального кодекса

Исландии. Когда происходят действия, описанные в главе XXII, вопрос о том, являются ли они нарушением, предусмотренным данной главой, в целом решается судом, рассматривающим дело, по своей инициативе и без участия прокурора. Кроме того, штрафы, назначенные согласно главе XXXV, не влекут за собой судимости и в отсутствие соответствующего судебного постановления не подлежат замене лишением свободы. Напротив, такая возможность имелась в деле «Равнсборг против Швеции» (Постановление Европейского Суда по делу «Равнсборг против Швеции» (Ravnsborg v. Sweden) от 23 марта 1994 г., Series A, № 283-B), где заявитель был оштрафован за нарушение правил проведения судебного заседания на основании статьи Уголовно-процессуального кодекса Швеции.

71. Говоря о характере нарушения (втором критерии Энгеля), власти государства-ответчика отмечали, что на основании пункта 1 статьи 223 УПК Исландии могут быть оштрафованы только прокурор, адвокат или юрисконсульт. Эта норма не рассчитана на применение к неопределенному кругу лиц. Вопрос о том, нарушают ли те или иные действия положения главы XXXV УПК Исландии, решает по своей инициативе суд, рассматривающий конкретное дело, в рамках которого они имели место.

72. Говоря о третьем критерии Энгеля, власти государства-ответчика отмечали, что размер штрафов в настоящем деле действительно выше, чем в предыдущих судебных решениях, однако его нужно рассматривать с учетом важности разбирательства, в рамках которого подзащитным заявителей было предъявлено обвинение. Рассмотрев дело, окружной суд установил, что адвокаты должны получить за свои услуги около 559 000 евро. Суды редко присуждают гонорары в таком размере, если не считать таких дел, как это, где события развивались в исключительном контексте общемирового финансового кризиса 2008 года.

3. Мнение Европейского Суда

(а) Предварительные замечания

73. Европейский Суд отмечает, что по делу не утверждалось, что речь идет о «гражданских правах и обязанностях» заявителей. Вопрос заключается только в том, касалось ли разбирательство предъявленного им «уголовного обвинения» по смыслу положений статьи 6 Конвенции. Верховный суд установил, что назначенные заявителям штрафы («по своему характеру») являлись наказанием (см. выше § 33, часть VI (3)). При рассмотрении дела в Палате Суда заявители утверждали (и власти государства-ответчика этого не оспаривали), что в деле применима статья 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте. Как уже отмечалось выше, впоследствии власти государства-ответчика изменили свою позицию по этому вопросу и попросили Большую Палату Суда прийти к выводу о том, что статья 6 Конвенции неприменима.

74. Содержание и круг вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках переданного ей «дела», определяются решением Палаты Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу. Это означает, что Большая Палата Суда не может рассматривать жалобу в части, в которой Палата Суда объявила ее неприемлемой для рассмотрения по существу (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильнзеер против Германии» (Inseher v. Germany) от 4 декабря 2018 г., жалобы №№ 10211/12 и 27505/14¹, § 100, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блещич против Хорватии» (Blečić v. Croatia), жалоба № 59532/00, § 65, ECHR 2006-III, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илиас и Ахмед против Венгрии» (Ilias and Ahmed v. Hungary) от 21 ноября 2019 г., жалоба № 47287/15², § 173, где приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу). Таким образом, применимость статьи 6 Конвенции явно имеет отношение к «делу», переданному на рассмотрение Большой Палаты Суда, и она, соответственно, перейдет к рассмотрению этого вопроса.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 1 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2020. № 1 (примеч. редактора).

(b) Общие принципы

75. Европейский Суд напоминает, что оценка применимости статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте опирается на три критерия, широко известные как «критерии Энгеля» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов», § 82). Первый критерий – это юридическая квалификация нарушения внутренним законодательством, второй – сам характер нарушения, а третий – степень суровости грозящего нарушителю наказания (в качестве примера из числа недавно рассмотренных дел см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамос Нуньес де Карвальо э Са против Португалии» (Ramos Nunes de Carvalho e Sá v. Portugal) от 6 ноября 2018 г., жалобы №№ 55391/13, 57728/13 и 74041/13¹, § 122). В порядке применения третьего критерия Суд учитывал еще и характер наказания (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Озтюрк против Германии» (Öztürk v. Germany) от 21 февраля 1984 г., § 50, Series A, № 73, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Вебер против Швейцарии» Weber v. Switzerland, § 34, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Равнсборг против Швеции», § 35).

76. По вопросу об автономности понятия «уголовное» нужно напомнить, что Конвенция, вне всяких сомнений, позволяет государствам при выполнении своих функций по охране общественных интересов сохранять или вводить различие между уголовным правом и дисциплинарным правом и устанавливать границы между ними, но лишь при соблюдении определенных условий. Конвенция дает государствам возможность самостоятельно предусматривать уголовную ответственность за действия или бездействие, не являющиеся нормальным осуществлением одного из охраняемых ею прав. Особенно ясно это следует из статьи 7 Конвенции. Такое решение, благодаря которому начинают применяться статьи 6 и 7 Конвенции, в принципе не подлежит контролю со стороны Европейского Суда. Однако установление дисциплинарной ответственности за такие действия или бездействие предполагает более строгие правила. Если бы Договаривающиеся Государства могли по своему усмотрению считать то или иное нарушение дисциплинарным проступком, а не преступлением или привлекать за нарушение «смешанного характера» не к уголовной, а к дисциплинарной ответственности, действие основополагающих положений статей 6 и 7 Конвенции оказалось бы подчинено их суверенной воле. Такая широкая свобода усмотрения могла бы привести к результатам, несовместимым с объектом и целью Конвенции. Поэтому согласно статье 6 Конвенции у Европейского Суда даже без ссылок на статью 17 и статью 18 Конвенции есть право проверять, не происходит ли так, что государства без надлежащих оснований отдают предпочтение дисциплинарной, а не уголовной ответственности (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов», § 81).

77. Таким образом, в порядке применения первого критерия, о котором говорилось выше, Европейский Суд проверит, определяется ли состав инкриминируемого нарушения в правовой системе государства-ответчика положениями уголовного права. Рассматривая далее характер нарушения и, наконец, характер и степень суровости грозящего нарушителю наказания, Суд будет учитывать объект и цель статьи 6 Конвенции, обычное значение терминов, используемых в этой статье, и законодательство Договаривающихся Государств (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Озтюрк против Германии», § 50).

78. Европейский Суд опирается либо на второй, либо на третий критерий, они не обязательно используются совместно. Это, однако, не исключает совместного использования и того, и другого критерия в случаях, когда анализ каждого из них в отдельности не позволяет сделать однозначный вывод о существовании в деле уголовного обвинения (см., в числе прочих источников, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юссила против Финляндии» (Jussila v. Finland), жалоба № 73053/01, §§ 30–31, ECHR 2006–XIV, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства» (Ezeh and Connors v. United Kingdom), жалобы №№ 39665/98 и 40086/98, § 82, ECHR 2003–X, а также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамос Нуньес де Карвальо э Са против Португалии», § 122). То, что за нарушение не предусмотрено наказания в виде лишения свободы, само по себе не имеет решающего значения с точки зрения применимости статьи 6

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. № 4 (примеч. редактора).

Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте, поскольку, как неоднократно подчеркивал Европейский Суд, относительная мягкость наказания не может лишить нарушение присутствующего ему уголовного характера (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамос Нуньес де Карвальо э Са против Португалии», § 122).

79. В ряде дел Европейский Суд рассматривал вопрос о применимости статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте к делам о неуважении к суду или к делам о неподобающем поведении профессиональных юристов и придавал значение этим трем различным критериям в зависимости от обстоятельств каждого дела.

80. В некоторых из этих дел Европейский Суд приходил к выводу, что статья 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте не применима, поскольку критерии Ангеля не выполняются. Так, рассматривая первый критерий Ангеля, Суд, например, придавал значение тому, что примененная штрафная санкция была предусмотрена положениями Уголовно-процессуального кодекса или Закона «О судебной системе» во взаимосвязи с Гражданским процессуальным кодексом, а не положениями Уголовного кодекса; тому, что Уголовно-процессуальный кодекс предусматривал особый порядок рассмотрения дел, которые согласно Уголовному кодексу считались уголовными; а также тому, что назначение соответствующего наказания не влекло за собой судимости (см. Постановление Европейского Суда по делу «Путц против Австрии» (Putz v. Austria) от 22 февраля 1996 г., *Reports* 1996-I, § 32; см. аналогичным образом упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Равнсборг против Швеции», § 33; и Постановление Европейского Суда по делу «Жугич против Хорватии» (Žugić v. Croatia) от 31 мая 2011 г., жалоба № 3699/08, § 65). Еще в одном деле штрафная санкция была применена на основании Закона «О дисциплинарных взысканиях», наделявшего административные и судебные органы правом поддерживать дисциплину на своих заседаниях (см. Решение Европейского Суда по делу «Кубли против Швейцарии» (Kubli v. Switzerland) от 21 февраля 2002 г., жалоба № 50364/99).

81. Приходя к выводу о невыполнении второго критерия, Европейский Суд придавал особое значение выводу о том, что нарушение имело дисциплинарный характер и относилось к «неотъемлемому праву суда обеспечивать надлежащее проведение своих собственных заседаний без нарушений порядка и дисциплины» (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Равнсборг против Швеции», § 34, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Путц против Австрии», § 33, упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Кубли против Швейцарии», Решение Европейского Суда по делу «Балюк против Украины» (Balyuk v. Ukraine) от 6 сентября 2005 г., жалоба № 17696/02, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Жугич против Хорватии», § 66).

82. Применяя третий критерий, Европейский Суд приходил к выводу, что дело не имеет «уголовного» характера, с учетом, в частности, того, что размер назначенного штрафа был небольшим (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Равнсборг против Швеции», § 35, упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Кубли против Швейцарии» и упомянутое выше Решение Европейского Суда по делу «Балюк против Украины») или соответствовал минимальному размеру взыскания, предусмотренному внутренним законодательством (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Жугич против Хорватии», § 68); что хотя с учетом размера (около 36 000 евро) потенциальный штраф и можно было считать имеющим карательный характер, из-за его суровости соответствующее нарушение не приобрело уголовного характера (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мюллер-Хартбург против Австрии» (Müller-Hartburg v. Austria) от 19 февраля 2013 г., жалоба № 47195/06, § 47, и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамос Нуньес де Карвальо э Са против Португалии», § 127); что внутренним законодательством ограничивался верхний размер штрафа (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Равнсборг против Швеции», § 35); что назначение штрафов не повлекло за собой судимости, и суд мог заменить их лишением свободы только в случае неуплаты (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Равнсборг против Швеции», § 35, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Путц против Австрии», § 37); что такие решения могли быть обжалованы (там же) или что это наказание можно было заменить лишением свободы лишь в ограниченных обстоятельствах и то при условии, что подсудимый был вызван в суд на устное разбирательство в рамках отдельного производства (см. упомянутое выше

Постановление Европейского Суда по делу «Равнсборг против Швеции», § 35).

83. В других делах о неуважении к суду Европейский Суд приходил к выводу о применимости статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте.

В деле «Киприану против Кипра» Европейский Суд пришел к заключению, что все три критерия Энгеля были выполнены. Нарушение считалось по кипрскому законодательству преступлением, оно не ограничивалось имевшимся у заявителя статусом адвоката, максимально возможное наказание заключалось в лишении свободы сроком на один месяц, а фактически заявителя приговорили к лишению свободы сроком на пять дней (см. Постановление Европейского Суда по делу «Киприану против Кипра» (*Kyprianou v. Cyprus*) от 27 января 2004 г., жалоба № 73797/01, § 31).

В упомянутом выше деле «Зайцев против Латвии»¹ Европейский Суд пришел к выводу, что были выполнены второй и третий критерии, но не первый. Говоря о втором критерии, Суд провел различие между тем делом и упомянутыми выше делами «Равнсборг против Швеции» и «Путц против Австрии», где был сделан вывод, что статья 6 Конвенции не применяется, и отметил, что дисциплинарные санкции обычно направлены на обеспечение того, чтобы члены какой-то конкретной группы соблюдали конкретные правила поведения, а в данном случае это не так. В целом положения о нарушениях порядка в судебном заседании и о санкциях, которые судья может применить непосредственно после того, как они произошли, являются частью законодательства об организации судов и порядке судопроизводства, однако в том конкретном деле соответствующая норма о неуважении к суду была включена в закон, рассчитанный на применение к неопределенному кругу лиц. Кроме того, из применимой статьи следовало, что она касалась не только участников разбирательства или лица, имевшего в рамках этого разбирательства какой-то конкретный статус, но и могла применяться к любому другому лицу, даже в связи с действиями, совершёнными вне судебного заседания. По поводу третьего критерия Энгеля Суд в деле «Зайцев против Латвии», сравнив его с упомянутыми выше делами «Равнсборг против Швеции» и «Путц против Австрии» и приняв во внимание упомянутое выше дело «Т. против Австрии» (§§ 63–67), отметил, что назначенное заявителю наказание в виде лишения свободы не просто было альтернативной мерой, которой был заменен неуплаченный штраф, а представляло собой основную меру наказания. В этой ситуации допускалось лишение свободы на срок не более 15 дней, но заявителя приговорили к лишению свободы сроком на три дня. Это наказание было достаточно суровым, чтобы санкция приобрела «уголовный» характер.

В упомянутом выше деле «Т. против Австрии», где максимальный размер штрафа составлял 400 000 австрийских шиллингов (ATS) (около 30 000 евро), а назначен был штраф в размере 30 000 австрийских шиллингов (около 2 000 евро), Европейский Суд, приняв во внимание карательный характер и высокий размер взыскания, а также возможность его замены лишением свободы без гарантий проведения судебного заседания, тоже пришел к выводу, что возможные последствия для заявителя были достаточно существенными, чтобы считать нарушение «уголовным преступлением» по смыслу положений пункта 1 статьи 6 Конвенции.

(с) Применение этих принципов в настоящем деле

(i) Первый критерий: правовая квалификация нарушения законодательством Исландии

84. В рассматриваемом деле Европейский Суд принял во внимание вывод Верховного суда Исландии о том, что назначенные заявителем штрафы «по своему характеру» являлись наказанием ввиду отсутствия в соответствующих нормах о неуважении к суду явно установленного максимального размера таких штрафов и величины штрафов, назначенных в настоящем деле. Из его рассуждений не следует, что таким образом он счел подобного рода проступки уголовными преступлениями согласно законодательству Исландии. По мнению властей государства-ответчика, положения законодательства Исландии, определяющие состав этих нарушений, не относятся к уголовному праву.

Прежде всего, нарушение, о котором идет речь, предусмотрено главой XXXV Уголовно-процессуального кодекса Исландии, которая называется «Штрафы за процессуальные наруше-

¹ Так в тексте. Очевидно, имеется в виду Постановление Европейского Суда по делу «Зайцев против Латвии» (*Zaicvs v. Latvia*) от 31 июля 2007 г., жалоба № 65022/01 (*примеч. редактора*).

ния», а не Общим уголовным кодексом Исландии и не специализированными уголовно-правовыми нормами других законов (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Путц против Австрии», § 32, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Жугич против Хорватии», § 65). Кроме того, эти положения действительно очень схожи с нормами, содержащимися в главе XXII Гражданского процессуального кодекса Исландии (см. выше § 39). Второе предложение пункта 1 статьи 222 Уголовно-процессуального кодекса Исландии предусматривает, что по факту неуважения к суду может быть возбуждено особое разбирательство, но Европейский Суд отмечает, что, как заявляли власти государства-ответчика, рассмотрение таких нарушений в порядке, предусмотренном главой XXXV указанного кодекса, по общему правилу не требует участия прокурора. Штраф назначается рассматривающим дело судом по собственной инициативе (см. первое предложение пункта 1 статьи 222 Кодекса).

При этом по делу не было показано, что соответствующее нарушение квалифицируется по законодательству Исландии как «преступление».

85. Однако первый из критериев Энгеля имеет сравнительно небольшое значение и служит лишь отправной точкой для дальнейших рассуждений (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Вебер против Швейцарии», § 31, и Постановление Европейского Суда по делу «Компания с ограниченной ответственностью “А. Менарини Дианьостикс” против Италии» (A. Menarini Diagnostics S.R.L. v. Italy) от 27 сентября 2011 г., жалоба № 43509/08, § 39).

(ii) Второй критерий: характер нарушения

86. По поводу второго критерия, который имеет большее значение (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов», § 82, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Озтюрк против Германии», § 52), Европейский Суд отмечает, что заявители были оштрафованы на основании пункта 1 статьи 223 УПК Исландии (за «умышленное причинение необоснованной задержки в рассмотрении дела» (подпункт «а») и за «действия во время судебного заседания, иным образом оскорбляющие достоинство суда» (подпункт «d»)). Согласно пункту 2 статьи 223 действия, о которых говорится в подпункте «d», могут караться штрафом также и в том случае, если они совершены подсудимым или иными лицами, дающими в суде показания. Можно считать, что это положение рассчитано на применение к неограниченному кругу лиц, если они принимают участие в судебном заседании. Как Европейский Суд отмечал в предыдущих делах, этот фактор говорит в пользу того, чтобы считать проступок «уголовным преступлением» для целей статьи 6 Конвенции (см., например, упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Киприану против Кипра» и «Зайцев против Латвии»).

87. Однако нужно отметить, что штраф был назначен первому и второму заявителям в связи с одним нарушением, предусмотренным пунктом 1 статьи 223 УПК Исландии, который касается конкретной категории лиц, наделенных особым статусом, в частности «прокурора, адвоката или юрисконсульта» (см. выше § 38). В отличие от подпункта «d», подпункт «а», который в данном случае применялся совместно с этим пунктом, по-видимому, не ограничивается кругом лиц, о которых идет речь в пункте 1 статьи 223 УПК Исландии. Вопрос о том, попадает ли нарушение под действие пункта 1 статьи 223, решается судом, рассматривающим конкретное дело, по собственной инициативе.

88. В этом контексте стоит отметить, что Европейский Суд часто ссылался на то, что адвокаты благодаря своему особому статусу играют центральную роль в отправлении правосудия, будучи посредниками между обществом и судами. Как отмечал Суд, для того, чтобы граждане испытывали доверие к отправлению правосудия, они должны быть уверены в том, что адвокаты способны обеспечить эффективное представительство интересов подзащитных (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Киприану против Кипра», жалоба № 73797/01, § 173, ECHR 2005-XIII, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Коррейя де Матус против Португалии» (Correia de Matos v. Portugal) от 4 апреля 2018 г., жалоба № 56402/12¹, § 139). Кроме того, «особая роль адвокатов как независимых профессионалов в отправлении правосудия пред-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 5 (примеч. редактора).

полагает ряд обязанностей, особенно ввиду того, что они должны вести себя осмотрительно, честно и с достоинством» (там же, § 140).

89. Вместе с тем нужно придавать значение тому, что нормы, дающие суду возможность назначить наказание за нарушение порядка в судебном заседании, являются общей особенностью правовых систем государств-участников. Эти нормы и наказания вытекают из неотъемлемого права суда обеспечивать надлежащее проведение своих собственных заседаний без нарушений порядка и дисциплины. Меры, принимаемые судами согласно этим нормам, больше похожи на осуществление дисциплинарных полномочий, чем на назначение наказания за совершение преступления. Конечно, за более серьезные случаи нарушения порядка государства могут вводить уголовную ответственность (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Равнсборг против Швеции», § 34).

90. В конкретных обстоятельствах настоящего дела Верховный суд пришел к выводу, что намеренный отказ заявителей от явки в заранее назначенное судебное заседание привел к серьезному нарушению их профессиональных обязанностей в качестве адвокатов по уголовному делу. То, что они полностью проигнорировали законные решения судьи, не оставив ему другого выбора, кроме как освободить их от обязательств по защите и назначить вместо них других адвокатов, привело к существенной задержке в рассмотрении дела. Признавая, что на заявителей был наложен уголовный штраф, Верховный Суд прямо не основывал этот вывод на характере поведения заявителей. (см. выше § 33, часть V).

91. В этих обстоятельствах, несмотря на серьезность неисполнения профессиональных обязанностей, о котором идет речь, непонятно, следует считать допущенное заявителями нарушение по своему характеру преступлением или дисциплинарным проступком. Поэтому необходимо рассмотреть данный вопрос с точки зрения третьего критерия – характера и степени суровости угрожавшего заявителям наказания.

(iii) Третий критерий: характер и степень суровости наказания

92. Верховный суд не стал конкретно ссылаться на то, что по законодательству Исландии соответствующий проступок считался «уголовным преступлением» (первый критерий Энгеля), или на то, что его нужно было считать «уголовным преступлением» исходя из характера допущенных заявителями нарушений (второй критерий), однако он пришел к выводу, что назначенные им штрафы «по своему характеру являлись наказанием», а значит, по-видимому, использовал третий критерий. Как уже отмечалось выше, делая этот вывод, Верховный суд учитывал отсутствие в законодательстве Исландии соответствующих положений об установлении «конкретного максимального размера» штрафов за неуважение к суду и штрафов, назначенных заявителям в данном конкретном деле, сумма которых составила около 6 200 евро (Верховный суд счел эти штрафы «высокими»). В таких обстоятельствах Верховный суд не усмотрел оснований полагать, что защита, которой пользуются заявители согласно законодательству Исландии, должна быть уменьшена в зависимости от наличия у них возможности самостоятельно себя защищать. Установив, что в деле применима статья 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте, Верховный суд перешел к рассмотрению вопроса о соблюдении требований этой статьи.

93. Тем не менее по соображениям, изложенным выше в §§ 76 и 77, при толковании пределов понятия «сфера уголовного правосудия» в том автономном значении, которое при дается этому термину в статье 6 Конвенции, Европейский Суд, от которого требуется осуществлять такое толкование при рассмотрении второго и третьего критериев Энгеля, должен будет провести самостоятельную оценку данного вопроса (статьи 19 и 32 Конвенции). При этом ничто не мешает государствам-участникам принять более широкое толкование, предполагающее более строгую защиту соответствующих прав и свобод в рамках их собственных правовых систем (статья 53 Конвенции).

94. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, в частности, что за нарушения, в связи с которыми были привлечены к ответственности заявители, не могло быть назначено наказание в виде лишения свободы. Этим настоящее дело отличается от предыдущих дел о неуважении к суду, в которых делался вывод о применимости статьи 6 Конвенции, в частности, с точки зрения характера и суровости соответствующего наказания (см. упомянутые выше Постановления Европейского Суда по делам «Киприану против Кипра» и «Зайцев против Латвии»).

95. Более того, в отличие от упомянутых выше дел «Равнсборг против Швеции» и «Путц против Австрии», штрафы в настоящем деле нельзя было заменить лишением свободы в случае неуплаты. В последнем из упомянутых дел существование такой возможности при наличии определенных гарантий справедливости судебного разбирательства (см. выше § 82) являлось немаловажным соображением, даже если в обстоятельствах того дела его оказалось недостаточно для того, чтобы прийти к выводу о применимости статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что в упомянутом выше деле «Т. против Австрии» карательный характер и высокий размер штрафа, а также возможность заменить его лишением свободы без гарантий проведения судебного заседания привели Суд к выводу о том, что рассматриваемое дело было «уголовным». Однако в настоящем деле эта возможность отсутствовала. Кроме того, в ситуации заявителей штрафы не привели к появлению у них судимости (см. выше § 80).

96. Назначенные заявителям штрафы действительно были большими, но их величина и отсутствие в законе указания на их максимальный размер, по мнению Европейского Суда, недостаточны для того, чтобы по своему характеру и степени суровости эта санкция считалась «уголовной» в том автономном значении, которое придается этому термину в статье 6 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мюллер-Хартбург против Австрии», § 47, где из-за своего размера (около 36 000 евро) потенциальный штраф хотя и имел карательный характер, но не был настолько суровым, чтобы считаться «уголовным» наказанием; аналогичным образом см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамос Нуньес де Карвальо э Са против Португалии», §§ 25, 71, 126, 217, где максимальным наказанием был штраф в размере дохода нарушителя за 90 дней, а заявителю был назначен штраф в размере его дохода за 20 дней; как утверждалось, это соответствовало сумме в размере 43 750 евро. Сравни также с размером штрафов в Постановлении Европейского Суда по делу «Мамидакис против Греции» (*Mamidakis v. Greece*) от 11 января 2007 г., жалоба № 35533/04, § 21, Постановлении Европейского Суда по делу «Компания “Гранде Стивенс” и другие против Италии» (*Grande Stevens and Others v. Italy*) от 4 марта 2014 г., жалоба № 18640/10 и еще четыре жалобы, § 99, и в Постановлении Европейского Суда по делу «Сервисная компания с ограниченной ответственностью “Продукция Плюс” против Словении» (*Produkcija Plus Storitveno podjetje d.o.o. v. Slovenia*) от 23 октября 2018 г., жалоба № 47072/15, §§ 10 и 45, где Суд пришел к выводу, что примененные санкции имели уголовный характер).

97. Принимая во внимание сказанное выше, Европейский Суд считает, что из-за характера и степени суровости наложенных в настоящем деле взысканий нарушение не попадает под действие пункта 1 статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте.

(iv) Вывод

98. С учетом приведенных выше соображений Европейский Суд приходит к выводу, что разбирательство, о котором идет речь в деле, не было связано с предъявлением «уголовного обвинения» по смыслу статьи 6 Конвенции и что эта статья в уголовно-процессуальном аспекте к данному разбирательству не применяется. Таким образом, жалоба заявителей является несовместимой с положениями Конвенции *ratione materiae*. Суд также напоминает, что согласно пункту 4 статьи 35 Конвенции он может отклонять жалобы, которые он сочтет неприемлемыми для рассмотрения по существу, «на любой стадии разбирательства». Следовательно, при соблюдении условий, предусмотренных правилом 55 Регламента Суда, Большая Палата Суда может пересмотреть решение об объявлении жалобы приемлемой для рассмотрения по существу (см., например, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илиас и Ахмед против Венгрии», §§ 80 и 250, где приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу). Поэтому Суд считает, что в данной части жалоба должна быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу согласно подпункту «а» пункта 3 и пункту 4 статьи 35 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 7 КОНВЕНЦИИ

99. Заявители жаловались в Европейский Суд на то, что привлечение их к ответственности за действия, которые они совершили, уже не будучи «адвокатами», и непредсказуемость

размера назначенных им штрафов привели к нарушению статьи 7 Конвенции. Эта статья Конвенции предусматривает следующее:

«1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления.

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

А. Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу

100. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что, как ясно следует из решения Верховного суда, в деле заявителей были применены подпункты «а» и «д» пункта 1 статьи 223. По мнению Палаты Суда, формулировка статьи 223 не исключает назначения штрафа адвокату, который был заменен или отказался от защиты своего клиента. Таким образом, она установила, что толкование внутреннего законодательства судами Исландии не противоречит самой сути соответствующего нарушения.

101. Говоря о втором аспекте жалобы заявителей, а именно о непредсказуемости размера штрафов, Палата Европейского Суда пришла к выводу, что отсутствие в законодательстве Исландии указания на максимальный размер штрафа само по себе не нарушает требований статьи 7 Конвенции. Учитывая, что рассматриваемое дело является первым в своем роде и что статью 7 Конвенции нельзя трактовать как исключаящую постепенное прояснение правил привлечения к уголовной ответственности посредством судебного толкования в каждом конкретном деле, размер штрафов в деле заявителей не являлся непредсказуемым.

В. Доводы сторон

1. Доводы заявителей

102. Заявители отмечали, что их признали виновными в деяниях, которые согласно законодательству Исландии не являлись преступлением. В то время, когда имело место неуважение к суду, о котором говорилось в жалобе, то есть на заседании окружного суда 11 апреля 2013 г., они сложили с себя свои обязанности, а значит, уже не являлись «адвокатами», как этого требует пункт 1 статьи 223 УПК Исландии. С их точки зрения, указанная статья применяется только в тех случаях, когда некие активные действия были совершены во время судебного заседания, а не в ситуации, когда, как в данном случае, адвокат не явился в суд.

103. Кроме того, заявители утверждали, что назначенное им наказание – штраф в размере 1 000 000 исландских крон (в то время около 6 200 евро) каждому – не было предсказуемым. Действительно, в применимом законодательстве не был установлен минимальный и максимальный размеры суммы, которую можно было взыскать в качестве штрафа, а сумма наложенного на них взыскания была несоразмерна суммам штрафов, которые назначались Верховным судом при рассмотрении аналогичных дел.

104. В своих письменных представлениях в Большую Палату Европейского Суда заявители отмечали, что и нарушение, и наказания, полагающиеся за его совершение, должны быть четко определены в законе (при этом они ссылались на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дель Рио Прада против Испании» (*Del Río Prada v. Spain*), жалоба № 42750/09, § 79, ECHR 2013). В частности, они утверждали, что отсутствие в законодательстве Исландии ограничения размера назначенных им штрафов еще больше способствовало непредсказуемости наказания, усугубив тем самым обязанность судов Исландии не допускать существенных расхождений между размером налагаемого взыскания и размером штрафов, которые уже назначались в предыдущих делах.

105. Кроме того, заявители подчеркивали, что размер назначенных им штрафов в десять раз превышал сумму самых высоких штрафов, которые когда-либо назначались в Ислан-

дии за неуважение к суду. При этом они ссылались на девять решений судов Исландии, вынесенных в 1954–2012 годах, где штрафы за неуважение к суду варьировались от 400 до 100 000 исландских крон (по состоянию на май 2014 года это составляло примерно от 74 до 681 евро – см. выше § 45 и последующие), и поясняли, что, хотя с течением времени штрафы немного увеличились, эти суммы оставались последовательными и никогда не были произвольными. В таком контексте заявители ссылались на дело Стефана Карла Кристьянссона, в котором подсудимый (адвокат) не явился на три судебных заседания, и, в конечном счете, ему был назначен штраф в размере всего 50 000 исландских крон (в то время около 340 евро).

2. Доводы властей государства-ответчика

106. Власти государства-ответчика утверждали, что в настоящем деле не было допущено нарушения статьи 7 Конвенции. Они отмечали, что требование предсказуемости выполняется, когда из формулировки соответствующей правовой нормы человек может понять, в случае необходимости прибегнув к судебному ее толкованию и к помощи знающего адвоката, за какие действия и бездействие он может быть привлечен к уголовной ответственности. В этом деле нарушение, которое ставилось в вину заявителям и привело к назначению им штрафов, явно было предусмотрено законом, а именно статьей 223 УПК Исландии, и заявители, будучи опытными адвокатами, могли его предвидеть.

107. Кроме того, даже с учетом их неявки в судебное заседание 11 апреля 2013 г. заявители согласно пункту 1 статьи 223 УПК Исландии по-прежнему являлись назначенными по делу адвокатами на момент допущенного ими нарушения. Таким образом, в их случае выполнялся критерий, установленный этой статьей, а именно наличие у лица статуса «адвоката». Говоря о том, какого рода нарушение имело место в данном случае, власти государства-ответчика утверждали, что подпункт «d» пункта 1 статьи 223 не исключает случаев, когда нарушение может принимать форму бездействия, например неявки в судебное заседание.

108. По поводу размера назначенного наказания власти государства-ответчика согласились с позицией Палаты Европейского Суда (см. выше § 101). Кроме того, величина штрафов была оправдана сложностью и важностью разбирательства, с которым было связано дело заявителей, и серьезностью допущенного ими нарушения.

109. Далее, власти государства-ответчика отмечали, что определение размера назначаемых штрафов является задачей судов страны. В данном случае от судов Исландии впервые потребовалось истолковать соответствующую правовую норму применительно к таким обстоятельствам, как те, которые сложились в настоящем деле, и они сделали это так, чтобы наказание соответствовало сути допущенного нарушения.

110. В Исландии адвокаты обычно проявляют уважение к судам и ведут себя соответственно. Этим объясняется, почему больше чем за 60 лет (с 1954 по 2014 год) было вынесено всего несколько решений Верховного суда о судебных штрафах за неуважение к суду. Вопрос о неявке адвоката в судебное заседание, на котором рассматривалось основное дело, поднимался лишь в двух из этих дел: в деле «Стефан Карл Кристьянссон против Исландии» (см. выше §§ 41–44) и в деле заявителей, однако в первом из этих дел, в отличие от второго, основной причиной неявки стали не умышленные действия, а предполагаемая ошибка.

111. Наконец, власти государства-ответчика подчеркнули, что уголовное дело, в котором заявители выступали в качестве адвокатов, было сложным. В нём участвовало нескольких обвиняемых, которым были предъявлены серьезные обвинения и которым угрожало лишение свободы на длительный срок. Таким образом, заявители могли предвидеть, что им будут назначены более высокие штрафы, чем в предыдущих делах.

С. Мнение Европейского Суда

112. Европейский Суд уже пришел к выводу, что разбирательство, о котором идет речь в деле, не было связано с предъявлением «уголовного обвинения» по смыслу статьи 6 Конвенции и что эта статья Конвенции не применяется к данному разбирательству в уголовно-процессуальном аспекте. В этом контексте по соображениям единообразия толкования Конвенции в целом Европейский Суд не считает, что штрафы, обжалуемые со ссылкой на

статью 7 Конвенции, нужно считать «наказанием» по смыслу этой статьи (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра» (*Kafkaris v. Cyprus*), жалоба № 21906/04, §§ 137–142, ECHR 2008, упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дель Рио Прада против Испании», § 81, и упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильнзеер против Германии», § 203). Соответственно, статья 7 Конвенции в настоящем деле не применима.

113. В этих обстоятельствах Европейский Суд с учетом рассуждений, приведенных выше в § 98, полагает, что в данной части жалоба тоже является несовместимой с положениями Конвенции *ratione materiae*. Поэтому Суд приходит к выводу, что настоящая жалоба тоже должна быть объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу согласно подпункту «а» пункта 3 и пункту 4 статьи 35 Конвенции.

На основании изложенного Европейский Суд:

постановил, что жалоба несовместима с положениями Конвенции *ratione materiae*, и, соответственно, *объявил* ее неприемлемой для рассмотрения по существу (принято большинством голосов).

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 22 декабря 2020 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН
Заместитель Секретаря-Канцлера
Европейского Суда

Ксения ТУРКОВИЧ
Председатель Большой Палаты
Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения судей:

- (a) совпадающее мнение судьи Р. Спано;
- (b) совпадающее мнение судьи К. Туркович;
- (c) совместное особое мнение судей Л.-А. Сицилианоса, Ж. Раварани и Г.А. Сергидеса.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Р. СПАНО

1. В своем совпадающем мнении, приложенном к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Диксоны против Соединенного Королевства» (*Dickson v. United Kingdom*) от 4 декабря 2007 г., жалоба № 44362/04, ECHR 2007-V, судья Н. Братца отметил, что «в Протоколе № 11 к Конвенции, согласно которому в г. Страсбурге был учрежден постоянно действующий Суд, есть одна неприятная особенность. Она заключается в том, что судья от государства-ответчика, который уже участвовал в вынесении Палатой Суда постановления по жалобе на то государство, от которого он был избран, не только вправе, но и практически обязан снова участвовать в рассмотрении дела и голосовать в случае, если дело передается в Большую Палату Суда». Ранее в своем частично особом мнении, приложенном к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Киприану против Кипра», жалоба № 73797/01, ECHR 2005-XIII, судья Ж.-П. Коста назвал такое положение судьи от государства-ответчика в указанных обстоятельствах «дезориентирующим», поскольку он должен решать, придерживаться ему своего первоначального мнения по делу или «задним числом скорректировать или даже полностью изменить [это] мнение».

2. Если всесторонняя дискуссия по делу уже состоялась в Палате Европейского Суда и при его рассмотрении в Большой Палате Суда не было представлено никаких новых сведений или аргументов, судьи, избранные от государства-ответчика, как отметил судья Н. Братца в упомянутом выше деле «Диксоны против Соединенного Королевства», обычно придерживаются своего прежнего мнения, хотя и не обязательно в точности воспроизводят ход рассуждений, в результате которых они пришли к этому мнению, рассматривая дело в Палате Суда. Если же дело передается в Большую Палату Суда, а доводы по тому или иному вопросу права приводятся впервые, судье, избранному от государства-ответчика, скорее, нужно рассмотреть соответствующий вопрос заново с учетом доводов, которые стороны представили в Большую Палату Суда.

3. В настоящем деле при его рассмотрении в Палате Европейского Суда применимость к жалобам заявителей пункта 1 статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте не оспаривалась, а власти государства-ответчика не выдвигали доводов, опровергающих позицию заявителей по данному вопросу (см. § 73 Постановления Большой Палаты Суда по настоящему делу). Поэтому, несмотря на то, что я считал этот вопрос неоднозначным, я, взвесив все обстоятельства, согласился с выводом Палаты Суда о применимости этой статьи в уголовно-процессуальном аспекте, приняв во внимание доводы Верховного суда Исландии и соответствующую позицию сторон. Однако в ходе рассмотрения дела в Большой Палате Суда власти государства-ответчика прямо не согласились с применимостью пункта 1 статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте, и обе стороны в полном объеме представили свои доводы по этому вопросу. Нужно четко обозначить, что ничто не мешает властям государства-ответчика впервые выдвинуть возражения против приемлемости жалоб заявителей для рассмотрения по существу на этом основании в Большой Палате Суда, так как данный вопрос относится к юрисдикции Суда *ratione materiae* (в отличие от возражений о исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты согласно правилу 55 Регламента Суда – см. § 98 Постановления).

4. Теперь, ознакомившись со всеми доводами и представлениями Сторон, поступившими в Большую Палату Европейского Суда, я пришел к выводу, что есть более убедительные юридические аргументы в пользу противоположной точки зрения. Поэтому я согласился с выводом Суда о том, что жалобы заявителей на нарушение как пункта 1 статьи 6 Конвенции, так и статьи 7 Конвенции следует отклонить по соображениям *ratione materiae* согласно подпункту «а» пункта 3 и пункту 4 статьи 35 Конвенции.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ К. ТУРКОВИЧ

1. Я согласна с судьями, заявившими особое мнение, в том, что, если бы Большая Палата Европейского Суда сочла критерии Энгеля выполненными, два вопроса, касающиеся статьи 7 Конвенции, действительно представляли бы интерес в настоящем деле. Первый вопрос заключается в том, соответствует ли правовая норма, определяющая состав нарушения и вид наказания, но не устанавливающая максимальный его размер, требованию *lex certa*, предусмотренному статьей 7 Конвенции. Второй вопрос заключается в том, являлось ли предсказуемым наказание, фактически назначенное в настоящем деле на основании этой нормы. До сих пор Суду не представлялось возможности рассмотреть данные вопросы. Поскольку Палата Суда затронула эти важные темы лишь по касательной, только в одном пункте, не проведя более глубокого анализа (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гестур Йонссон и Рагнар Халлдор Халл против Исландии» (*Gestur Jónsson and Ragnar Halldór Hall v. Iceland*) от 30 октября 2018 г., жалобы №№ 68271/14 и 68273/14, § 94), а у Большой Палаты Суда обсудить их не было возможности, я просто обозначаю принципы, которыми, на мой взгляд, должен руководствоваться Суд при решении этих непростых вопросов.

2. Оба этих принципа, *nullum crimen sine lege*¹, касающиеся наказуемости соответствующих действий или бездействия, и *nulla poena sine lege*², имеющий отношение к законности фактически назначенного наказания или самой санкции, являются ключевыми аспектами принципа законности. Оба они опираются на одни и те же требования: *nullum crimen, nulla poena sine lege certa, stricta et praevia*³ (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дель Рио Прада против Испании» (*Del Río Prada v. Spain*), жалоба № 42750/09, § 91, ECHR 2013). Однако между этими принципами есть некоторые различия, которые могут играть важную роль при толковании указанных требований. Поэтому, наверное, не всегда нужно напрямую и без всякой критики распространять общие принципы, разработанные в прецедентной практике Европейского Суда применительно к *nullum crimen*, на *nulla poena*. Совершенно логично допустить, что, как бы четко ни были сформулированы правовые нормы, определяющие состав преступлений, неизбежно возникнет необходимость в их судебном толковании и пояснении сомнительных моментов, а также в постепенном их уточнении таким образом, чтобы это соответство-

¹ *Nullum crimen sine lege* (лат.) – нет преступления без предусматривающего его закона (*примеч. переводчика*).

² *Nulla poena sine lege* (лат.) – нет наказания без предусматривающего его закона (*примеч. переводчика*).

³ *Nullum crimen, nulla poena sine lege certa, stricta et praevia* (лат.) – нет преступления, нет наказания без формально определенного, строгого и не имеющего обратной силы закона (*примеч. переводчика*).

вало сути преступления, а значит, может потребоваться определять состав преступлений только с максимально возможной четкостью (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Василияускас против Литвы» (*Vasiliauskas v. Lithuania*), жалоба № 35343/05¹, § 155, ECHR 2015, где приводятся ссылки на другие постановления Европейского Суда по данному вопросу), однако к установлению максимального размера наказания это не относится. Здесь бóльшая четкость и точность возможна и достижима, действительно, максимальный размер наказания можно закрепить в законе абсолютно точно². Вопрос заключается в том, будут ли выполнены требования статьи 7 Конвенции, если этого не сделать.

3. Действительно, в правовых системах большинства государств принцип *lex certa* трактуется как требование конкретности, определенности, четкости, то есть точности и недвусмысленности как закона, определяющего вид наказания, которое судья может назначить осужденному (например, лишение свободы, штрафы, обязательные работы), так и максимальной строгости наказания, которое может быть назначено за различные нарушения (степени суровости наказания). Кроме того, он требует, чтобы в законодательстве о наказаниях проводилось различие между разными формами причастности к преступлению, например совершение, покушение, соучастие, а также разными степенями уголовной ответственности, например прямой умысел, легкомыслие или небрежность, а также завершенность или незавершенность преступления. Такому подходу следует большинство государств в своих правовых системах вне зависимости от того, относятся они к англо-саксонской или к романо-германской правовой семье. Этот подход, как правило, включает в себя практику установления конкретного максимального размера наказания за каждое преступление³.

4. Согласно принципу законности назначение максимального наказания преследует четыре основные цели. Во-первых, ограничить усмотрение суда при назначении нарушителю наказания и установить четкие границы мер, которые на законных основаниях может принять государство в отношении нарушителя, наказав подсудимого или восстановив его в правах. Во-вторых, честно предупредить потенциальных нарушителей, указав максимальное наказание, которое им угрожает в случае совершения ими конкретного нарушения. Оба этих аспекта вытекают из принципа верховенства права, центральным элементом которого являются прозрачность и прогнозируемость или, как выражается Европейский Суд, предсказуемость (см. Постановление Европейского Суда по делу «Жая против Хорватии» (*Žaja v. Croatia*) от 4 октября 2016 г., жалоба № 37462/09, § 93). В-третьих, указать на сравнительную серьезность нарушения по сравнению с другими преступлениями, то есть ранжировать нарушения по степени их тяжести. В-четвертых, обеспечить достаточно широкую «свободу маневра» при назначении наказания за нарушение в самых серьезных случаях. Последние два аспекта вытекают из принципа соразмерности или справедливости наказания (справедливости возмездия), который требует, чтобы наказание соответствовало преступлению, чтобы чрезмерные наказания ограничивались, а за нарушения одинаковой степени тяжести назначались наказания одинаковой степени суровости. Ключевым фактором при установлении уровня максимального наказания должна быть сравнительная степень тяжести каждого нарушения по сравнению с другими нарушениями. Она измеряется ущербом, который причинило или могло причинить противоправное деяние, а также степенью виновности нарушителя в совершении преступления. Формирование единого подхода к максимальному размеру наказаний за все преступления в рамках конкретной правовой системы, который, в конечном счете, гарантирует равенство всех перед законом, – это по определению непростая задача, и ее вряд ли можно решить постепенным развитием практики судов, выносящих решения по конкретным делам.

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 10 (*примеч. редактора*).

² Это не обязательно относится к остальным факторам, определяющим размер наказания, например к отягчающим или смягчающим вину обстоятельствам. По этим вопросам может потребоваться постепенное прояснение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Алимучай против Албании» (*Alimucaj v. Albania*) от 7 февраля 2012 г., жалоба № 20134/05, §§ 154–162).

³ Это подтверждается внутренним исследованием, проведенным в ходе рассмотрения настоящего дела. См. также книгу: William A. Shabas. *An Introduction to the International Criminal Court*, с. 162 (2001 год), а также пункт 4 отдельного мнения судьи А. Кассессе, приложенного к решению Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии по делу «Прокурор против Тадича» (*Prosecutor v. Tadić*) от 26 января 2000 г., дело № IT-94-1-A & IT-94-1-Abis.

5. Для того, чтобы дать судьям возможность правильно определять соразмерность в конкретных делах, нужно заранее четко и недвусмысленно установить рамки, в которых они могут действовать, в частности задать максимальный размер наказания. Максимальный размер наказания дает судьям законодательные ориентиры для определения сравнительной степени тяжести нарушения, не посягая при этом на принцип разделения властей и не вторгаясь в вопросы отправления правосудия, которые в области уголовного процесса являются исключительной прерогативой судов. Судья может свободно назначать наказание по своему усмотрению, выбирая характер и степень суровости наказания в границах между установленным законом максимальным и минимальным его размером. Максимальный размер наказания – это лишь один из факторов, которые должен учитывать судья при назначении наказания с учетом индивидуальных особенностей конкретного дела. К числу других факторов относится текущая практика в области назначения наказания (наказания, которые ранее фактически назначались за аналогичные нарушения), характер и степень тяжести нарушения, степень ответственности нарушителя и субъективная виновность в нарушении, прежние черты характера нарушителя, а также отягчающие или смягчающие вину обстоятельства. Однако эти другие факторы едва ли можно применять адекватно, если заранее четко и однозначно не определить диапазон, в рамках которого судьи смогут свободно их применять. Кроме того, лишь четко установленный максимальный размер наказания позволит властям выполнить требования *lex praevia*, запрещающие придавать обратную силу более суровым правовым нормам и определяющие, какая норма является более мягкой (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дель Рио Прада против Испании», §§ 112 и 114).

6. Коротко говоря, требование добиваться абсолютной четкости, заранее устанавливая максимальный размер наказания, защищает права подсудимых и их интерес в правовой определенности и позволяет обеспечивать справедливость, равенство в обращении и последовательность при назначении наказания. Кроме того, если заранее четко и однозначно устанавливать максимальный размер наказания и в более общем плане применять принцип *nulla poena sine lege*, можно не только ограничить необоснованное судебское усмотрение, но и действительно обеспечить независимость судов, а значит, их авторитет, а также объективность системы уголовного правосудия, исключив влияние текущих событий, общественного мнения по всяким злободневным вопросам, предрассудков, реального или ощущаемого давления на назначение наказания. В долгосрочной перспективе последовательная политика в области назначения наказания и единообразие подхода к применяемым санкциям сохраняют доверие к уголовному преследованию и поддерживают авторитет судебной системы в глазах общества.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ

Л.-А. СИЦИЛИАНОСА, Ж. РАВАРАНИ И Г.А. СЕРГИДЕСА

1. К сожалению, мы не можем согласиться с выводом большинства судей о неприменимости в настоящем деле статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте.

2. **Постановление Палаты Европейского Суда по настоящему делу.** В основу своего Постановления по настоящему делу Палата Суда положила вопрос о применимости статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте и, в конце концов, пришла к выводу, что нарушения этой статьи допущено не было. Она отметила, что законодательство Исландии не устанавливает максимального размера судебных штрафов и что в настоящем деле штраф был высоким. Кроме того, Палата Суда придала значение выводу Верховного суда Исландии о том, что назначенные заявителям штрафы являлись уголовным наказанием и что стороны это не оспаривали. Приняв во внимание, в частности, первый критерий Энгеля, то есть юридическую квалификацию нарушения по внутреннему законодательству, Палата Суда не усмотрела оснований не соглашаться с позицией Верховного суда по данному вопросу.

3. Действительно, власти Исландии не возражали против применимости статьи 6 Конвенции, однако Палата Европейского Суда могла бы рассмотреть этот вопрос и по собственной инициативе, так как речь шла о применимости положений Конвенции *ratione materiae*¹.

¹ См., в числе многих других источников, Решение Европейского Суда по делу «Трубич против Хорватии» (Trubić v. Croatia) от 2 октября 2012 г., жалоба № 44887/10.

4. **Выводы, к которым пришло большинство судей.** В своих представлениях, направленных в Большую Палату Европейского Суда, власти государства-ответчика со ссылкой на критерии Энгеля утверждали, что статья 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте в деле не применяется и что ни один из трех критериев выполнен не был.

5. Теперь же большинство судей, по сути, присоединилось к позиции властей государства-ответчика, сочтя, что применение первых двух критериев Энгеля (квалификация по внутреннему законодательству и характер нарушения) не позволяет прийти к определенному выводу, а третий критерий (суровость наказания) явно не был выполнен.

6. **Альтернативная версия.** Действительно, у таких рассуждений есть основания, и им можно следовать. Однако в настоящем деле, где нет абсолютной истины, можно выстроить не менее убедительную альтернативную версию, совершенно не совпадающую с занятой в Постановлении позицией. Применение критериев Энгеля – это не точная наука, многое зависит от того, где расставить акценты.

7. Цель последующих пунктов заключается в том, чтобы показать, что разумное применение критериев Энгеля, не слишком расширяющее их смысл, также могло – и должно было – привести к выводу об уголовном характере назначенных заявителям штрафов и о применимости в деле статьи 6 Конвенции.

8. **Первый критерий Энгеля.** В Постановлении подчеркивалось, что «Конвенция, вне всяких сомнений, позволяет государствам... сохранять или вводить различие между уголовным правом и дисциплинарным правом и устанавливать границы между ними» и «дает государствам возможность самостоятельно предусматривать уголовную ответственность за действия или бездействие, не являющиеся нормальным осуществлением одного из охраняемых ею прав» (см. § 76 Постановления). Суд особо отметил, что «[т]акое решение... в принципе не подлежит контролю со стороны Европейского Суда» (там же), тогда как обратное, то есть квалификация нарушения как дисциплинарного проступка, очевидно, предполагает более строгие правила, так как иначе действие основополагающих положений статей 6 и 7 Конвенции оказалось бы подчинено суверенной воле государств, а это было бы несовместимо с объектом и целью Конвенции. Суд захотел обеспечить, чтобы государства без надлежащих оснований не отдавали предпочтение дисциплинарной, а не уголовной ответственности. В Постановлении даже подчеркивается, что «ничто не мешает государствам-участникам принять более широкое толкование, предполагающее более строгую защиту соответствующих прав и свобод в рамках их собственных правовых систем (статья 53 Конвенции)» (см. § 93 Постановления).

9. Таким образом, по-видимому, понятно, что за философия лежит в основе подхода Европейского Суда: не допускать вмешательства, если по внутреннему законодательству нарушение считается преступлением, и применять более строгие стандарты оценки, если по внутреннему законодательству оно считается дисциплинарным проступком. Это вполне логично, так как для того, чтобы защита статьи 6 Конвенции оставалась эффективной, баланс в сомнительных случаях должен смещаться в пользу применимости указанной статьи¹.

10. Тогда по меньшей мере удивительно читать далее, что Европейский Суд «проверит, определяется ли состав инкриминируемого нарушения в правовой системе государства-ответчика положениями уголовного права» (см. § 77 Постановления), так как согласно законодательству Исландии в авторитетной трактовке Верховного суда Исландии соответствующее нарушение считается «уголовным преступлением». Позднее Суд вернулся в Постановлении к этому вопросу и повторил, что с учетом соображений, приведенных в § 77, «при толковании пределов понятия “сфера уголовного правосудия” в том автономном значении, которое придается этому термину в статье 6 Конвенции, [Европейский Суд] должен будет провести самостоятельную оценку этого вопроса».

11. До сих пор Европейский Суд ставил под вопрос квалификацию нарушения только в тех случаях, если оно по внутреннему законодательству не являлось уголовным престу-

¹ Странно читать в пункте 19 Руководства по статье 6 (в уголовно-процессуальном аспекте), опубликованном на сайте Европейского Суда (в системе HUDOC), что «[п]ервый критерий имеет сравнительно небольшое значение и служит лишь отправной точкой для дальнейших рассуждений. Если по внутреннему законодательству нарушение считается преступлением, это будет играть решающую роль. В противном случае Суд не ограничится квалификацией нарушения по внутреннему законодательству и рассмотрит соответствующую реально существующую процедуру по существу».

плением. Непонятно, почему в настоящем деле он поступил наоборот. В этом деле было поставлено под сомнение именно то, что согласно внутреннему законодательству в авторитетной трактовке высшего судебного органа государства-ответчика нарушение квалифицируется как уголовное преступление.

12. Прецедентная практика Европейского Суда, на которую ссылается большинство судей, вся без исключения относится к ситуациям, когда власти государств-ответчиков оспаривали уголовный характер назначенного заявителю наказания. Еще более примечательно, что во всех постановлениях, приведенных в подкрепление тезиса о том, что первый критерий Энгеля имеет сравнительно небольшое значение и служит лишь отправной точкой для дальнейших рассуждений (см. § 85 Постановления), статья 6 Конвенции в итоге признавалась применимой. «Сравнительно небольшое значение», которое придавалось законодательству государства-участника Конвенции, впоследствии приводило к тому, что Суд пренебрегал законами страны, не признающей за наказанием уголовного характера. В данном случае всё обстоит как раз наоборот.

13. Обеспечение в итоге защиты справедливости судебного разбирательства в меньшем объеме, чем это готовы были сделать власти государства-ответчика, неуместно и даже противоречит статье 53 Конвенции.

14. **Второй критерий Энгеля.** Если говорить о самом характере нарушения, заявителям оштрафовали за неуважение к суду. В разделе Постановления, в котором говорится об общих принципах, содержатся ссылки на различные постановления Европейского Суда, где вывод о невыполнении второго критерия делался из-за того, что наказание за нарушение было предусмотрено не уголовным кодексом, а другими законами, например уголовно-процессуальным кодексом, или из-за того, что нарушение имело дисциплинарный характер и относилось к неотъемлемому праву суда обеспечивать надлежащее проведение своих собственных заседаний без нарушений порядка и дисциплины (см. § 81 Постановления). Сославшись на применимое законодательство Исландии и признав, что нормы о неуважении к суду, как можно считать, «рассчитаны на применение к неограниченному кругу лиц, если они принимают участие в судебном заседании» (см. § 86 Постановления), большинство судей отметило, однако, что заявители были оштрафованы на основании нормы, которая касается конкретной категории лиц, наделенных особым статусом, в частности «прокурора, адвоката или юриста-консультанта». Суд подчеркнул, что адвокаты играют центральную роль в отправлении правосудия и что граждане должны быть уверены в том, что адвокаты способны обеспечить эффективное представительство интересов подзащитных. Далее он отметил, что нормы и наказания, связанные с неуважением к суду, вытекают из неотъемлемого права суда обеспечивать надлежащее проведение своих собственных заседаний без нарушений порядка и дисциплины и что меры, принимаемые судами согласно этим нормам, «больше похожи на осуществление дисциплинарных полномочий, чем на назначение наказания за совершение преступления» (см. §§ 86–89 Постановления).

15. Однако большинство судей сделало важное уточнение, из-за которого вся проблема вернулась к первому критерию, заявив, что «конечно, за более серьезные случаи нарушения порядка государства могут вводить уголовную ответственность» (см. § 89 Постановления *in fine*). Это должно было или, по меньшей мере, могло заставить большинство судей просто согласиться с выводами Верховного суда о том, что допущенные заявителями нарушения имели уголовный характер, поскольку оно признало, что поведение заявителей, по мнению Верховного суда, «привел[о] к серьезному нарушению их профессиональных обязанностей» (см. § 90 Постановления).

16. Однако вывод, к которому пришло большинство судей по результатам применения второго критерия, нельзя назвать убедительным: Европейский Суд весьма неопределенно заявил, что «[п]ризнавая, что на заявителей был наложен уголовный штраф, Верховный Суд прямо не основывал этот вывод на характере поведения заявителей» (см. § 90 Постановления), и в заключение отметил: «несмотря на серьезность нарушения профессиональных обязанностей, о котором идет речь, непонятно, следует считать допущенное заявителями нарушение по своему характеру преступлением или дисциплинарным проступком» (см. § 91 Постановления).

17. Подчеркнув, что государства могут вводить уголовную ответственность за более серьезные, по их мнению, случаи нарушения порядка и что поведение заявителей представ-

ляло собой серьезное нарушение их профессиональных обязанностей, значительно легче и честнее было бы вслед за Верховным судом прийти к выводу, что нарушение, за которое заявители были привлечены к ответственности, являлось по своему характеру уголовным.

18. **Третий критерий.** Говоря о суровости наказания, большинство судей сослалось на ряд элементов, заимствованных из прецедентной практики Европейского Суда, в частности на возможность назначения наказания в виде лишения свободы, замены штрафа лишением свободы или получения судимости из-за штрафа, но в рассматриваемом нами деле нет ни одного из этих элементов. С другой стороны, большинство судей признало, что назначенный штраф – около 6 200 евро – был высоким, а закон не ограничивал его максимальный размер, однако, по его мнению, этого оказалось недостаточно для того, чтобы «по своему характеру и степени суровости эта санкция считалась “уголовной” в том автономном значении, которое придается этому термину в статье 6 Конвенции» (см. § 96 Постановления).

19. К сожалению, рассуждения по поводу третьего критерия не более убедительны, чем по поводу первых двух. Опять же, нужно было обратить внимание на соображения, по которым Верховный суд пришел к выводу, что штраф был «высоким», и подчеркнул, что закон прямо не устанавливает максимальный его размер. Из решений судов Исландии, упомянутых в § 45 и последующих параграфах Постановления, следует, что заявителям был назначен в десять раз более высокий штраф, чем те, которые когда-либо назначались прежде. Таким образом, этот штраф был высоким не только в абсолютном, но и, что еще важнее, в относительном выражении. Такой штраф явно имел запугивающий, а кроме того, говоря точнее, карательный характер.

20. Далее, важно повторить, что при определении того, имело ли наказание «уголовный» характер, нужно учитывать не только фактическую величину назначенного штрафа, но и то, что внутреннее законодательство не ограничивало его размер. Большинство судей признало это в пункте 82 Постановления¹. В настоящем деле такого ограничения предусмотрено не было.

21. Поэтому Большая Палата Европейского Суда должна была прийти к выводу о применимости статьи 6 Конвенции в уголовно-процессуальном аспекте и могла бы это сделать без каких-либо сложностей.

22. **Последствия неприменимости статьи 6 Конвенции.** Никогда не следует забывать о том, что отсутствие защиты статьи 6 Конвенции означает не что иное как лишение гарантий справедливости судебного разбирательства. Это можно наблюдать, в частности, при рассмотрении дел о дисциплинарных проступках, но не только. Такое разбирательство может затрагивать колоссальные интересы и приводить к назначению чрезвычайно суровых наказаний. Людям могут угрожать увольнение², уменьшение зарплаты или запрет на повышение в должности³ и даже арест⁴. Перспектива лишиться гарантий справедливости судебного разбирательства (состызательность, рассмотрение дела независимыми и беспристрастными судьями и т. д.) не очень-то привлекательна...

23. **Упущенная возможность.** Признав статью 6 Конвенции неприменимой, Большая Палата Европейского Суда не стала рассматривать вопрос, действительно представляющий интерес в настоящем деле, а именно вопрос о соблюдении требований статьи 7 Конвенции и, в частности, вопрос о законности назначенного заявителям наказания в отсутствие явно установленного законом ограничения его размера.

¹ Со ссылкой на Постановление Европейского Суда по делу «Равнсборг против Швеции» (Ravnsborg v. Sweden) от 23 марта 1994 г., Series A, № 283-B, в котором наличие указания на максимальный размер штрафа способствовало выводу о том, что этот штраф не имеет уголовного характера (см. § 35).

² Решение Европейского Суда по делу «Муллет против Франции» (Moulet v. France) от 13 сентября 2007 г., жалоба № 27521/04.

³ Решение Европейского Суда по делу «R.S. против Германии» (R.S. v. Germany) от 28 марта 2017 г., жалоба № 19600/15.

⁴ Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (Engel and Others v. Netherlands) от 8 июня 1976 г., Series A, № 22.

Содержание

Документы Адвокатской палаты города Москвы	2
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 175 от 27 мая 2021 года «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	2
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 176 от 27 мая 2021 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	6
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 177 от 27 мая 2021 года «О награждении адвокатов»	9
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 214 от 29 июня 2021 года «Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	11
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 215 от 29 июня 2021 года «Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	16
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 216 от 29 июня 2021 года «О награждении адвокатов»	19
Адвокатское сообщество	19
В помощь адвокату	21
В АИС АПМ появилась возможность автоматически уведомить защитника по назначению о защитнике по соглашению	22
Обзор дисциплинарной практики	26
Судебная практика	93
Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»	93
Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)»	104
Перечень Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятых в связи с изменением законодательства и имеющимися в судебной практике вопросами в период с марта по июнь 2021 года.	103
Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2021 г. № 1352-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агафонова Сергея Байрамовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также частями 6 и 7 статьи 2 Федерального закона от 11 октября 2018 года № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»	114

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2021 г. № 29-П по делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова. (Извлечение)	120
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2021 г. № 28-П по делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова. (Извлечение)	125
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2021 г. № 27-П по делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 74, части второй статьи 101 и пункта «в» части первой статьи 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Яковлева. (Извлечение)	128
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2021 г. № 21-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко. (Извлечение)	132
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 мая 2021 г. № 19-П по делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой. (Извлечение)	135
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 18-П по делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских. (Извлечение)	139
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2021 г. № 17-П по делу о проверке конституционности статьи 1.5, части 1 статьи 2.1, части 1 статьи 15.6, пункта 1 части 1, части 3 статьи 28.1 и примечания к этой статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки Н.Н. Корецкой. (Извлечение)	144
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2021 г. № 13-П по делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой. (Извлечение)	149
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П по делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой. (Извлечение)	152

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2021 г. № 10-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В.А. Вострикова. (Извлечение)	157
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 5-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова. (Извлечение)	162
Московский городской суд. Апелляционное определение от 23 июня 2021 года по делу № 33а-2549/2021	165
Международное право	169
Рекомендация Комитета Министров Совета Европы государствам-членам № R(2000)21 «О свободе осуществления профессии адвоката»	169
<i>Д. Гурин.</i> Последствия недобросовестности действий представителя заявителя (Решение Европейского Суда по делу «Дмитрий Сергеевич Павлов против Российской Федерации» (Dmitriy Sergeevich Pavlov v. Russia) от 8 апреля 2021 г., жалоба № 15573/18)	174
Решение Европейского Суда по делу «Дмитрий Сергеевич Павлов против Российской Федерации» (Dmitriy Sergeevich Pavlov v. Russia) от 8 апреля 2021 г., жалоба № 15573/18	176
Решение Европейского Суда по делу «Александр Юрьевич Большаков против Российской Федерации» (Aleksandr Yuryevich Bolshakov v. Russia) от 9 февраля 2021 г., жалоба № 25723/20 и две другие жалобы	178
Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гестюр Йонссон и Рагнар Халлдор Халл против Исландии» (Gestur Jónsson and Ragnar Halldór Hall v. Iceland) от 22 декабря 2020 г., жалобы №№ 68273/14 и 68271/14.	182

Вестник Адвокатской палаты города Москвы
Выпуск № 2 (153) 2021

Учредитель
Адвокатская палата города Москвы
119002 Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
+7 (499) 241–2020
www.advokatymoscow.ru
info@advokatymoscow.ru

Редакционный совет
И.А. Поляков (председатель),
С.Б. Зубков, Н.М. Кипнис,
В.В. Клювгант, Г.М. Резник

Ответственные за выпуск
Н.М. Кипнис, В.В. Клювгант

Дата подписания в печать
26.08.2021

Редакция и издатель
ООО «Развитие правовых систем»
127055 Москва,
Суцеская ул., 12/1
+7 (499) 350–0015
www.rpspress.ru, info@rpspress.ru

Отпечатано
в ООО «АГС-Принт»
115553 Москва, пр-т Андропова,
д. 22, этаж 9, к. 52
Формат 70 × 108 / 16. Гарнитура Times.
Усл.-печ. л. 13,5.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № 211040

© Адвокатская палата
города Москвы, 2021

© ООО «Развитие правовых систем»
(подготовка, оформление), 2021